*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

# БОЛЬШЕВИК

№ 15 МАРТА 5

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

## СОДЕРЖАНИЕ



1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—10008 Тираж 75.000.
Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

# Из итогов пленума ИККИ.

Февральский 1928 года пленум ИККИ обсуждал ряд вопросов крупнейшего политического значения. Наша партия должна внимательнейшим образом присмотреться к решениям ИККИ и подвергнуть их проработке в широких партийных массах.

Пленум ИККИ, прежде всего, обсудил вопросы, связанные с антисоветской деятельностью троцкистской оппозиции как в СССР, так и в международном масштабе. Выступления делегатов доказали, что вопрос о троцкистской оппозиции является сейчас вопросом, вокруг которого, между прочим, в последнее время шла борьба между коммунистами и социал-демократами.

Коммунисты подытожили свое отношение к троцкистской оппозиции, когда они сказали в резолюции пленума ИККИ:

> «Пленум ИККИ считает, что эволюция к социал-демократизму, проделанная троцкистской оппозицией, ее явно антисоветская позиция, насквозь враждебная диктатуре пролетариата, ее раскольнические методы в коммунистических партиях—привели к тому, что принадлежность к троцкистской оппозиции, солидаризация с ее взглядами не могут быть совместимы впредь с принадлежностью к Коммунистическому Интернационалу».

И в другой связи:

> «Пленум целиком и полностью солидаризируется с решениями ВКП(б) и мерами, проведенными ВКП(б) через советские органы для пресечения антисоветской деятельности оппозиции».

В этих решениях Исполкома нашло выражение весьма определенное и единодушное отношение коммунистов всех стран к троцкизму.

Иначе реагировала на антисоветскую деятельность троцкистов и мероприятия компартии и советского правительства в отношении оппозиции социал-демократия.

К моменту, совпавшему с началом работ пленума ИККИ, лидеры II Интернационала, бельгийский социалист Де-Брукер и германский социал-демократ Криспин, обратились к председателю ЦИК СССР тов. Калинину от имени комиссии по обследованию положения политических заключенных с протестом против высылки вождей троцкистской оппозиции в ВКП(б).

Эти два документа—резолюция пленума ИККИ по вопросу о троцкистской оппозиции и протест лидеров II Интернационала против высылки троцкистов—достаточно ярко характеризуют действительную роль троцкистов в процессе борьбы ленинизма с оппортунизмом.

Выступления делегатов на пленуме показали, что во всех странах социал-демократы выступили на защиту троцкистов против ВКП и СССР.

Австрийские социал-демократы, в лице Бауэра и Фрица Адлера, заявляют о недопустимости устранения с политической арены таких революционеров, как Троцкий и «иже с ним», и усматривают в этом устранении термидор; чехо-словацкие социал-демократы вторят «австрийцам»; английские реформисты из ренегатов, Постгейт и Предс, защищают право троцкистов на образование своей легальной оппозиционной партии; норвежский «австромарксист» Транмель рассматривает последние внутрипартийные события в ВКП, как показатель термидора, и требует «освобождения политических заключенных»; голландская реформистка Роланд-Гольст протестует против высылки Троцкого, который является, с ее точки зрения, «живым символом Октябрьской революции» (она «аргументирует» даже стихами); в японской социал-демократической газете «Лэйбор» Троцкий защищается, как «подлинный вождь марксизма и ленинизма»; целая стая реформистских и буржуазных газет осуждает ВКП и СССР за высылку троцкистов и берет их под свою защиту, как подлинных «марксистов» и «ленинцев».

Все делегаты констатировали тот факт, что документы троцкистской оппозиции, как-то: тезисы статьи Троцкого, письмо Иоффе, секретные партийные документы (завещание Ленина) и т. д. перепечатывались из ренегатских листков в социал-демократической и буржуазной прессе и пускались в широкое политическое обращение для борьбы против ВКП, СССР и Коминтерна.

Как известно, имел место даже случай, когда буржуазная газета купила за крупные деньги у заграничного сторонника Троцкого (Макса Истмена) секретный партийный документ, распространяемый троцкистами.

Но особенную радость по поводу обострения антипартийной и антисоветской борьбы троцкистской оппозицией и по поводу умножения и распространения оппозиционных антиреволюционных документов выразили, конечно, социал-демократы,—они перепечатывали в своих газетах все, что пускала в обращение троцкистская оппозиция.

«Аргументация» и клевета троцкистов льет воду на меньшевистскую мельницу—это меньшевики прекрасно понимают. Недаром лидер русских меньшевиков Ф. Дан пишет в своей статье по поводу последних документов Троцкого и Сапронова в органе австрийской соц.-дем. «Der Kampf»:

> «К критической части обеих программ русскому социал-демократу вряд ли нужно многое прибавить. Характеристика хозяйственного положения страны и положения рабочего класса, тенденций социального и политического развития в эпоху нэпа, укрепления капиталистических собственнических элементов и роста их влияния на политику диктатуры,—все это почти слово в слово повторение критики со стороны социал-демократии».



Почему же меньшевикам не перепечатывать документов Троцкого и Сапронова, если на эти клеветнические документы можно опереться в борьбе против коммунизма?

Чрезвычайно характерен факт, приведенный на пленуме польским коммунистом тов. Пурманом и уже отмеченный «Правдой» [1]). «В Петроковской тюрьме, где заключены многочисленные коммунисты, пепэсовским агентам удалось, путем подсовывания «материалов» троцкистской оппозиции, убедить нескольких заключенных рабочих подписать заявление, направленное против СССР и Коминтерна. ППС договорилась после этого об освобождении этих лиц из тюрьмы и пользуется теперь их услугами. Эти люди раз'езжают, по поручению ППС, по районам, где сильно коммунистическое влияние, и ведут против коммунистической партии меньшевистско-троцкистскую агитацию».

Вредоносность троцкистских группочек разных стран определяется, как правильно отмечали все делегаты, выступавшие по докладу тов. Бухарина, не их собственной силой, а тем, что они усиливают социал-демократов, что они дают им новую идейную пищу, при чем эта пища исходит от людей, еще недавно бывших коммунистами.

Ренегатские троцкистские группы всюду вступили на путь об'единения, позабыв о своих былых разногласиях и выдвинувши своим знаменем троцкизм.

В Германии группа Маслова об'единяется в выборной кампании, вопреки прежним заявлениям о своем непримиримом отношении к каутскианцу Коршу, с коршистами. Во Франции правые Суварин и Паз подмяли под себя «левых» ренегатов Трэна и Сюзан-Жиро, при чем последние заговорили еще более гнусным языком, чем Суварин (так, напр., Сюзан-Жиро заявляет, что между царистской Россией и СССР нет разницы) и др. В Соединенных Штатах ренегатские ответвления были представлены Истменом, Лорэ, Залуцким, при чем Истмен был в предшествующей борьбе за исключение Залуцкого, Лорэ за исключение Истмэна, а Троцкий за исключение Лорэ. Теперь все эти ренегаты забыли свои разногласия, об'единившись под троцкистским знаменем борьбы против Коминтерна.

Примерно такая же картина наблюдается и в других странах.

Все эти группочки крайне малочисленны, никаких масс за собой не имеют и сами по себе никакой силы не представляют. Но они исключительно вредны потому, что они—вчерашние коммунисты—клевещут на коммунизм, Коминтерн, ВКП и СССР. Социал-демократы очень ценят эту идейную поддержку троцкистов, ибо этой поддержкой им удобно пользоваться в борьбе против роста левых настроений в рабочих массах.

> «Опасность троцкизма в международном рабочем движении,—читаем мы в резолюции пленума ИККИ о троцкистской оппозиции,—заключается в переживаемый нами период в том, что троцкисты ока-

[1]) Цитируем по «Правде», см. № 43 от 19 февраля, стр. 2.

зывают прямую поддержку идеологии и политике «левых» прислужников реформизма, что они усиливают «левых» вождей оппортунизма в их борьбе против коммунизма и СССР, что они увеличивают средства обмана и клеветы, которыми пользуются реформисты в борьбе против коммунизма, что троцкизм стал разновидностью бауэровщины и подобных ему агентур реформизма. Троцкистская оппозиция во всех основных вопросах целиком перешла на позиции «левых» прислужников оппортунизма, преобретая явно контрреволюционный характер. Клевеща, под прикрытием фраз о преданности революции и СССР, на Коммунистический Интернационал, ВКП(б) и пролетарскую диктатуру, внешнюю и внутреннюю политику которой они изображают так же лживо и извращенно, как и социал-демократы,—троцкисты вместе с международной социал-демократией ставят свою ставку на падение советской власти».

Троцкизм стал разновидностью «левых» прислужников оппортунизма, и потому троцкисты не могут быть терпимы в рядах Коминтерна—таков бесспорно правильный вывод, к которому пришел последний пленум ИККИ.

Опасность троцкизма есть по своей природе опасность оппортунизма. Поэтому всякие попытки изобразить дело так, что при отвлечении от троцкизма главная опасность оппортунистического характера—с точки зрения Коминтерна—заключается в правых отклонениях внутри компартии—являются недопустимыми, потому что они допускают отвлечение от того, от чего сейчас нельзя отвлекаться при анализе процессов, происходящих в международном рабочем движении.

Опасность троцкизма нельзя игнорировать: здесь заключается реальная опасность оппортунистического характера, которую необходимо иметь перед глазами в переживаемую полосу борьбы коммунистов за левеющие рабочие массы.

Пленум Исполкома Коминтерна должен был, далее, остановиться на оценке перспектив революционного движения и тактики компартий в ряде стран, прежде всего, в Китае.

В процессе предварительного обсуждения вопроса выяснилось, что ряд товарищей склонен ревизовать решения Коминтерна, в которых дана оценка характера китайской революции. Со стороны этих товарищей было выдвинуто утверждение, что китайская революция «имеет непрерывный (перманентный) характер». Взятое само по себе, это положение еще не заключает в себе конкретного уклонения от ленинской оценки характера китайской колониальной революции, ибо, как известно, о перманентной революции говорил и Маркс. Но против теории перманентной революции Маркса Троцкий выдвинул свою антиленинскую теорию «перманентной» революции. И пленум должен был отметить ошибочность «перманентного» тезиса товарищей, потому что их концепция имеет родство с троцкистской постановкой вопроса.

«Революция в Китае сейчас уже не носит буржуазно-демократического характера»; «теперь мы имеем дело с рабоче-крестьянской революцией, которую, если ставить вопрос о ее форме, о содержании и о классовых движущих силах, ни в коем случае нельзя назвать буржуазно-демократической»—таковы положения товарищей, которые придают их теории «перманентной» революции весьма конкретное оформление отнюдь не ленинского порядка. Для троцкистской теории «перманентной» революции как раз и являлось и является характерным перепрыгивание через буржуазно-демократический этап, неумение понять, что социалистическая революция завершает буржуазно-демократическую, вырастает из последней.



Оценивая характер китайской революции в текущей полосе и характер ошибки товарищей, выдвинувших тезис о «перманентности» революции, пленум заявляет в пункте первом резолюции по китайскому вопросу:

«Текущий период китайской революции есть период буржуазно-демократической революции, которая не завершена ни с точки зрения экономической (аграрный переворот и уничтожение феодальных отношений), ни с точки зрения национальной борьбы против империализма (об'единение Китая и национальная независимость), ни с точки зрения классовой природы власти (диктатура пролетариата и крестьянства). Характеристика текущего этапа китайской революции, как революции, переросшей уже в революцию социалистическую, неправильна. Равным образом неправильна ее характеристика, как революции «перманентной» (позиция представителя ИККИ). Тенденция к перепрыгиванию через буржуазно-демократический этап революции при одновременной оценке революции как революции «перманентной» есть ошибка, аналогичная той, которую допускал Троцкий в 1905 году. Эта ошибка тем более вредна, что при такой постановке вопроса выключается и крупнейшая национальная особенность китайской революции, как революции полуколониальной».

Оценивая соотношение классовых сил в Китае в текущий период, пленум констатировал, что «первая волна широкого революционного движения рабочих и крестьян, шедшего в основном под лозунгами—и в значительной степени под руководством—коммунистической партии, прошла». Но, отмечая факт поражения революции в ряде центров революционного движения, пленум одновременно отмечает, что, если еще нет оснований говорить о новом мощном под'еме революционного движения масс в общенациональном масштабе, то «ряд симптомов указывает, что рабоче-крестьянская революция идет к такому именно под'ему», хотя нарастание движения и происходит весьма неравномерно.

Пленум подчеркнул, что в предстоящей борьбе необходимо максимально трезво оценивать силы противника и изменения в соотношении классовых сил. В процессе обсуждения проблемы китайской революции выяснилось, что сторонники «пермаментной» теории недоучитывают силы противников революции, что они подошли к этому вопросу легкомысленно. Это выразилось в том, что они отрицали процессы консолидации сил реакции против сил революции, процессы, происходящие, несмотря на внутреннюю борьбу различных групп контрреволюции, что с их стороны был выдвинут тезис о том, что «буржуазия еще не конституировалась, как класс для себя». И это говорится после того, как китайская контрреволюция в течение дол-

того времени борется против рабоче-крестьянской революции, меняя лозунги и искусно маневрируя! Пленум требует от китайских коммунистов серьезнейшего отношения к такой задаче, как подготовка и проведение вооруженного восстания.

На этот счет в резолюции пленума сказано:

«Партия должна готовиться к широкому под'ему новой революционной волны. Этот под'ем обязательно поставит перед партией, как прямую практическую задачу, организацию и проведение массового вооруженного восстания, ибо только путем восстания и свержения теперешней власти могут быть решены задачи революции. Но именно для того и потому центр тяжести всей партийной работы в данный момент лежит в завоевании миллионных масс рабочих и крестьян, их политическом просвещении, в их организации вокруг партии и ее лозунгов (конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабочий день, национальное об'единение Китая и освобождение от ига империализма, свержение существующей власти, диктатура пролетариата и крестьянства, организация советов). Величайшая опасность всей теперешней обстановки состоит в том, что авангард рабоче-крестьянского движения в результате неправильного учета нынешней обстановки и недооценки сил противника может оторваться от масс, забежать далеко вперед, распылить свои силы и дать себя разбить по частям. Компартия будет наверняка разбита и дезорганизована, если она не поймет всей необходимости завоевания масс и их организации, если она не будет бороться со всякими попытками отвлечь ее внимание от подготовки миллионных масс к новому широкому революционному под'ему, подготовки, представляющей центральную задачу дня».

Обращаясь к опыту кантонского восстания, пленум, характеризуя кантонское восстание, как героическую попытку создания советской власти, и отмечая крупную роль восстания в развитии рабоче-крестьянской революции, указывает вместе с тем на ряд ошибок руководства, а именно на:

«недостаточную предварительную работу среди рабочих и крестьян, равно как и армии противника; неправильный подход к рабочим—членам желтых союзов; недостаточную подготовку к восстанию самой партийной организации и комсомола; полную неосведомленность общекитайского партийного центра о событиях в Кантоне; слабость политической мобилизации масс (отсутствие широких политических стачек, отсутствие *выборного* совета в Кантоне, как органа восстания), за что свою долю вины несут непосредственные руководители, политически ответственные перед КИ (тов. Н. и др.)».

Коммунистическая партия Китая должна укреплять свою боеспособность и свои силы для проведения победоносного восстания, давая систематический отпор как настроениям и тенденциям *оппортунистического* характера, так и тенденциям «*путчистского*» характера.

Только при этих условиях она сумеет придать организованность и обеспечить успешность рабоче-крестьянской революции.



Таковы основные линии решения пленума по китайскому вопросу.

Пленум обсуждал на своих заседаниях также *английский* вопрос.

Сдвиги и изменения, происшедшие в Англии в последние годы, выдвинули настоятельную необходимость подвергнуть тщательной критике тактику английской коммунистической партии в целом и в частности отношение коммунистической партии к рабочей партии и к лозунгу «рабочего правительства».

Вопрос о новой тактике вызвал резкую политическую борьбу в рядах самой английской коммунистической партии. Лидеры английской компартии сознавали, что *поворот* в тактике абсолютно необходим. Многие из них, однако, полагали, что можно и должно произвести этот поворот медленно, постепенно, сочетая старые тактические методы с новыми и дополняя старые лозунги новыми лозунгами. Другие, наоборот, полагали, что вся обстановка в целом требует крутого поворота, который находился бы в полном соответствии с потребностями новой политической ситуации.

Непосредственным толчком к широкой политической дискуссии послужила резолюция, принятая IX с'ездом английской коммунистической партии. В резолюции об основных задачах коммунистической партии Великобритании мы читаем:

«Основные задачи нашей партии в нынешний период заключаются в мобилизации рабочих 1) для борьбы с опасностью войны; 2) для организации отпора возобновленному капиталистами наступлению на заработную плату... и 3) *для борьбы с правительством Болдуина за его смену правительством рабочей партии, находящимся под контролем рабочего класса*» (курсив ред.).

Борьба за рабочее правительство об'явлена, таким образом, одной из основных задач партии. В дальнейшем резолюция расшифровывает формулу «под контролем рабочего класса» следующими словами:

«Осуществление контроля над будущим рабочим правительством производится исполкомом рабочей партии, действующим по инструкциям внеочередного конгресса и избирающим кабинет министров».

В этой формуле рабочий класс заменен его бюрократической верхушкой в лице бывших либералов и реакционных бюрократов профсоюзов, которые составляют большинство как исполкома, так и пресловутого рабочего правительства.

С'езд происходил в октябре. Резолюции октябрьского с'езда были предметом тщательного обсуждения на пленуме ЦК английской коммунистической партии (7, 8, 9 января с. г.). В тезисах большинства пленума мы читаем:

«Хотя и было ошибочным такое выставление лозунга лэйбористского правительства, находящегося под контролем рабочего класса, который создавал впечатление, будто это—центральный лозунг в нашей политике на выборах, мы все же считаем, что, поскольку базой рабочей

партии являются профсоюзы, члены которых в отличие от вождей, левеют, в случае прихода к власти лэйбористского правительства, лозунг контроля рабочего движения над лэйбористским правительством будет еще иметь известную ценность, хотя форма контроля, которую мы должны отстаивать, это—контроль со стороны рабочих организаций, а не бюрократии».

В этих тезисах большинство ЦК, отказываясь от контроля исполкома рабочей партии над рабочим правительством, признает борьбу за «рабочее правительство» не основной задачей коммунистической партии, но вместе с тем признает самый лозунг рабочего правительства верным.

Это отношение к «рабочему правительству» вытекает в первую очередь из оценки рабочей партии. В тезисах январского пленума ЦК мы читаем: «Рабочая партия является федеративным органом профсоюзов и политических партий». Мы слово «орган» намеренно подчеркнули, так как в другой части тех же тезисов мы читаем: «Рабочая партия не является истинной политической партией рабочего класса, а знаменует собой только фазу развития масс британских рабочих на пути к созданию такой партии».

Большинству впоследствии пришлось внести некоторый корректив в свои суждения о рабочей партии. В тезисах, представленных Галахером, Кампбеллом и Ростом февральскому пленуму Коминтерна, мы читаем:

> «Невзирая на то, что по своей организационной структуре рабочая партия остается тем же, чем она была, когда Ленин писал о ней, а именно: федерацией реформистских политических партий и профсоюзов для парламентских действий, в которой профсоюзы имеют численный перевес, лидеры рабочей партии заметно преуспели в том, чтобы навязать социал-демократическую дисциплину рабочей партии, и сделали поэтому серьезные шаги по направлению к своей цели, сводящейся к тому, чтобы предупредить развитие рабочей партии в классовую организацию и превратить ее в буржуазную партию, в третью партию капиталистического класса».

Тезисы большинства центрального комитета встретили резкий отпор на упомянутом выше январском пленуме ЦК. Представители меньшинства совершенно справедливо указывали на то, что лик английского рабочего движения резко видоизменился и что всякая попытка уклониться от политического и тактического учета происшедших сдвигов повлечет за собой рост реформистской бюрократии и ослабление роли и значения коммунистической партии. Они настаивали на том, что партия должна выступить во всеоружии широким, развернутым наступлением против рабочей партии, разоблачая ее истинную сущность, как партии, не ограничивающейся отныне лакейской ролью в отношении господствующих классов, а активно стремящейся к тому, чтобы превратить все организации рабочего движения в непосредственную агентуру капитала.

Необходимо вместе с тем признать, что и в рядах меньшинства не было полного единства. Над центральным комитетом, как и над местными организациями, тяготел «страх перед опасностью изоляции в связи с бешеной



кампанией об'единенной реакции». Этот страх чувствовался и в тезисах, представленных пленуму ЦК тов. Мерфи. Тов. Мерфи сделал правильный анализ развития рабочей парти и дифференциации внутри рабочего движения. Он, однако, полагал, что необходимо противопоставить рабочей партии не коммунистическую партию, как таковую, а новую революционную рабочую партию, которая об'единила бы в себе коммунистическую партию и здоровые левые элементы профсоюзов и рабочей партии.

Не было полного единства также и в рядах большинства пленума ЦК. Руководитель шотландских горняков, голосовавший на пленуме ЦК с большинством, в своей речи заявил: «Среди товарищей, с которыми я работаю, существует сильная уверенность, что необходимо действовать быстрее и острее, чем действовали до сих пор. Партия должна выступить открыто, и вместо того, чтобы покорно принимать удары и нападки, которым мы подвергались, мы должны на каждый удар ответить ударом». Тов. Ганиктон, руководитель движения безработных, также голосовавший с большинством, настаивал на том, что мы должны изменить всю нашу тактику и в частности нашу избирательную тактику, пояснив, что все наши предложения о едином фронте рабочей партии, которые заканчиваются тем, что мы им отдаем свои голоса, явно бесплодны.

В этой связи следует отметить особо такой документ, как открытое письмо ЦК английской коммунистической партии ко всем членам партии (от 26 января с. г.), где прямо сказано, что «неуспешность нашей партии итти вровень с классовой борьбой может выразиться в неспособности осознать, что лозунги, которые были правильны своевременно в 1924, 1925 гг. и в первые четыре месяца 1926 г.—до всеобщей забастовки—теперь несвоевременны и могут явиться задерживающим, а не прогрессивным фактором движения». В этом же открытом письме ЦК коммунистической партии совершенно правильно подводит итоги пройденным 14 месяцам после окончания забастовки горняков, устанавливая, что только в тех случаях, когда партия применяла новую тактическую линию, рассчитанную на мобилизацию масс против реформистских лидеров, ее кампании были вполне успешны.

Из этого краткого обзора явствует, что английская коммунистическая партия была подготовлена к тому, чтобы совместно со всем Коммунистическим Интернационалом положить конец хаосу и наметить четкую тактическую линию, которая находилась бы в полном соответствии с обстановкой классовой борьбы в Англии. Эту новую тактическую линию мы находим в резолюции, принятой единогласно сперва всей делегацией—большинством и меньшинством—английской компартии на пленуме, а затем и всем пленумом Исполкома Коминтерна. (Заседание от 18 февраля).

Самыми острыми вопросами в дискуссии на пленуме были вопросы о рабочем правительстве и о рабочей партии.

Большинство ЦК первоначально думало, что необходимо ограничиться только внесением ряда коррективов к лозунгу рабочего правительства, но что нет основания пересматривать совет Ленина о необходимости толкать рабочую партию к власти. Но уже поиски коррективов показали, что самый лозунг устарел, что он является в нынешней обстановке не лозунгом, мобили-

зующим массы, а лозунгом, мешающим развязыванию революционной энергии английского пролетариата. Основные изменения, происшедшие с 1920 г., когда Ленин дал свой совет по вопросу о рабочем правительстве, четко сформулированы во II пункте резолюции пленума, который мы поэтому воспроизводим полностью.

«Ни в коем случае нельзя смешивать положение, которое было в 1918 и 1920 гг., когда Ленин выдвигал тактику поддержки рабочей партии и подталкивания ее к власти, с теперешним положением. В 1918—20 гг. правительство рабочей партии могло сыграть роль правительства Керенского со всеми его колебаниями. Нельзя его сравнивать ни с положением в 1922—23 гг., когда рабочая партия включала в свою программу требования, встречавшие резкий отпор со стороны капиталистов (налог на капитал, безработица, СССР). Нельзя его сравнивать и с ситуацией в 1924 г., когда правительство Макдональда было вынуждено уйти в отставку по двум об'ективным революционным вопросам. Теперь так называемое рабочее правительство с самого начала будет явным орудием наступления на рабочих. Опыт правительства Макдональда, предательство всеобщей стачки и стачки горняков, изменившаяся позиция лэйбористской и трэд-юнионистской верхушки в вопросе о войне, об отношении к СССР, к Китаю, Индии и Египту, изменившаяся позиция в основных внутренних вопросах (рационализация, профсоюзный билль, «мир в промышленности» и пр.),—все это выдвигает перед коммунистической партией необходимость отчетливее и резче выступить в качестве независимой политической партии, изменить свою позицию по отношению к рабочей партии и «рабочему правительству» и, следовательно, заменить лозунг рабочего правительства лозунгом революционного рабочего правительства».

Мы приводили выше выдержку из первоначального наброска тезисов, представленных товарищами Кампбеллом, Галахером и Ростом. Из этих тезисов явствовало, что и представители большинства учитывают успехи буржуазно-либеральной бюрократии рабочей партии в деле превращения последней в «третью буржуазную партию». В других документах большинства мы можем найти более отчетливые характеристики этого процесса. Формулу пленума по вопросу о рабочей партии мы найдем в 4 пункте принятой резолюции, которая отмечает как своеобразную организационную структуру рабочей партии, так и основную политическую тенденцию ее развития. В этом пункте мы читаем:

«Эта консолидация капиталистической буржуазии и реформизма сопровождается развертыванием борьбы между правым крылом и революционными рабочими, вырастающей в сугубую атаку вождей РП и профсоюзов на левые элементы рабочего движения и, в первую очередь, на коммунистическую партию, единственную революционную партию пролетариата. Рабочая партия, все более и более превращающаяся из особой организации федеративного типа, построенной на базе профсоюзов, в ординарную социал-демократическую партию, со все большим ожесточением выбрасывает из своей среды даже тех коммунистов и левых рабочих, которые являются представителями трэд-юнионов; руководство этих последних переходит ко все более планомерной атаке на работников движения меньшинства и компартии, практикуя, в свою очередь, политику преследований и стремясь обрезать все связи коммунистов с массами пролетариата».



Из характеристики политической тенденции развития рабочей партии, с одной стороны, и сущности «рабочего правительства» — с другой, неминуемо и неизбежно вытекает, что коммунистическая партия не может и не должна ограничиваться борьбой против одного лагеря буржуазии—против правительства Болдуина, а должна усилить борьбу против откровенной буржуазной реакции развернутым массовым наступлением против рабочей партии, все более превращающейся в третью буржуазную партию, на свой манер и своими способами пытающуюся спасти британский империализм от распада и разложения.

Частью общей тактической линии является также и избирательная тактика английской коммунистической партии. Сила английской коммунистической партии заключалась и заключается в том, что она тесно и неразрывно связана с массами. Именно поэтому некоторые ее кампании были столь успешны, вопреки тому, что партия не сумела теоретически и политически в достаточной мере ясно осмыслить все политические изменения, происшедшие в Англии после всеобщей забастовки. Но источник силы английской коммунистической партии подчас превращается в источник ее слабости. Английские коммунисты хорошо знают, что ненависть к правительству Болдуина, разгромившему всеобщую забастовку и забастовку горняков, проведшему ряд драконовских законов против английского рабочего движения, превращается в страстное стремление заменить это правительство другим правительством. Английские пролетарии, воспитанные в буржуазных традициях парламентаризма и буржуазной демократии, естественно, рассматривают рабочее правительство, как единственную возможную альтернативу правительству зубров. Именно поэтому большинство руководителей английской коммунистической партии сугубо осторожно подходило к вопросам избирательной тактики. Они опасались, что тактика, которая может быть истолкована в той или иной форме, как уменьшение голосов рабочей партии, будет не понята даже теми рабочими, которые уже сознают предательский характер лидерства рабочей партии, но которые еще питают надежду, что можно будет тем или иным путем линию рабочей партии исправить. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что именно эти соображения привели к тому, что линия, рассчитанная на критическую поддержку рабочей партии, собрала большинство на январском пленуме ЦК.

Пленум Исполкома Коминтерна подверг этот вопрос самому тщательному анализу. В процессе прений было установлено, что еще задолго до пленума центральный комитет английской коммунистической партии на основе учета результатов ряда избирательных кампаний (дополнительные выборы) последнего года пришел к выводу, что как раз в наиболее важных промышленных центрах рабочая партия теряет голоса и что только в тех случаях, когда знаменосцами рабочей партии выступают люди, идущие на единый

фронт с коммунистами и отвергающие линию Макдональда, рабочая партия пользуется успехом. Иными словами, даже непосредственная избирательная практика показывает, что коммунистическая партия должна выступить не только со своими лозунгами, но и со своими кандидатами для того, чтобы мобилизовать и об'единить тех рабочих, которые все более и более отворачиваются от буржуазного руководства, но не имеют возможности в избирательных кампаниях выразить свои стремления и чаяния. Именно поэтому коммунистическая партия еще до пленума поставила практически вопрос о проведении такой избирательной кампании, которая обеспечила бы создание самостоятельной коммунистической фракции в английском парламенте. Но большинство коммунистической партии полагало, что избирательная тактика коммунистической партии должна быть проведена таким образом, чтобы ни в коем случае не дробить рабочих голосов в тех избирательных округах, где в результате такого дробления старые буржуазные партии — консерваторы и либералы — могут оказаться победителями. Критический анализ этого принципа, однако, показал, что его применение по существу повлечет за собой отказ коммунистической партии от выставления своих кандидатов в важнейших промышленных центрах. Именно поэтому пленум Коминтерна в своей резолюции отчетливо подчеркнул, что «компартия будет стремиться к выдвижению максимального (курсив ред.) числа самостоятельных коммунистических кандидатур». И к этому прибавил, что «абсолютно необходимо выдвинуть кандидатов в противовес лидерам лэйбор-парти и Генерального совета».

Пленум, конечно, не ограничился этими общими указаниями, он наметил точную практическую схему избирательной тактики английской компартии. Нас, однако, в данном случае интересует основное положение резолюции, сводящееся к тому, что коммунистическая партия в своей избирательной борьбе расценивает рабочую партию не как богом данную единую представительницу организованного пролетариата в Англии, а как организованное предательство интересов английского рабочего класса.

Резолюция по английскому вопросу имеет огромнейшее политическое значение, выходящее за пределы самой Англии. По существу английская резолюция воплощает в себе общую установку Коммунистического Интернационала в вопросе о развернутом наступлении против социал-реформизма, который не только в Англии, но и во всех прочих капиталистических странах открыто выполняет функцию важнейшего аппарата господствующих классов в деле стабилизации капитализма за счет интересов пролетариев при помощи организаций, созданных рабочим классом. Ценность английской резолюции в том и заключается, что она сумела применить эту общую установку к крайне сложной и крайне запутанной конкретной обстановке классовой борьбы в современной Англии.

Решение пленума ИККИ по французскому вопросу имеет не меньшее значение, чем решение по английскому вопросу. Необходимость изменения курса французской компартии в течение последнего года в различных формах ставилась Коминтерном перед французской компартией. Большинство ошибок, которые французская компартия совершила за последний год, нужно отнести именно за счет недостаточного понимания своеобразия той обстановки, которую мы имеем сейчас во Франции, и за счет отсутствия у партии правильной оценки тех политических сил, которые выступают в классовой борьбе.



До последнего времени французская компартия допускала, например, временные соглашения с демократическими слоями мелкой буржуазии. Она не занимала достаточно самостоятельной позиции в отношении социалистической партии, не вела достаточной разоблачительной работы по отношению к последней, неправильно учитывала роль «левого» крыла социалистической партии. Между тем, основной задачей нашей партии и в предстоящий период и в прошлом должно было бы быть большее выявление самостоятельности компартии, более четкое выявление той пропасти, которая лежит между компартией и социалистами. Большие ошибки были сделаны партией в ее профсоюзной тактике. Эти ошибки шли по линии неумения овладеть экономической борьбой рабочего класса, неумения углублять и расширять эту борьбу. Были отдельные случаи, когда партийное руководство тормозило стачечную борьбу, либо вместо выдвижения конкретных лозунгов, их пропаганды ограничивалось фразами о всеобщей стачке и т. д. Общая установка партии отчасти отразилась и на ее массовой работе. Несмотря на то, что партия проводила очень удачные массовые выступления, демонстрации и т. д., она все же чересчур считалась с буржуазной законностью, теряя из-за этого подчас возможность проводить широкую мобилизацию рабочих и трудящихся масс против буржуазного правительства, запаздывая иногда со своими выступлениями.

Понятно, что поворот, который наметил Коминтерн в связи с полевением рабочего класса, углублением классовой борьбы, поправением международной социал-демократии и т. д., в первую голову должен был коснуться французской компартии. Компартия Франции под влиянием критики Коминтерна сама сделала в этом направлении крупный шаг, обратившись еще в ноябре с «Открытым письмом» к членам партии, в котором дала анализ тех ошибок, которые партия совершила, призвала партию к тому, чтобы эти ошибки обсудить и признала необходимость изменения тактики партии как в смысле усиления ее связи с массами, более энергичного руководства классовой борьбой рабочего класса, так и в смысле обострения борьбы против всех слоев буржуазии, против социалистической партии и ее «левого» крыла в первую очередь.

Большое влияние на изменение тактики партии оказали низовые партийные организации, в особенности в парижской организации, которые резко критиковали ошибки партии и помогли ей в принятии того курса, который намечен «Открытым письмом». Что этот поворот будет представлять большие трудности для партии, что он недостаточно еще усвоен всей массой членов партии и его активом, показывает тот факт, что уже после принятия «Открытого письма» партия совершила ряд ошибок, которые идут вразрез с новой линией. Несомненно, что и в будущем предстоят некоторые внутренние трудности, так как в руководстве партии имеются элементы, которые до сих пор не понимают необходимости поворота в тактике партии. Однако,

партийная конференция, состоявшаяся в январе, единогласно приняла резолюцию, в которой подтверждается и конкретизируется линия, намеченная «Открытым письмом».

Партия должна будет ликвидировать те ошибки и слабости, которые имеются в ее массовой работе. Индустриальная база партии, ее повседневная связь с рабочими далеко не достаточны. Этим в первую голову об'ясняется неверная тактика во время тех стачек, которые недавно проходили во Франции, и в эту сторону должно быть в первую очередь направлено внимание французской компартии. Партия должна будет занять более самостоятельную позицию в политической борьбе, решительно покончив с тактикой соглашений с радикальным крылом мелкой буржуазии.

Партия должна будет также всемерно заострить свою борьбу против социалистической партии. Основную опасность для партии в ее борьбе за влияние на рабочие массы представляет «левая» верхушка социалистической партии, которая на деле ничем не отличается от правого крыла социалистов, но сохранила революционную фразеологию и своей видимой оппозицией к официальному курсу социалистической партии удерживает свое влияние на известные слои рабочего класса. Партия должна будет приложить все усилия для разоблачения этой «левой» верхушки.

Но предпосылкой этого является правильная оценка этого крыла социалистической партии как главного тормоза, главного барьера компартии на пути к массам. Это изменение тактики французской компартии найдет свое выражение во время предстоящих выборов, где партия и в первом и во втором выборном туре выставит своих кандидатов против кандидатов буржуазии и кандидатов правого и «левого» крыла социалистической партии. Резолюция национальной конференции французской компартии предвидит возможность отдельных исключений, когда компартия будет голосовать за кандидатов «левого» крыла социалистов в том случае, если голосование против него будет означать победу реакционного депутата. Но эти исключения будут носить единичный характер.

Партия должна будет широко использовать против левой верхушки социалистической партии тактику единого фронта, применяя ее к конкретной обстановке в каждом отдельном избирательном округе.

Компартия Франции, которая сумела добиться очень больших успехов в своей борьбе против буржуазии, в своей борьбе против опасности войны, которая сумела удержать свои позиции, несмотря на громадные репрессии правительства Пуанкаре, которая сумела преодолеть ту опасность, которую пытались ей создать сторонники троцкистской оппозиции во Франции, которая на деле является единственной партией, отражающей подлинные интересы рабочих и крестьян, сделала большой сдвиг вперед по пути своей большевизации. Однако, главные трудности впереди. Широкое обсуждение нового партийного курса, открытая критика тех ошибок, которые партия сделала, оживление внутрипартийной жизни,—все это является залогом того, что партия сумеет новый курс осуществить на практике. На этом должны быть сконцентрированы все усилия. Предстоящая избирательная борьба будет одной из проверок способности партии мобилизовывать массы на револю-



ционное подполье на платформе борьбы против буржуазии и ее агентов в рабочем движении.

Рост экономической борьбы рабочего класса, выражающийся в громадных стачках, усиление позиции коммунистов и связанное с этим обострение борьбы реформистов против коммунистического влияния в профсоюзах (исключение коммунистов, раскол профсоюзов, находящихся под влиянием коммунистов и т. д.),—все эти вопросы, в связи с предстоящим конгрессом Профинтерна, также стояли в порядке дня пленума ИККИ.

Характерной чертой той стачечной волны, которая проходит сейчас в важнейших капиталистических странах, является то, что рабочему классу приходится вести борьбу против сильнейших капиталистических трестов и концернов, охватывающих сотни тысяч рабочих, обладающих мощным аппаратом, опирающихся на полную поддержку государственного аппарата буржуазии. С другой стороны, верхушка профессиональных организаций все больше подчиняет свою тактику лозунгу так называемого «промышленного мира», все больше сращивается с предпринимательскими и государственными организациями буржуазии. Все это придает экономической борьбе рабочего класса чрезвычайную остроту и выдвигает громадные трудности на пути этой борьбы. Стачки становятся ареной жестоких столкновений между рабочим классом и буржуазией, между коммунистами и реформизмом—с другой стороны. Одним из важнейших лозунгов, который выдвигается на очередь дня, является лозунг свободы стачечной борьбы, который на деле срывается их поддержкой, путем принудительного арбитража и других форм, дающих возможность предпринимателям при помощи государственного аппарата и при поддержке реформистов ломать сопротивление рабочего класса. Важнейшей задачей является увеличение активности широчайших масс рабочего класса, вовлекаемых в стачечную борьбу. Пленум ИККИ наметил основные пути для осуществления этой задачи:

> «Для широкой мобилизации масс более чем когда бы то ни было раньше необходимо быстрейшее проникновение на крупные концентрированные предприятия. Максимальное боевое единство рабочего класса, организация неорганизованных, организация широчайших неквалифицированных масс, преодоление ничтожной организованности рабочих крупных предприятий,—все это должно явиться центральной задачей коммунистического авангарда».

Важнейшим условием успешности стачечной борьбы является обеспечение революционного руководства ею. Между тем реформисты, имеющие в своих руках профсоюзный аппарат, используют его для того, чтобы на деле предавать интересы рабочего класса. Поэтому перед коммунистами, как одна из важнейших задач, стоит борьба за руководство стачками. Умение выдвигать такие лозунги, которые сумели бы собрать вокруг себя подавляющую массу рабочих, создание и овладение стачечными комитетами, умение учитывать конкретное соотношение сил, умение маневрировать в процессе стачечной борьбы,—всем этим должны овладеть коммунисты для того, чтобы отвоевать рабочих от реформистов. Успешность этой борьбы будет опреде-

2

ляться тем, насколько коммунисты сумеют усилить свое влияние в низовых профессиональных организациях, сумеют преодолеть тот взгляд среди рабочих масс, что коммунисты годятся только для открытых классовых боев, но не для повседневной борьбы за их экономические интересы. Эта же работа создаст предпосылки для борьбы против попыток реформистов изолировать коммунистов из профессиональных организаций. Тактика раскола профсоюзов, находящихся под влиянием коммунистов, и исключения коммунистов из профсоюзов должна быть обращена против самих реформистов. Успех этой борьбы зависит исключительно от того, насколько коммунисты сумеют обеспечить себе поддержку низовых масс членов профсоюзов.

Все это придает очень большое значение организационной работе коммунистов в профессиональных союзах. Решения пленума ИККИ по этому вопросу намечают ряд мер: максимальный охват профсоюзами рабочих, особенно на крупных предприятиях, завоевание фабзавкомов, борьба за демократизацию профессиональных организаций, борьба против попыток подчинения низовых профессиональных организаций курсу классового сотрудничества, который проводят реформисты, усиление работы фракций коммунистов в реформистских профессиональных организациях и т. д.

Особые задачи стоят перед коммунистами тех стран, где профдвижение расколото, где существуют самостоятельные красные профсоюзы. Работа здесь должна будет итти по пути укрепления красных профсоюзов, в первую очередь среди неорганизованных рабочих, проведения в красных профсоюзах всех тех условий, которые обеспечивают максимальную связь с низовыми profорганизациями и т. д. Особенно важная задача стоит сейчас перед коммунистами в тех странах, где не существует организованной профсоюзной оппозиции, где коммунисты работают через свои фракции. Особенно в Германии, где стачечная борьба приняла острейшие формы, укрепление коммунистического аппарата работы в профсоюзах является решающей предпосылкой успешного развития всей коммунистической партии Германии. Пленум ИККИ наметил для компартии Соединенных Штатов задачу организации профсоюзов в тех отраслях производства, где рабочие совершенно не организованы. Эта работа не должна итти за счет ослабления работы в реакционной федерации труда, но она приобретает сейчас громадное значение, когда усиливается наступление буржуазии на рабочий класс и когда основная масса рабочих в Соединенных Штатах стоит вне профсоюзов.

Именно потому, что полевение рабочего класса, усиление классовой борьбы, рост стачечной волны создают очень благоприятные условия для роста коммунистического влияния в рабочем классе, вопрос об укреплении коммунистического влияния в профсоюзах, создание в них крепкого аппарата, повседневная энергичная борьба против реформистского влияния в профсоюзах становятся насущной задачей компартии всех стран.

На эту сторону дела пленум ИККИ обратил особое внимание партии.

Решения ИККИ имеют большое политическое значение: они дают принципиальный ответ на существеннейшие проблемы мирового коммунистического движения. Наши партийные организации должны серьезнейшим образом ознакомиться с этими решениями.

---

*И. Д. Левин.*

# Вожди в рабочем движении.

## *„Буржуазные" взгляды коммунистов и „марксистские" взгляды Отто Бауэра.*

Вожди в рабочем движении вообще и в профессиональном в частности играли и играют огромнейшую роль. «Ни один класс в истории,—писал Ленин,—не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им». (Ленин, том IV, стр. 14).

В настоящий момент мировое профдвижение, за исключением СССР, Китая и некоторых других стран, находится в руках от'явленных прислужников буржуазии, предателей - карьеристов и, как, например, в Соединенных Штатах, просто мошенников и бандитов, подсылающих наемных убийц для устранения со своего пути неугодных им оппозиционных рабочих. Эти вожди, по меткому выражению Де-Лиона, «рабочие ад'ютанты капитала», превращают профсоюзы из органов классовой борьбы в органы классового сотрудничества, подчиняя интересы рабочих интересам буржуазии. История мирового рабочего движения со времени империалистической войны представляет собой историю неслыханных предательств, совершенных реформистскими рабочими вождями по отношению к рабочему классу и отчаянной борьбы революционного меньшинства за классовую пролетарскую линию. Во время войны эти вожди стали на сторону своей отечественной буржуазии, втравливая рабочих в братоубийственную войну, разжигая шовинистические страсти и помогая буржуазии отнимать у рабочих все свободы, завоеванные ими в течение долгих лет неимоверно тяжелой борьбы. Во время войны произошло теснейшее сближение и сращивание между бюрократией рабочего движения и буржуазией. Некоторые вожди получили министерские портфели в военных кабинетах, другие стали членами бесчисленных правительственных военнопромышленных и других комитетов и комиссий. В послевоенный период революционной грозы и бури вожди принялись за спасение зашатавшегося капиталистического строя. В Германии руками немецких социал-демократов и профбюрократов была раздавлена пролетарская революция и расчищена дорога для прихода к власти блюстителя кайзеровского трона—Гинденбурга. Везде рабочие вожди усерднейшим образом помогали буржуазии справиться с вышедшей из берегов рабочей стихией, угрожавшей захлеснуть революционной волной старый буржуазный мир. Они раздували перед рабочими значение Лиги Наций, этой хитрой выдумки империалистических держав, изображая ее, как воплощение идеала вечного мира и братства народов. Международное бюро труда, являющееся пристройкой к Лиге Наций, они изображали как орудие, при помощи которого рабочие, рука об руку с предпринимателями, могут добиться осуществления своих требований во всех странах мира без борьбы, без крови и слез. Внутри профсоюзов они вели беспощадную борьбу со всеми, кто осмеливался восставать против их бур-

жуазной политики. На требование проведения линии классовой борьбы они отвечают исключениями из профсоюзов. Они выбрасывают не только индивидуальных членов, но отсекают целые секции и целые союзы. Они навязали и навязывают профдвижению раскол.

Мы придаем огромное значение вождям. Борьба, которую коммунисты и приверженцы Красного Интернационала Профсоюзов ведут за классовую линию, сопровождается беспощадной критикой реформистских вождей и разоблачением их предательской деятельности. В ответ на это лжемарксисты бросают нам обвинение, что мы являемся приверженцами буржуазной теории о роли личности в истории и создаем культ героев. Это—серьезное обвинение, и на нем необходимо остановиться.

---

Обосновал это обвинение апостол австро-марксизма Отто Бауэр. В 1926 году, после срыва всеобщей стачки в Англии предательством Генерального совета трэд-юнионов, этот достопочтенный теоретик занялся разбором «уроков английской борьбы» на страницах центрального органа австрийской социал-демократии («Арбейтерцейтунг» 16 мая 1926 г).

«Почему,—спрашивает Отто Бауэр,—стачка не увенчалась успехом?». И замечает: «У коммунистов и их охвостья сразу готов ответ: вожди «предали» движение. Это обычная комболтовня после каждой великой борьбы: мир давно был бы раем, если бы рабочие «вожди» не были тряпками, трусами и предателями». Далее, Отто Бауэр поучает:

«Буржуазно-индивидуалистическое мировоззрение рассматривает историю, как творчество великих людей. Все великое в истории является делом какого-нибудь мудреца или героя. Во всяком же историческом несчастье виновником является либо глупец, либо предатель».

«Маркс поборол этот индивидуалистический взгляд на историю. Согласно учению Маркса ход истории определяется развитием экономических сил человечества, развитием классов, степенью зрелости этого развития и борьбой классов. Великие люди могут исполнить лишь то, что стало возможным благодаря экономическому развитию, развитию классов».

А затем Отто Бауэр продолжает наставительно:

«Тот, кто желает об'яснить судьбы рабочего класса добродетельными или преступными качествами вождей, тот по-уши завяз в буржуазно-индивидуалистическом взгляде на историю и ничего не понимает в азбуке марксизма».

Итак, мы, коммунисты, посрамлены. Отто Бауэр доказал, что мы погрязли в болоте буржуазных идей. Великие люди, оказывается, не влияют на ход истории. Поэтому нет и не может быть никакого предательства. Жуо, Томас, Клайнс, Грин, Льюис, Гуземан, Лейпарт и вся эта братия профсоюзных мерзавцев могут быть совершенно спокойны. Они получили из рук австро-марксистского папы, Отто Бауэра, индульгенцию, и отныне им отпускаются все их прошлые и будущие грехи. Если при следующей борьбе английских углекопов Гуземан из Германии, Станчик из Польши, Делятр из Бельгии и т. д. будут по примеру 1926 г. посылать штрейкбрехерский уголь, который взорвет забастовку в Англии—это будет не предательство, а лишь доказательство того, что экономические условия, а главное зрелость масс не достигли еще такой степени, чтобы позволить этим почтеннейшим джентльменам быть честными вождями.

Вожди английской рабочей партии совместно с вождями Генерального совета в начале этого года поддержали империалистическую политику Чемберлена в Китае, а теперь те же вожди поддерживают комиссию Болдуина о реформах в Индии, восстанавливая этим против английского пролетариата огромнейшие трудящиеся массы рабочих и крестьян Индии. Это по Отто



Бауэру не предательство интересов английского пролетариата, а «ход истории, который определяется развитием экономических сил человечества и т. д.».

Словом, виноваты все: история, экономические условия, незрелость масс, но не вожди. Вот до какой мерзости доходит вульгаризация и фальсификация Маркса, практикуемая Отто Бауэром.

Отто-бауэровское изложение материалистического понимания истории по Марксу совершенно неудовлетворительно. В самом деле, Отто Бауэр обусловливает ход истории не только развитием экономических сил человечества, но и «развитием классов, степенью зрелости этого развития, борьбой классов».

Заметим мимоходом, что не всякое человеческое общество разделено на классы. Первобытное общество не знало ни классов, ни классовой борьбы. Ход истории первобытного общества обусловливался поэтому господствовавшим в нем способом производства и только. Дальнейшая же история человеческого общества есть история борьбы классов. Следовательно, в отношении этого периода говорить о том, что ход истории, т.-е. ход классовой борьбы, помимо экономических условий, определяется еще и борьбой классов—значит заниматься болтовней. Классическое определение исторического материализма, данное самим Марксом, гласит: «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процесс жизни вообще». Отсюда следует, что возникновение классов, их развитие и их борьба определяются материальными производительными силами данного общества, т.-е. производительные силы являются причиной, а классы и борьба классов—следствием. У Отто Бауэра же классы и классовая борьба из следствия превращаются в причину. Но не будем останавливаться на упражнениях Отто Бауэра в формулировке теории исторического материализма. Нас в данный момент интересует вопрос о вождях, о героях. Отто Бауэр говорит: «Великие люди могут исполнять лишь то, что стало возможным, благодаря экономическому развитию, развитию классов». Звучит научно, как будто по Марксу. Но стоит вдуматься в эту фразу, чтобы увидеть всю ее вульгарность. Прежде всего, отметим механическое сопоставление: с одной стороны—«великие люди», с другой—«экономическое развитие» и «развитие классов», при чем последние два понятия сваливаются в одну кучу. Выходит—великие люди сами по себе, а развитие классов—само по себе. Между ними нет никакого взаимодействия. У Отто Бауэра нет также никакого указания, *как* же великие люди исполняют то, что стало возможно благодаря экономическому развитию. И вообще, в чем же выражается «великость», если можно так выразиться, великих людей?

В той же статье Отто Бауэр показывает, какое практическое содержание он вкладывает в свои «теоретические» предпосылки. Автор занимается в статье анализом английской всеобщей стачки. В этой статье отто-бауэровский австро-марксистский дух врет за двух. Чтобы оправдать свою теорию и свои выпады против коммунистов, он не останавливается перед самой вопиющей фальсификацией истории английской забастовки. Он, наперекор всем фактам, заявляет, что стачка была сорвана самими рабочими. Они-де огромными массами становились на работу, так что несчастному Генеральному совету ничего не оставалось делать, как об'явить о прекращении стачки. До такого нахальства не дошел еще никто из самых от'явленных реформистов в самой Англии. Сам Генеральный совет и его орган «Бритиш Уоркер» в один голос заявляли, что рабочие вели себя превосходно, что Генеральный совет не только не испытывал никаких затруднений с забастовщиками в смысле удержания их от возвращения на работу, но, наоборот, ему стоило огромных усилий удерживать на работе рабочих тех отраслей промышленности, которым Генсовет не дал приказа бастовать. Штрейкбрехеров было

сравнительно незначительное число, и они главным образом состояли не из рабочих, а из членов полуфашистских союзов, из сынков буржуазии и интеллигенции. Сами виновники срыва забастовки совершенно откровенно изложили в своих речах в парламенте и в органах Генерального совета причины прекращения ими забастовки. Томас 13 мая заявил в парламенте: «Чего я боялся, так это того, как бы контроль забастовкой не ускользнул из рук тех, которые способны руководить движением: каждый здравомыслящий человек знает, что тогда бы произошло. Слава богу—этого не случилось». А орган Генсовета «Лейбор Пресс Сервис», от 20 мая 1926 г., писал, что «забастовка была прекращена потому, что Генсовет понял, что необходимо спасти правительство от последствий его собственной глупости, а именно—об'явления им всеобщей стачки атакой на конституционное правительство и отказа возобновить переговоры, пока не будет прекращена забастовка». Нигде ни слова о штрейкбрехерстве. Но с Отто Бауэра взятки—гладки. Если факты ему не подходят, тем хуже для фактов. Но опять-таки в данную минуту нас интересует не фальсификация Отто Бауэра, а его иллюстрация своей теории «вождей и масс».

Отто Бауэр ставит особое ударение на «зрелости» масс, «зрелости» классов. И правильно. Бытие определяет сознание, но сознание отстает от бытия. Требуется время, чтобы бытие переломилось в сознании людей, чтобы сложившиеся в обществе экономические отношения проникли в сознание созданных ими классов, чтобы эти классы осознали себя, как таковые. Зрелость классов, зрелость масс тем выше, чем меньше их сознание отстает от их бытия. В таких высокоразвитых капиталистических странах, как Англия и Германия, экономические условия созрели для социализма. Рабочий класс этих стран мог бы немедленно взять власть, если бы он этого захотел. Но его сознание отстало. Большинство рабочего класса этих стран находится еще в духовном плену у своей буржуазии и у ее лакеев и подголосков—социал-демократов и реформистов...

Каковы же выводы, которые можно отсюда сделать? Какова задача, которая встает перед вождями из неоспоримого факта отставания сознания руководимого ими пролетариата от его бытия? Ясно, что задача одна—привести его сознание как можно скорее в соответствие с бытием. Стоит только вспомнить, какое значение Энгельс придавал теории в рабочем движении. Он говорил о трех формах борьбы: политической, экономической и теоретической. Теоретическая борьба и есть борьба за освобождение сознания рабочих масс от буржуазного мусора, засоряющего их ум. Необходимо поднять рабочие массы до сознания великой исторической миссии, выдвинутой перед пролетариатом экономическим развитием буржуазного общества—освобождения всего угнетенного человечества от наемного рабства путем свержения капитализма и захвата власти. Вот огромное поле действия для вождей. Не так, однако, смотрит на дело Отто Бауэр. Для него «незрелость» масс—истинная находка. «Незрелостью» масс он оправдывает все подлости, плутни и предательства реформистских вождей. В цитированной нами выше статье он пишет:

«Говорят о правых и левых, об умеренных и крайних, о реформистах и революционерах в английском рабочем движении. Следует остерегаться ложного понимания этих противоположных терминов. Кук, вождь горнорабочих, был «крайним», потому что знал, что его горняки будут энергично бороться, ибо дело касалось их зарплаты. Кремп—от железнодорожников был «умеренным», потому что знал, что не так легко будет подвинуть железнодорожников на стачку, раз дело не касается их зарплаты... Мы имеем здесь дело не столько с противоположными взглядами вождей, сколько с различными условиями в отдельных отраслях».



Теперь становится ясным, что Отто Бауэр понимает, когда говорит, что великие люди могут исполнить лишь то, что стало возможным, благодаря экономическому развитию и развитию классов. Великие люди, или вожди, по Отто Бауэру, являются регистраторами того, что существует. Кук потому крайний, что его горняки крайние. Кремп же умеренный, потому что железнодорожники умеренные. В вождях нет больше того, что заложено в массах. Вожди лишь хорошие барометры настроений масс. Когда железнодорожники станут крайними, и Кремп станет крайним. Вот марксистское понимание роли личности в истории по Бауэру.

Здесь перед нами самый оголенный хвостизм, преклонение перед стихийностью масс. Вожди не должны вести массы, но, наоборот, следовать за ними, т.-е. быть вождями сзади. Они должны ориентироваться на самые отсталые слои масс. Ибо только тогда, когда и эти отсталые массы станут зрелыми, можно будет двинуться вперед.

Медленным шагом,  
Робким зигзагом.  
Тише вперед,  
Рабочий народ!

Вся эта теория, как две капли воды, похожа на учение русских «экономистов», в начале текущего столетия говоривших, что никакие усилия идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды. Ленин вел неутомимую борьбу с «экономизмом» и в своей брошюре «Что делать?» (напечатанной в 1902 г.) доказал, что это «совершенно равносильно отказу от социализма», так как «история всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское», что, между прочим, «вовсе не исключает политику», так как и трэд-юнионисты ведут политику, но политику не социалистическую, а трэд-юнионистскую. «Трэд-юнионизм,—писал Ленин,—означает идейное порабощение рабочих буржуазией». Точно так же писал и Каутский: «Социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийное из нее возникшее».

Мы, однако, видели, что вожди из Генерального совета совсем не были теми безобидными регистраторами настроений масс, какими их изображает Отто Бауэр и какими они должны были быть по его теории. Наоборот, они очень даже активно вмешиваются в ход событий, но не на стороне рабочих, а на стороне буржуазии. Они насилуют волю рабочих масс. Увы, действия самого Отто Бауэра не вяжутся с его теорией. Во время июльского восстания венских рабочих в 1927 г. Отто Бауэр и не думал быть исполнителем воли революционных венских рабочих, членов его же социал-демократической партии. Вместе со своими коллегами он блестяще маневрировал в интересах австрийской буржуазии, помогая последней справиться с движением. Об этом мы узнали от него самого из его выступления в парламенте 26 июля 1927 г., когда он требовал от австрийской буржуазии признательности за те огромные услуги, которые он вместе со своими соратниками из социал-демократии оказал правительству. В своей откровенности Бауэр не уступает англичанину Томасу. В своей речи он рассказывал, как австрийские социал-демократы вместе с ним, с целью потушить разгоревшийся революционный пожар и дать безопасный для буржуазии выход «дикой вспышке гнева» «взбесившейся толпы», рвавшейся в бой,—переключили движение на мирные рельсы, об'явив всеобщую забастовку. Это им нужно было для того, чтобы овладеть движением, а затем, когда настроение масс было разбито, всеобщая стачка была прекращена, и рабочие оказались во власти свирепой буржуазии. Его коллега Реннер поставил все точки над и. Он потребовал от австрийской

буржуазии, чтобы она увенчала своими лаврами головы профсоюзных вождей. Вот дословно его слова:

«Верхоглядством надо считать, что наша буржуазия возлагает лавровый венок на главу канцлера (за усмирение восстания. *И Л.*), который растерялся в решительную минуту, и полностью игнорирует выдержку и мудрость наших профсоюзных вождей, которые оказали обществу гораздо больше услуг».

Итак, по Бауэру, вожди только тогда являются настоящими вождями, когда они равняются по отсталым слоям рабочих масс, или же когда они третируют революционные массы en canaille («одичалые массы», «взбесившаяся толпа», «дикие вспышки гнева масс» и т. д.). Словом, вожди только тогда являются для Отто Бауэра вождями, когда они действуют в интересах буржуазии и против интересов пролетариата. А когда мы даем должную оценку предательству вождей, то мы, оказывается, погрязли в буржуазной идеологии культа вождей.

Спору нет—великие люди могут выполнять лишь то, что экономические условия, развитие производительных сил сделали возможным. Это значит, что роль вождей ограничена экономическими рамками. Буржуазные идеологи-индивидуалисты не видят экономических условий. Для них герой—всемогущ. Он возвышается над экономикой, он творит историю. Отто Бауэр же, с другой стороны, принижает роль великих людей до того, что ограничивает ее не только экономическими условиями, но и степенью зрелости масс. Как будто степень зрелости является таким же основным фактором для данной эпохи—его же не прейдеши—как экономические условия. А между тем зрелость масс, т.-е. их сознание и есть та область, которая представляет широчайший простор для проявления великих людей. Возьмем пример из той же борьбы английских углекопов в 1926 г. В октябре 1926 г. штрейкбрехерство среди горняков приняло большие размеры. И вот вождь горнорабочих Кук, не пасуя перед оказавшейся низкой степенью зрелости горняцких масс, срывавших стачку, бросается в борьбу, об'езжает неблагополучные районы, и в результате, только после 4 дней агитации, около 18.000 человек, уже ставших на работу, снова примыкают к бастующим.

Спрашивается, мало ли места в экономических рамках для великих людей? Действительно ли так ничтожна роль вождей? Послушаем Каутского. В своей полемике, которую он вел с Бельфортом Баксом в «Нейе Цейт» в 1896 году, он писал:

«Без сомнения, каждая личность есть продукт условий. Особенностями своего развития она обязана среде, в которую попала. Гений, следовательно, ничего не может требовать за то, что он гений. Но это еще не служит достаточным основанием для того, чтобы первый попавшийся пивной филистер имел в моих глазах такое же значение и возбуждал к себе такой же интерес, как мыслитель, овладевший знанием своего века и бесконечно расширивший мой кругозор.

«Да, у нас есть вожди, и в значительной мере от качества наших вождей зависит, будет ли наш путь к победе длинным, или коротким, будет ли он покрыт шипами или удобен.

«Часто говорят: мы ведем борьбу не с лицами, а только с системой. Но ведь система существует лишь при посредстве лиц, и я не могу нападать на нее, не нападая на отдельных лиц.

«Нельзя уничтожить систему монархии, не свергнув монарха. Нельзя положить конец капиталистическому способу производства, не экспроприировав капиталистов. И если среди наших противников некоторые лица особенно выдаются по своим способностям, силе или враждебности, если они особенно вредят нам, то мы должны также особенно сильно бороться с этими именно лицами. И это отнюдь не противоречит нашему материалистическому



пониманию истории. В настоящее время мы не только историки, но, прежде всего, борцы. Наш материализм приводит нас к тому, что мы понимаем наших противников, а не к тому, что мы перестаем с ними бороться. Материалистическая теория не фаталистична. Только в борьбе—в борьбе с враждебной природой, с враждебным народом, с враждебным классом, с враждебным мнением, с враждебной личностью—осуществляется развитие, которое лишь потому неудержимо идет вперед, что борьба неизбежна».

---

Развитие экономических сил определяет возникновение классов, борьбу классов—весь ход истории. Эти силы дают направление каждой данной эпохе, обусловливая ее многосложное социальное, политическое и духовное содержание. В недрах каждой данной эпохи, как ребенок в чреве матери, лежит неродившийся еще зародыш нового строя, который идет на смену старому, раз'едаемому внутренними противоречиями, коренящимися в экономических условиях. В капиталистическом строе заложены основы социалистического строя. Но социализм не падает на голову рабочего класса, как манна с небес. Если рождение ребенка наступает по истечении известного срока, поддающегося точному определению, то для рождения нового строя никаких сроков не дано, и никаких сроков установить нельзя. Каждый новый строй выходит в свет в результате долгой борьбы, длинного ряда конфликтов, битв и боев, которые носитель нового строя—угнетенный класс старого—ведет за свое освобождение. Рабочий класс должен завоевать социализм в борьбе с буржуазией. Завоевать же социализм он сможет лишь тогда, когда его сознание будет достаточно развито, а его воля в достаточной степени закалена. Здесь роль вождей,—в смысле воздействия на рабочие массы, расширения и углубления их классового сознания, воспитывания в них железной воли к победе и к власти,—огромна. Но так же огромна может быть роль вождей в противоположном, отрицательном направлении. Власть буржуазии держится на умственном порабощении ею огромных масс рабочего класса. Однако, в духовном рабстве у буржуазии находятся не только отсталые массы, не только низы, но и верхи—многие кадры рабочих вождей. Через этих вождей она пытается увековечить свое господство и проводить свое влияние в рабочих массах. Многие вожди являются прямыми агентами, добровольными или платными, буржуазии, ее лакеями и ставленниками. Такие вожди или, точнее, лжевожди играют колоссальную роль, задерживая рост сознания масс, сея среди них иллюзии о возможности классового мира. Эти вожди не останавливаются и перед прямым предательством интересов рабочих масс. Они обезволивают пролетариат, вносят разложение и деморализацию в рабочее движение, делая рабочий класс неспособным не только к штурму крепостей буржуазии, но и к обороне. Конечно, все их усилия не смогут предотвратить конечного торжества социализма, но они могут затормозить, задержать развитие событий. Исход каждого этапа классовой борьбы, каждого сражения заранее неизвестен. Но от вождей, от их качеств, от их умелого или неумелого руководства, от их энергии и решимости в известной степени зависит, завершится ли данный этап борьбы, данное сражение победой или поражением для рабочих, приблизит ли или отдалит момент окончательной победы.

Торжество социализма неизбежно, но никто не может сказать, когда оно наступит.

На войне не всегда численное превосходство сил (войска и вооружения) ведет к победе. Гениальный полководец может творить чудеса. В сложной военной обстановке он быстро схватывает и использует все благоприятные для себя условия, улавливая слабые стороны противника, и соответственно

строит план сражения, проявляет инициативу и энергию, и ему удается избежать верного, казалось, поражения, а порою наносить сокрушительный удар превосходящему его силами противнику. Конечно, если соотношение материальных и духовных сил не в пользу той страны, во главе которой стоит гениальный полководец, эта сторона, в конце-концов, будет побеждена, и гений полководца не поможет, как не помог гений Архимеда маленькому городу Сиракузам в его борьбе против римлян. Гениальный полководец, таким образом, может неизмеримо сократить кровавые «издержки» войны, ускорить или замедлить наступление неизбежных событий. Такова же роль вождей в рабочем движении. Без испытанных, преданных вождей, решительных, зорких и неустрашимых, которые могли бы составить генеральный штаб, ведущий рабочий класс через все сложные и трудные этапы борьбы к победе—свержение капитализма невозможно.

Хотя всякий старый строй беременен новым, это отнюдь не значит, что всякая беременность приносит свой плод. История знает случаи полного исчезновения огромных государств, когда исчезало старое вместе с новым, которое, несомненно, нарождалось в его недрах. И теперь мыслимо такое положение, когда какая-нибудь капиталистическая страна загнивает, вырождается и умирает бесследно, как в древности умерли Египет, Ассирия и Вавилония. Однако, хотя такое положение теоретически и мыслимо, в действительности же оно крайне невероятно. Полное вырождение и исчезновение с исторической сцены какой-нибудь гниющей капиталистической страны могло бы произойти лишь в том случае, если бы пролетариат данной страны оказался без революционного авангарда, без революционных вождей и поэтому находился бы в полном экономическом и духовном рабстве у своей буржуазии и был бы совершенно неспособен прорваться к жизни, развязав роды нового общества. Однако, такое положение, как мы уже говорили, крайне невероятно. Разница между древним миром и капиталистическим огромна. Древний мир был слабо связан, разобщен. Теперь же капиталистический способ производства теснейшим образом связал весь земной шар в одно экономическое целое. Правда, оно полно непримиримых противоречий, но все же представляет одно целое, а главное, был создан международный пролетариат с одинаковыми интересами, революционизирование которого неизбежно везде. Создание революционного авангарда и кадра революционных вождей во всех капиталистических странах поэтому обеспечено. Также обеспечена международная пролетарская помощь революционному авангарду и революционным вождям каждой страны. Мощь каждого международного отряда пролетариата от этого неимоверно вырастает. И если бы даже в одной или в целом ряде схваток пролетариату данной страны под руководством своих вождей не удалось свалить свою буржуазию, все же, в конце-концов, его победа неминуема.

---

*Э. Гольденберг.*

# Германская проблема [1]).

Кон'юнктура 1927 года была рекордной в послевоенной истории германского капитализма. Рост производства, расширение сбыта, мощные процессы организационной и технической рационализации, многомиллиардные капитальные вложения, высокие дивиденды и еще более высокие фактические барыши—как будто все элементы полнокровного развития и хозяйственного процветания были налицо. Долгие годы инфляции и «очистительных» кризисов казались оставшимися позади. Правда, по стране прокатилась большая стачечная волна, и число потерянных вследствие забастовок рабочих дней возросло по сравнению с прошлогодним более чем втрое. Но и этот сам по себе чрезвычайно веский факт не в состоянии был изменить общую картину. Буржуазия чувствовала себя прочно «в седле», и ее голоса слились с голосами социал-демократии в согласном хоре, славословящем блага стабилизации. Но как раз в момент наивысшего под'ема, в октябре минувшего года, этот хор был неожиданно сорван выступлением генерального агента по репарациям, прозвучавшим одновременно, как предостережение и как угроза. Паркер Жильберт, «недреманное око» международного финансового капитала в Берлине, обычно ограничивавшийся до сих пор в своих докладах бесстрастной регистрацией поступающих германских платежей и более или менее безразличным воспроизведением основных статистических показателей, внезапно и с большим шумом покинул свою позицию наблюдающего сфинкса. О том, «как было дело», он рассказывает в своем декабрьском отчете следующим образом:

> «За последние шесть месяцев опасные тенденции, сделавшиеся уже заметными в области государственных финансов и кредита, получили свое дальнейшее развитие. Растущие траты и займы публичных корпораций совпали с увеличивающимися признаками чрезмерного расширения и стимулирования деловой активности и растущими показателями напряжения всей хозяйственной жизни в целом. Поэтому 20 октября 1927 года генеральный агент по репарациям увидел себя поставленным в необходимость передать германскому правительству меморандум, чтобы обратить его внимание на тенденции, проявляющиеся в государственных финансах и кредитной политике, и указать ему на опасности, которые они в себе заключают как для германского хозяйства, так и для осуществления плана экспертов (Дауэса)».

Эти «опасные» тенденции, по мнению Жильберта, с наибольшей отчетливостью проявляются в росте заграничных займов и заграничной задолженности Германии.

> «Поток иностранных кредитов, имевший место последние месяцы, своим об'емом и своей стремительностью заставляет поставить вопрос, служат ли еще эти кредиты... целям восстановления Германии... Для

---

[1]) Редакция считает некоторые положения автора дискуссионными.

прочности восстановления Германии существенно, чтобы поток иностранных кредитов был сведен к такому об'ему, который является предпосылкой прочности германской валюты»[1]).

Как и следовало ожидать, точка зрения Жильберта была полностью воспринята стопроцентно послушным ему президентом рейхсбанка Шахтом. Он провозгласил необходимость немедленного сжатия кредитов не только внешних, но и внутренних, и эту необходимость пытался обосновать в многочисленных и пространных докладах и статьях. В одной из последних статей он формулирует свою точку зрения следующим образом:

«Вопреки всему, я не могу взирать на будущее с полным спокойствием, потому что наше равновесие покоится не на избытках собственного производства, но стало возможным лишь благодаря иностранным кредитам... Наша заграничная задолженность уже сейчас превышает 10 миллиардов марок. Это означает, что наши ежегодные обязательства перед заграницей, включая оплату перевеса импорта над экспортом (приблизительно три миллиарда), составляют не менее 4 миллиардов марок, сумма, противовесом которой являются главным образом займы. Все это безнадежно фальшиво и свидетельствует о малой дальновидности»[2]).

Вокруг выступлений Жильберта и Шахта разгорелась ожесточенная полемика, не стихшая и по сегодняшний день. Многое в их аргументации было опрокинуто, в ряде вопросов логическая несостоятельность их точки зрения была доказана. В частности, можно считать, что «пессимизм» Жильберта и Шахта в расценке текущей кон'юнктуры сколько-нибудь серьезных оснований в действительном положении вещей не имеет. И тем не менее, несмотря на это, и именно поэтому перед нами встает вопрос об об'ективном смысле меморандума Жильберта. Меморандумы подобного рода нельзя рассматривать лишь, как более или менее удачные литературно-академические упражнения молодого американского банкира. Они являются очень серьезным политическим актом. Точно так же и вегетарьянская линия на добровольное сжатие заграничных кредитов не может быть сведена к «твердолобости президента рейхсбанка Шахта», как это делает Адольф Вебер в своей нашумевшей книжке против Шахта. Являются ли меморандум и декабрьский отчет генерального агента по репарациям выражением непосредственной опасности кризиса в Германии? И если этой опасности нет, то что они выражают?

## I. Текущая кон'юнктура.

Мы сказали уже, что кон'юнктура 1927 года была рекордной. В ряде отраслей—в первую очередь в группе, производящей средства производства,—использование производственного аппарата достигло предельной точки. Под'ем был настолько силен, что он охватил все народное хозяйство, хотя основными его носителями были тяжелая промышленность и строительство.

Наиболее общим показателем германской кон'юнктуры является индекс промышленной продукции Берлинского кон'юнктурного института. За 100 в нем принят средний поквартальный об'ем продукции в 1924—26 гг. Развитие последних трех лет передается следующей таблицей:

| | 1927 | 1926 | 1925 |
|---|---|---|---|
| I квартал | 121,9 | 94,4 | 111,8 |
| II „ | 122,5 | 91,4 | 107,1 |
| III „ | 123,3 | 100,3 | 103,3 |
| Октябрь | 125,1 | 111,0 | 103,8 |

[1]) Bericht d. Generalagenten für Reparationzahlungen, 10 декабря 1927 г.
[2]) Neue Freie Presse, 28 января 1928 г. Курсив Шахта.



Промышленное производство, таким образом, все время держится на уровне, более чем на 20 проц. превышающем среднюю 1924—26 гг., и более чем на 25% превышающем среднюю 1926 года. В отдельных ведущих индустриях рост, однако, был еще стремительнее. Средняя месячная производства стали составляла:

| | | |
|---|---|---|
| В 1913 году (нынешняя территория) | 981 | тыс. тонн. |
| „ 1925 „ | 1.004 | „ „ |
| „ 1926 „ | 1.026 | „ „ |
| „ 1927 „ | 1.358 | „ „ |

Довоенный уровень оставлен, таким образом, далеко позади, а по сравнению с прошлым 1926 годом продукция возросла почти на 35%.

Такую же, примерно, кривую развития дает и чугунолитейная промышленность. И здесь производство 1927 года, примерно, на 30% превысило об'ем 1926 года. Значительно более низкий темп роста показывает добыча каменного угля. Она составила в 1927 году 153,5 млн. тонн против 145,2 млн. тонн в 1926 году. При оценке этих цифр, однако, необходимо иметь в виду, что 1926 год для угольной промышленности Германии был исключительным годом, что он прошел для нее под знаком английской стачки. Правильный масштаб для оценки положения в германской угольной промышленности мы получим, если вспомним, что годовая добыча каменного угля до войны, в 1913 году составила 140,7 млн. тонн. В энергетических основах германского хозяйства с тех пор произошли огромные сдвиги Общеизвестен рост электрификации. Больше чем в полтора раза возросло производство бурого угля (с 87,2 млн. тонн до 150,8 млн. тонн). И тем не менее уровень добычи каменного угля в 1927 году оказался более чем на 10% выше, чем в 1913 году.

Однако, нигде, быть может, общий под'ем не сказался с такой силой, как в области строительства. Число разрешений на производство новых построек, составлявшее в первые три квартала 1926 года 16.404, возросло в течение первых трех кварталов 1927 г. до 24.596, т.-е. без малого в полтора раза. Так как установление ведущей роли строительства для нас будет иметь известное значение и в дальнейшем, то мы приведем таблицу, в которой она выступает со всею рельефностью. Из общей суммы капитальных вложений, произведенных в 1927 году, приходится на долю:

| | |
|---|---|
| жилищного строительства | 3,2 мрд. м. |
| общественных и производственных зданий | 1,1 мрд. м. |
| путей сообщения и связи | 1,9 мрд. м. |
| машин | 1,0 мрд. м. |
| Электрических, водных, газовых и т. п. установок | 2,2 мрд. м.[1]) |

Строительство здесь выступает как совершенно бесспорный «лидер» всего процесса.

Рост производства повлек за собой и соответственное улучшение на рынке труда. Число получающих пособие безработных, еще в феврале 1927 г. достигшее 2 миллионов, упало к октябрю до 453 тысяч. Что касается зарплаты (реальной, разумеется), то ее движение, согласно официальным данным, передает следующая таблица:

| | Индекс денежн. зарплаты. | Индекс стоим. жизни. |
|---|---|---|
| 1925 | 130 7 | 139,6 |
| 1926 | 140,2 | 141,1 |
| 1927 I квартал | 141,6 | 145 0 |
| II „ | 149,3 | 146,9 |
| III „ | 150,2 | 147,9 |
| на 1 ноября | 151,4 | 150,6 |

[1]) Deutschlands Wirtshaftliche Lage.

Даже из этих данных вытекает, что сколько-нибудь заметного повышения жизненного уровня рабочих высокая кон'юнктура с собой не принесла. В лучшем случае не произошло ухудшения. Но это именно «в лучшем случае». Потому что даже буржуазные обозреватели признают, что «дать точный ответ на вопрос, поднялась ли заработная плата, на основе имеющегося материала невозможно» [1]).

Стабильность реальной зарплаты, однако, отнюдь не меняет наш общий вывод. Одна из характернейших особенностей послевоенного капитализма в том и заключается, что его рост возможен только за счет либо абсолютного ухудшения положения рабочего класса, либо стагнации его доходов на чрезвычайно низком уровне. В целом же приведенные данные позволяют судить об исключительном для послеверсальских времен масштабе и размахе кон'юнктурного под'ема.

Удержится ли эта кон'юнктура? Не стоит ли Германия уже сейчас на пороге нового кризиса?

## II. Ближайшие перспективы.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать движущие силы под'ема 1927 года. Предварительно, однако, мы считаем нужным осветить некоторые факты, послужившие непосредственным поводом к самой постановке вопроса. В первую очередь сюда относится резкий рост безработицы, начавшийся в ноябре. Упав в октябре до 453 тысяч, число получающих пособие безработных возросло до 1 миллиона на 15 декабря 1927 года. Следующая таблица дает возможность сопоставить движение безработицы в 1927 году с положением в 1926 и 1925 годах.

Безработные члены профсоюзов (в %%).

| | Конец октября | Ноября | Декабря. |
|---|---|---|---|
| 1927 | 4,6 | 7,6 | 12,9 |
| 1926 | 14,2 | 14,2 | 16,7 |
| 1925 | 5,8 | 10,7 | 19,4 |

Процент безработных ниже, чем в прошлые годы, но все же сам по себе очень значителен. Переоценивать этот факт, однако, ни в коем случае нельзя, так как в преобладающей части здесь речь идет о безработице среди строительных рабочих, т.-е. безработице сезонного характера, связанной с наступлением холодов. Это видно из следующих сопоставлений: в то время, как число безработных членов союза строителей с 3,7% в начале октября возросло до 24,4% в конце ноября и до 32,8% в середине декабря, процент безработных металлистов поднялся только с 1,9 в октябре до 2,3 в ноябре, процент безработных текстильщиков—с 2,4 до 2,6, процент безработных горняков—с 1,1 до 1,6. Более значительный темп—с 6,5% в октябре, до 17,3% в ноябре—дают только плотники, т.-е. категория, теснейшим образом связанная со строительными работами. Если вспомнить, что строительных рабочих в Германии около полутора миллиона человек, то станет понятным, что резкий рост безработицы в их среде должен был очень значительно повлиять на общую картину.

Таким образом, рост безработицы последних трех месяцев сам по себе дает очень мало материала для кон'юнктурного прогноза. Конечно, сезонная безработица может перейти в длительную. Это будет зависеть от размаха работ в будущем строительном сезоне. Но из самого факта безработицы в настоящий момент эта возможность отнюдь не вытекает.

Что касается промышленности в узком смысле слова, то здесь пока говорить о сколько-нибудь значительном снижении кон'юнктуры не приходится. Продукция угля и стали в общем остается на уровне предыдущих месяцев. Портфель заказов в металлургической промышленности в декабре значительно возрос [1]). В машиностроительной промышленности наметившееся в октябре легкое снижение сбыта, в декабре приостановилось [2]). Положение текстильной промышленности продолжает оставаться благоприятным [3]). Известное снижение *темпа*, правда, тем не менее налицо. Целый ряд явлений на денежном рынке, к которым мы вернемся еще ниже, говорит о падении так наз. «предпринимательской активности». Возможно, что 1928 год начнется и будет протекать на несколько более низком уровне хозяйственной экспансии, нежели тот, которым закончился 1927 год. Но фактов, говорящих о близости *кризиса*, в настоящий момент в природе германской экономики не существует.

Отсутствие этих фактов, впрочем, само по себе решающим аргументом служить не может. Ибо, как правильно замечает обозреватель «Frankfurter Zeitung», хозяйственный аппарат может некоторое время по инерции продолжать двигаться вперед и тогда, когда движущие силы уже давно изменили свое направление». Вопрос о направлении этих «движущих сил» и является для нас в данном случае решающим.

Речь идет о движущих силах кон'юнктурного под'ема германского хозяйства в 1927 г. Два момента здесь должны быть отмечены в первую очередь: рационализация и иностранные кредиты.

Сводных данных о ходе и итоге рационализационных процессов в германском хозяйстве пока еще не существует. Но и те отрывки, которыми мы уже сейчас располагаем, достаточно показательны.

В *Рурской угольной промышленности*: если производительность 1 рабочего в 1913 году принять за 100, то в 1924 году она составляла 90,9; в 1925 г.—100,3; в 1926 г.—118; в 1927 г.—121.

В *стальном* производстве: если производительность одного рабочего в 1925 году принять за 100, то в 1926 г. она составляла 120,8 и в ноябре 1927 г.—136,2.

В *машиностроении*: если производительность на одного рабочего в 1925 г. принять за 100, то в третьем квартале 1927 года она составила 145. И, наконец, на *железных дорогах* производительность с 1925 по 1927 г. возросла на 18,5% [3]).

Не подлежит сомнению, что рационализационные процессы, начавшиеся в 1925 г., в значительной мере подготовили под'ем 1927 г. При чем в самый год под'ема рационализационная работа продолжалась и углублялась, хотя темп нарастания ее эффекта и замедлился. В прямой связи с рационализацией (в широком смысле слова) стоит и та «чистка», которая была произведена кризисом 1925—26 годов, когда месячное число банкротств колебалось между 900 и 980.

Рационализация, однако, означает раньше всего сугубый спрос на капиталы. Без удовлетворения этого спроса поднятие производительности германской промышленности, расширение рынка и рассасывание безработицы были бы немыслимы. Внутреннее капиталонакопление Германии—как мы это сейчас увидим,—несмотря на его очень значительный рост за последние три года, было недостаточно. Тем более недостаточно, что миллиардные глыбы от него отсекаются репарационными платежами. *Мощный поток иностранных кредитов*—вот те дрожжи, на которых взошла кон'юнктура 1927 года [4]).

---

[1]) Wirtschaftskurve der Frankfurter Seitung. 1927, IV, стр. 376

---

[1]) Wirtschaftsdienst, 20 января 1928 г.

[2]) Börsen—Kurier, 18 января 1928 г.

[3]) Deutschlands Wirtschftliche Lage an der Jahreswende 1927/28 г.

[4]) Паркер Жильберт в своем декабрьском отчете пишет: «То обстоятельство, что достигнутые (Германией) успехи были бы невозможны без иностранных кре-

Общая сумма новых капиталов, вложенных в германское хозяйство в 1927 году, расценивается в 12 миллиардов марок [1]). Из них 4,4 млрд., т.-е. свыше 36%, пришло из-за границы. Внутреннее накопление составило 7,6 миллиарда. В 1926 году оно составило 6,3 млрд. Рост, и очень значительный, здесь налицо, но удовлетворить потребность в капиталах и стимулировать высокую кон'юнктуру он ни в коем случае не мог. Это станет совершенно очевидным, если вспомнить, что в довоенной Германии в 1913 году внутреннее капиталонакопление в пересчете на современные цены составило 10,5 млрд. марок. Если присоединить еще сюда 1,4 млрд. доходов от «невидимого экспорта» (т.-е. раньше всего проценты по вложенным за границей капиталам), то получится сумма в 11,9 млрд. марок. В 1927 году, не говоря уже о том, что масштабы хозяйства отнюдь не меньше, чем в 1913 году, необходимость дорого стоящей технической реконструкции и заполнения «пустот» в оборотном капитале была гораздо настоятельнее, чем до войны. Ясно, что Германия не могла не развить огромный спрос на заграничные кредиты, без удовлетворения которого высокая кон'юнктура была бы немыслима [2]).

Главным источником этих кредитов была Америка. Участие Сев.-Ам. Соединенных Штатов в финансировании Германии выразилось в 69,1% общей суммы. На втором месте стоит Голландия (13,9%). На третьем—Англия (9,4%). И, наконец, все остальные страны вместе—7,6%.

Что сделало возможным многомиллиардный приток иностранных капиталов в Германию? При ответе на этот вопрос необходимо иметь в виду, что закон, согласно которому движение капиталов на международном рынке регулируется различиями в высоте нормы прибыли, действителен лишь в последнем счете. «С точки зрения экспортирующей страны могут быть две формы экспорта капитала: капитал эмигрирует за границу или как капитал, приносящий проценты, или как капитал, приносящий прибыль» [3]). В первом из этих двух случаев непосредственным регулятором является не норма прибыли, а норма процента. Когда речь идет о капитале, эмигрирующем за границу как капитал, приносящий проценты, то «понижение нормы прибыли имеет, самое большее, то значение, что понижается теоретически возможный максимальный предел процента, именно вся прибыль; но так как эта максимальная граница вообще не может достигаться процентом на сколько-нибудь продолжительное время, то это «констатирование» не имеет никакого значения» [4]).

Дело не меняется от того, что возникновение финансового капитала означает собою сращивание денежного и промышленного капитала, т.-е. ка-

---

дитов, не нуждается в доказательствах... Все германское хозяйство находилось под их влиянием, в известном смысле они над ним господствовали». (Отчет, стр. 100).

[1]) По данным Reichs - Kredit - Gesellschaft.

[2]) Боннский экономист и профессор ф. Беккерат почему-то считает, что об'яснение этого огромного спроса не может быть дано без помощи... теории предельной полезности. В своей книжке «Репарационный агент и германская экономическая политика» на стр. 73 он пишет: «Хозяйственные потрясения, вызванные войной и инфляцией, сделали большие массы европейского капитала благодаря неправильным вложениям бездеятельными. Чрезмерные вложения в основной капитал сравнительно с наличными оборотными средствами являются лишь одним из грубейших примеров этого рода... Тем, что иностранный капитал предоставляет комплементарные средства производства, он реализует не только себя, но и пробуждает большие массы отечественного капитала к жизни». Т. о. боннский профессор считает, что острота спроса на иностранный капитал «комплементарного» происхождения. Приведенные данные, однако, показывают, что она находит свое рациональное об'яснение и без мистической «теории» комплементарных благ.

[3]) Гильфердинг. Финансовый капитал, стр. 461.

[4]) Там же, стр. 138.



питала, приносящего проценты, и капитала, приносящего прибыль. Ибо для собственников денежного капитала «он постоянно сохраняет денежную форму, затрачивается ими в форме денежного капитала, капитала, приносящего проценты, и во всякое время может быть возвращен им в денежной форме» [1]). Следовательно, и в эпоху финансового капитала непосредственным регулятором перемещений денежного капитала является норма процента.

Именно этим об'ясняется приток иностранных капиталов в Германию. Нет никаких оснований предполагать, что норма прибыли в германской промышленности выше, чем в промышленности Соединенных Штатов. Но не это решает. Решает норма процента, которая в Германии благодаря крайней недостаточности собственного капиталонакопления при огромном спросе на капиталы почти в два раза выше, чем в Соединенных Штатах. Как велик ножничный раствор между уровнем процента в Берлине и на биржах Нью-Йорка и Лондона, видно из следующей таблички:

| | Берлин (кредиты на 1—3 мес.). | Нью-Иорк (банк. акц. на 3 мес.). | Лондон (частн. дисконт на 3 м.). |
|---|---|---|---|
| Октябрь 1927 . . . . . . . | 8,05 | 3,28 | 4,31 |
| Декабрь 1927 . . . . . . . | 8,19 | 3,31 | 4,31 |

Это сопоставление делает без дальнейших комментариев понятным, почему (при политической стабилизации, как наличной предпосылке) мировой денежный рынок удовлетворяет германский спрос на капиталы [2]).

Есть ли рациональные основания предполагать, что поток иностранных кредитов в текущем году прекратится или сократится до такой степени, что кризис придет с этой стороны? Мы их не видим. Различие в уровне процента остается и, несмотря на отдельные колебания, в течение одного года не может быть ликвидировано. Думать, что иссякнут американские источники, тоже не приходится. Даже в том случае, если в кон'юнктуре Соединенных Штатов и наступит перелом, положение не изменится. Скорее напротив. Как известно, в периоды депрессии предложение капитала обильнее, чем в периоды под'ема. Так что в этом смысле Германия от депрессии за океаном может только выиграть.

Но может быть, если нельзя в этом году ожидать кризиса вследствие прекращения притока иностранных кредитов, то он придет благодаря тому, что этот поток будет продолжаться? Именно такова, как известно, точка зрения Жильберта и Шахта [3]). В своем декабрьском отчете Жильберт пишет, что «поскольку притекающие иностранные кредиты сообщили публичным корпорациям добавочную покупательную силу в такое время, когда деятельность промышленности уже и без того была оживленной, то они стимулировали дальнейшую экспансию и отрицательно повлияли на солидность германского восстановительного процесса». Точно так же и Шахт видит в иностранных кредитах непосредственную угрозу для кон'юнктуры, так как, по его мнению, они таят в себе прямую опасность инфляции. Ход его аргументации, примерно, таков: иностранные кредиты означают накопление иностранных девиз в Рейхсбанке. Под эти девизы должны выпускаться новые банкноты. Чрезмерное накопление девиз влечет за собою чрезмерный выпуск новых банкнот, т.-е. инфляцию. В своей бохумской речи он в качестве при-

---

[1]) Там же, стр. 332.

[2]) В связи с меморандумом Жильберта заграничные эмиссии Германии в ноябре сильно сократились, а в декабре упали почти до нуля. Это явление, однако, оказалось преходящим, и уже в январе 1928 года на нью-йоркской бирже был реализован новый заем в 87,5 миллионов марок.

[3]) Отношение германской буржуазии к позиции Шахта в этом вопросе формулировал Георг Бернгардт в следующих словах: «Быть может, Шахту не удастся стать отцом германского обнищания. Но отчимом германской кон'юнктуры он уже является давно».

мера ссылался на то, что, если бы Германия получила сегодня в Америке кредит в 5 миллиардов долларов, то ведь не может же Рейхсбанк завтра выпустить под них 20 миллиардов марок, не вызывая «неслыханный рост цен и зарплат», то-есть инфляцию.

Вся эта аргументация, однако, не стоит выеденного яйца и была совершенно справедливо высмеяна в германской прессе как специальной, так и общей. Иностранные кредиты вовсе не означают чрезмерного накопления девиз в Рейхсбанке. Девизы выступают в подавляющем большинстве случаев лишь как посредствующий и выпадающий момент. Иностранные кредиты означают получение в кредит иностранных товаров. Увеличение товарной массы является их результатом в несравненно большей степени, чем увеличение денежной массы. Ни о какой опасности инфляции здесь, следовательно, не может быть и речи.

Мы не видим, таким образом, оснований предполагать, что германская кон'юнктура может быть в ближайшее время оборвана кризисом, вызванным срывом заграничных кредитов, или, напротив, их инфляционным влиянием [1]. Гораздо важнее и сложнее нам представляется другой вопрос: не стоит ли германская промышленность уже сейчас на пороге к р и з и с а с б ы т а?

Симптомов перепроизводства в природе германского хозяйства пока не видно. Впрочем, статистический материал здесь несравненно менее разработан и несравненно менее показателен, чем для промышленности, финансов и кредита. Прогноз по этой линии должен поэтому опираться главным образом на т е о р е т и ч е с к и й а н а л и з.

Капиталистический кризис, как известно, является в основном, продуктом диспропорции накопления и потребления. В периоды под'ема р а с т у щ а я доля национального дохода вкладывается в производственный аппарат, в первую очередь и больше всего в производство средств производства. Старое равновесие между накоплением и потреблением, между предложением и спросом разрушается. Национальный доход п е р е р а с п р е д е л я е т с я, при чем перераспределяется в пользу н а к о п л е н и я, конкретно находящего свое выражение в форсированном росте производства средств производства. Общественный капитал и его производительная сила поэтому растут быстрее, чем платежеспособное потребление. Возникающее таким образом противоречие находит свое «насильственное разрешение» (Маркс) в кризисе.

В этом процессе смещения покупательной силы и перераспределения национального дохода основную роль играет д в и ж е н и е ц е н. Кон'юнктурный под'ем обычно сопровождается ростом цен, при чем ростом весьма неравномерным. Этот рост цен действует двояким образом: во-первых, увеличивает долю промышленности, в первую очередь тяжелой, в так называемом «национальном продукте»; во-вторых, повышая ее рентабельность, вызывает усиленный прилив капиталов.

Рост цен, следовательно, является тем конкретным механизмом, через посредство которого разрушается старое равновесие между накоплением и потреблением, равновесие, которое может быть восстановлено лишь при помощи кризиса. В германской кон'юнктуре 1927 года этот механизм бездействовал, или почти бездействовал, и в нынешней фазе цикла говорить о нарушенном равновесии производства и потребления поэтому пока оснований нет. Следующая таблица передает движение оптовых цен в Германии в течение 1927 года [2]):

---

[1]) Мы не забываем о том, что инфляция обычно гонит кон'юнктуру вверх. Но всякому ясно, что инфляционная кон'юнктура так же похожа на здоровую, как, скажем, чахоточный румянец на здоровый.

[2]) Wirtschaftskurve der Frankfurter Zeitung, IV. 1927.



| | Общий индекс | Индекс „минералов“ (уголь железо и т. п.). |
|---|---|---|
| | июль 1914 г. = 100. | |
| 31/I—27 г. | 137,7 | 130,5 |
| 31/V „ | 138,4 | 127,4 |
| 29/IX „ | 136,2 | 124,3 |
| 31/X „ | 137,6 | 124,0 |
| 30/XI „ | 138,4 | 125,0 |
| 29/XII „ | 138,3 | 125,1 |

Общий оптовый индекс, таким образом, в течение года незначительно снизился, а индекс «минералов», включающий цены на такие товары, как уголь и железо, т.-е. отраслей, играющих в е д у щ у ю роль, оставался в общем и целом стабильным. Как это было возможно? Ключ к об'яснению этого явления дают опять-таки иностранные кредиты. Они позволили форсировать накопление не только без сужения «потребительского фонда», но, напротив, значительно его расширив, втянув в производственный процесс свыше полутора миллиона рабочих. С другой стороны, они сообщили всему развитию значительно более равномерный характер, придали под'ему характер всеобщности. Кризис сбыта в ближайшее время нам поэтому представляется так же мало вероятным, как и кризис капиталов.

Разумеется, это отнюдь не значит, что кон'юнктура 1928 года будет держаться на той же высоте, что и в 1927 году. Известное замедление темпа, известное снижение уровня не только возможно, но и вероятно. Но мы считаем, что в корне неправильно, вредно тактически и грубо ошибочно теоретически каждое снижение темпа выдавать за депрессию и каждую депрессию выдавать за кризис или за нечто кризису равнозначное. Тактически это вредно потому, что это дает неверную перспективу и неверную ориентировку. Теоретически это ошибочно потому, что идентифицировать депрессию и кризис это значит подавать палец тому направлению в буржуазной политической экономии, которое с Шумпетером и Касселем во главе пытается ликвидировать самую проблему кризисов и п о д м е н и т ь ее проблемой кон'юнктурных колебаний. Нося по кризису в каждом жилетном кармане, очень легко утерять и контакт с действительными отношениями и контакт с действительно марксистской теорией кризисов.

## III. Германская проблема.

Мы видели, что если ставить вопрос в чисто кон'юнктурном разрезе, выступления Жильберта и Шахта никакой почвы под собою не имеют. Положение, однако, резко меняется, если от проблемы текущей германской кон'юнктуры перейти к германской проблеме в целом.

В выдержке из статьи Шахта, которую мы приводили выше, он указывает на растущую заграничную задолженность, как на одно из наиболее угрожающих явлений в германской экономике. Во избежание недоразумений, мы должны тут же сказать, что рост задолженности за границей сам по себе, на наш взгляд, ничего угрожающего собою не представляет. Мы думаем, что известный мюнхенский профессор Адольф Вебер совершенно прав, когда в своей брошюре «Hat Schacht Recht» заявляет: «При условии, что мы потребляем так экономно, как это только возможно, не делаем никаких излишних, не насущно-необходимых расходов, при условии, что мы производим так рационально, как это только возможно в нынешнем положении, из экономических, социальных и политических соображений никакое требование не может быть более настоятельным, как: все двери настежь для иностранного капитала, мы не можем его иметь в избытке до тех пор, пока уровень процента у нас так несоразмерно высок!» (стр. 9).

В самом деле, очевидно, что поскольку иностранные капиталы позволяют германской буржуазии в больших масштабах произвести техническую

реконструкцию промышленности, т.-е., иными словами, повысить производительность всего народного хозяйства в целом, постольку их привлечение необходимо и экономически рационально. Шахт указывает как на крайне отрицательное явление на пассивность германского торгового баланса. Вебер отвечает ему: «Так же верно, как дважды два четыре, что народ, который должен в таких размерах, как мы, прибегать к помощи иностранных капиталов, необходимо должен иметь пассивный торговый баланс. Иностранные кредиты означают не что иное, как то, что заграница поставляет нам сырье, полуфабрикаты, продовольствие и готовые фабрикаты, не требуя немедленной компенсации. Отечественная промышленность получает таким образом возможность товары, которые в другом случае должны были бы вывозиться, чтобы оплатить импорт, сбывать на внутреннем рынке. Но не является ли пассивность нашего торгового баланса, возникающая в результате иностранных кредитов, возражением против них, быть может, даже самым острым? На деле здесь речь идет в значительной степени об оптическом обмане, жертвой которого чаще всего становятся люди практики, так как со словом баланс они связывают представление о мере успеха. Слова «торговый баланс» и «платежный баланс», однако, не имеют ничего общего с успехом или неуспехом. Они выражают лишь движение товаров, требования и обязательства данной страны в международном обороте в определенный промежуток времени».

Свою точку зрения Вебер в окончательном виде формулирует в следующих словах: «Вопрос, который сейчас выдвигается на первый план: как нам сделать наш торговый баланс активным?—является совершенно второстепенным по сравнению с другим, решающим вопросом: как нам поднять производительность труда на возможно большую высоту? Если нам удастся дать правильный ответ на этот вопрос и сообразно с ним действовать, то наш торговый баланс сам по себе станет таким благоприятным, как это только возможно» (стр. 21).

Существо аргументации Вебера, таким образом, сводится к следующему: судьба германского торгового баланса будет зависеть от конкурентоспособности германской промышленности. Последняя будет тем выше, чем выше ее технический уровень, чем выше ее производительность. Если иностранные кредиты дают средства для технической реконструкции, если с их помощью повышается производительность всего германского хозяйства—то «двери настежь перед иностранным капиталом», хотя бы на данном этапе это и было связано с пассивностью торгового баланса.

С точки зрения «чистого разума» свободного рынка Вебер прав. Но все дело в том как раз и заключается, что этот «чистый разум» свободного рынка, который был более или менее фикцией всегда, является фикцией в квадрате в эпоху империализма и фикцией в кубе в приложении к послевоенной, послеверсальской Германии.

Германия является высоко-индустриальной страной. Уже этот факт сам по себе делает для нее проблему экспорта исключительно важной, так как ввоз огромных масс сырья и продовольствия она должна (если брать дело в длительном разрезе) оплачивать собственным вывозом промышленных товаров. Проблема, однако, много обостряется тем, что, помимо оплаты импортируемого сырья и продовольствия, она должна выплачивать миллиардные репарации и миллиардные проценты по вложенным в ней иностранным капиталам, единственным источником покрытия которых (опять-таки, если брать дело в длительном разрезе) является все тот же экспорт промтоваров. Германская проблема, как экономическая проблема, следовательно, может быть решена только огромной, беспримерной экспансией Германии на мировом рынке. Возможна ли она?



С абстрактно-экономической точки зрения, на которой стоит Вебер, ничего a priori немыслимого в такой экспансии нет. Но т о л ь к о с абстрактно-экономической точки зрения, которая имеет ровно столько же корней в действительных отношениях, сколько манчестерские теории свободы торговли в таможенной политике современных империалистических государств или пацифистские утопии в эпохе войн и революций.

«Политика есть концентрированная экономика». И чем больше «концентрируется» экономика, тем теснее, неразрывнее она срастается с политикой, тем решительнее момент с и л ы определяет направление экономических процессов, тем чаще и неизбежнее м е ч разрубает гордиевы узлы переплетающихся и сталкивающихся хозяйственных интересов.

Германская экспансия может произойти только за с ч е т какой-либо из остальных капиталистических держав мира или за счет их всех взятых вместе. Э т а проблема практически не стояла перед международным капитализмом в 1919 и в 1923 годах. Но и м е н н о э т а проблема стояла перед ним в 1914 году, и она же ставится перед ним во весь рост теперь, и ставится тем острее, чем выше поднимается германская кон'юнктура, чем дальше углубляется техническая реконструкция германской промышленности, чем больше становится ее конкурентоспособность на мировом рынке [1]).

Борьба за место на мировом рынке определяется чисто-экономическими и техническими моментами лишь «при прочих равных условиях». Но этих «прочих равных условий» для Германии не существует, потому что из войны она вышла побежденной, потому что она разоружена, потому что в о е н н о й с и л е ее противников и соперников ей противопоставить нечего. З и я ю щ е е п р о т и в о р е ч и е м е ж д у к о л о с с а л ь н ы м и в о з м о ж н о с т я м и п р о и з в о д с т в е н н о г о а п п а р а т а Г е р м а н и и, е г о к о л о с с а л ь н о й п о т р е б н о с т ь ю в о в н е ш н и х р ы н к а х, с о д н о й с т о р о н ы, и с л а б о с т ь ю е г о в о е н н о - п о л и т и ч е с к и х п о з и ц и й — с д р у г о й, я в л я е т с я с п е ц и ф и ч е с к о й о с о б е н н о с т ь ю и г в о з д е м г е р м а н с к о й п р о б л е м ы. Точно так же, как противоречие между военно-политической и кредитно-финансовой мощью, с одной стороны, и загнивающей производственно-промышленной базой—с другой, является специфической особенностью и гвоздем б р и т а н с к о й проблемы.

Допустить германскую экспансию на мировом рынке в таком об'еме, который сделал бы возможным оплату импорта, п л ю с репараций, п л ю с платежи процентов—это означало бы для капитализма Соединенных Штатов, Англии и Франции не что иное, как о т к а з о т п л о д о в п о б е д ы 1 9 1 8 г о д а, отказ от использования своих военно-политических позиций. При чем отказ в такой момент, когда Соединенные Штаты становятся страной экспортирующей промтовары в несравненно б о л ь ш е й степени, чем в 1914 году, когда Англия чисто-экономически с л а б е е, чем в 1914 г., когда Франция, благодаря происходящим в ней мощным процессам индустриализации заинтересована в выходе на мировой рынок с и л ь н е е, чем в 1914 году [2]).

---

[1]) На общем собрании акционеров одного из крупнейших лондонских банков Barklayer Bank председатель правления последнего Goodenough в своей речи заявил: «Америка все более и более становится страной, вывозящей фабрикаты. По тому же пути идет и Германия. Не подлежит никакому сомнению, что Германия и Америка в будущем выступят как основные соперники по отношению друг к другу». Berlin. Börsen - Kurier, 20 января 1928 г.

[2]) Ни один коммунист, конечно, не может быть обманут той кампанией в защиту «свободной торговли», которая завершилась «манифестом банкиров» и женевской экономической конференцией. Совершенно очевидно, что основной пружиной здесь было стремление великодержавных капитализмов Соединенных Штатов, Англии, Франции заставить «малые государства» раскрыть свои тамо-

Мы считаем, что такой отказ от политического нажима, от насильственного сжатия германской экспансии исключен. Правда, здесь напрашивается следующее возражение. Поскольку Америка вывозит капиталы в Германию, постольку она сама становится заинтересованной в развитии германского хозяйства. То же самое, с соответственными оговорками относится и к Англии. Не может ли это послужить обстоятельством, компенсирующим слабость военно-политических позиций?

Но, во-первых, иностранные капиталы плывут в Германию до тех пор, пока уровень процента в ней значительно превышает уровень процента на нью-йоркской и лондонской биржах. Высокий уровень процента в Германии, однако, в значительной степени является функцией восстановительно-реконструктивного процесса. Завершение этого процесса на ряду с соответственным ростом внутреннего капиталонакопления сильно сожмет расхождение между германской и лондонской процентной ставкой, и сила притяжения берлинской биржи для денежного капитала, для капитала, приносящего проценты, станет много слабее. Что же касается капитала, идущего на проценты, на прибыль, то на его приток в Германию вообще рассчитывать не приходится, потому что нет никаких оснований предполагать, что норма прибыли в германской промышленности выше, чем, скажем, в промышленности Соединенных Штатов.

Во-вторых, экспорт капитала в Германию играет совершенно второстепенную роль для Англии и далеко не играет решающей роли в Соед. Штатах. Из общей суммы долгосрочных заграничных вложений Соединенных Штатов вложения в Германии составили в 1924 году 13,4%, в 1925 г.—22,2%, в 1926 году—30,5%. Если предположить, что в ближайшие годы доля Германии в американском капитальном экспорте стабилизуется на 20—25%, то это будет скорее преувеличением, чем преуменьшением. Удельный вес Германии, как импортера денежных капиталов, будет с точки зрения американского капитализма значительно меньше, чем ее вес в качестве соперника на мировом рынке. В еще и еще большей степени это относится к Англии и к Франции. К тому же необходимо отметить, что Соединенные Штаты находятся еще только в начальной стадии процесса загнивания, и индустриально-предпринимательский слой буржуазии там поэтому пока сильнее и влиятельнее, чем слой рантье.

И, наконец, в-третьих, мы указывали уже выше, что капитал может вывозиться, как капитал, приносящий прибыль, и как капитал, приносящий проценты. В самом деле, очевидно, что экспорт, скажем, капитала Соединенных Штатов в Канаду или Латинскую Америку, где он строит свои фабрики, свои железные дороги, свои каналы, или экспорт английского капитала в Индонезию, в Моссул, в Ю. Персию, где он устраивает свои плантации, свои нефтяные промыслы, есть нечто иное, нежели экспорт денежного капитала. Ясно, что степень заинтересованности во втором случае будет меньше, чем в первом. Между тем, в Германии мы можем иметь дело только со вторым случаем, ибо, повторяем, экспорт капитала, приносящего прибыль, возможен лишь там, где выше не только норма

женные границы. Любопытно, что один из главных идеологов движения, сэр Джордж Пэш в своей книге «Путь к хозяйственному оздоровлению мира» выбалтывает это довольно откровенно. На стр. 91 он пишет: «До войны каждая нация признавала необходимость ведения такой политики, которая открывала бы ей дорогу к международным центрам капиталов... Точно так же и теперь для различных наций чрезвычайно важно, чтобы они своей хозяйственной политикой не затрудняли себе дорогу в Лондон и Нью-Йорк». Sapienti sat!

Вообще, для судеб современного, с позволения сказать, «манчестерства» очень характерно, между прочим, что виднейший его идеолог и вождь Дж. М. Кейнс в Англии, как известно, выступает со страстной агитацией за картелирование такой par excellence «манчестерской» промышленности, как текстильная.



процента, но и норма прибыли. При высоте органического капитала Германии она в этом смысле вряд ли может обогнать Америку и, во всяком случае, остается далеко позади отсталых и колониальных стран.

Таким образом, учитывая соотношение сил внутри американской буржуазии, учитывая соотношение веса Германии, как импортера капитала, и ее веса, как возможного соперника на мировом рынке для Соединенных Штатов, Англии и Франции, учитывая, что в той мере, в какой будет крепнуть германское хозяйство и усиливаться его внутреннее капиталонакопление, в той мере будет понижаться заинтересованность в ней международной денежной биржи вследствие падения в ней нормы процента,—учитывая все это, мы считаем, что заинтересованность в Германии, как импортере капиталов, не окажется достаточно сильной, чтобы помешать капитализму стран-победительниц положить насильственный конец германской экспансии на мировом рынке и тем самым насильственный конец нормальному развитию германского капитализма вообще.

И первым симптомом этой грядущей агрессии по отношению к Германии на наш взгляд является декабрьский отчет Паркера Жильберта.

Мы видели, что его выступление не может быть об'яснено явлениями чисто кон'юнктурного характера. Дело заключается вовсе не в тех конкретных опасностях, на которые он указывает, и вовсе не в той аргументации,—большей частью совершенно неубедительной,—которую он при этом развивает. Об'ективный смысл его меморандума и его отчета становится ясным из тех практических предложений, которыми он кончает. Они заключаются раньше всего в ликвидации трансфертного комитета.

Трансфертный комитет является одним из существеннейших элементов той системы, которая была создана планом Дауэса. Как известно, согласно этому плану, германское правительство обязано вносить репарационные платежи в германской же валюте, т.-е. в марках. Реализация же полученных сумм в иностранной валюте, их трансферт (перенесение) является делом состоящего при генеральном агенте по репарациям трансфертного комитета. План Дауэса обязывает этот комитет производить трансфертные операции с таким расчетом, чтобы не повредить устойчивости германской валюты. Его существование, таким образом, представляло собою как бы гарантию того, что к Германии не будут пред'являться такие требования, которые могут расшатать германскую стабилизацию, и ее основу—стабильную валюту.

«План экспертов,—пишет по этому поводу Жильберт,—создал, таким образом, охранительную систему, предназначенную для того, чтобы не допустить неустойчивости германской валюты... не дав ей в то же время общего контроля над германскими делами». И отсюда тотчас же делается вывод: «Единственный выход заключается в окончательном установлении репарационных обязательств Германии на абсолютной основе без всякой трансфертной охраны»[1]).

Предложение ликвидировать трансфертный комитет может иметь лишь тот единственный смысл, что агент по репарациям желает развязать себе руки по отношению к Германии, получить свободу во всякий момент, когда это будет ему нужно, ударить по самому чувствительному и сильно реагирующему месту германского хозяйства—по германской валюте.

Не случайно, что это предложение всплывает как раз в момент наивысшего кон'юнктурного под'ема германского хозяйства. Германия 1919 г., Германия 1923 г. (после поражения рабочего класса) никакой опасности собою не представляла. Но Германия 1927 года, Германия, оставившая позади

[1]) Отчет, стр. 187. Разрядка наша.

довоенный уровень производства, реорганизовавшая и реконструировавшая свою промышленность — эта Германия отличается от Германии 1914 года только одним: в 1914 году попытка зажать германского конкурента в тиски была сопряжена с огромным риском и требовала огромных усилий, между тем как сейчас взятие Германии «в железы» ни особого риска не представляет, ни особых усилий не потребует.

Чем выше поднимается кон'юнктурная волна, чем дальше углубляется рационализационный процесс, тем острее и очевиднее и актуальнее становится противоречие между производственной мощью и военно-политическим бессилием германской буржуазии. А это значит, что, чем зрелее и обильнее плоды стабилизации, тем менее прочна, тем ближе к своему концу самая стабилизация.

---

*К. Розенталь.*

# Промышленность в 1927—28 году.

Производственно-финансовый план развития промышленности в 27/28 г. носит ярко выраженные специфические черты, существенно отличающие его от промфинпланов прошлых лет и даже прошлого года. Реконструктивный период наложил отпечаток на все построение плана развития промышленности: задачи, так сказать, «количественного» порядка дополнились и усложнились задачами «качественными». При чем, что особенно важно подчеркнуть, эти задачи «качественного» порядка явились не простым дополнением к существующему плану, как это было в прошлом году, а непременным и обязательным условием его выполнения. Разрешение «количественных» задач, стоящих перед промышленностью, находится в тесной связи и обусловливается разрешением «качественных» задач, качественного улучшения работы промышленности по всем важнейшим ее показателям.

Другой отличительной чертой промфинплана 27—28 года является установление таких показателей количественных достижений промышленности в текущем хозяйственном году, которые переворачивают все существовавшие и существующие предположения относительно характера, темпа и особенностей нашего хозяйственного развития в период реконструктивный. Общепринятым было до сих пор мнение, что реконструктивный период неизбежно несет резкое замедление в темпе нашего хозяйственного и, в частности, промышленного развития. Это убеждение находило свое выражение и во всех имеющихся планах нашего хозяйственного развития; кривая темпов прироста из года в год показывала неуклонное понижение, выравниваясь далее на том низком уровне, который диктовался умеренностью и осторожностью составителей этих планов. Данные промфинплана промышленности на 27 — 28 г. эти «общепринятые» мнения и убежденность ставят на голову. 1927 — 28 г. показывает резкий перелом в кривой развития нашего промышленного хозяйства.

Недооценка преимуществ нашей хозяйственной системы, недооценка эффективности капитальных и рационализаторских работ промышленности, недооценка производственных возможностей промышленного оборудования нашли свое выражение и в недооценке темпов нашего хозяйственнего развития. В какой мере и степени была велика эта недооценка, показал еще 26 —27 год, но особенно ярко, резко и значительно выявил и обнаружил текущий 27—28 хозяйственный год.

### Рост производства.

Валовая продукция промышленности, планируемой ВСНХ, увеличивается в 27 —28 году на 25,2% или в абсолютном выражении на 2.166 милл. черв. рублей. Этот прирост не только абсолютно превышает прирост про-

шлого года, но и дает темп роста, значительно превышающий темп роста в прошлом году.

**Динамика валовой продукции промышленности, планируемой ВСНХ (в млн. черв. руб. по неизменным ценам).**

| | 1925—26 | 1926—27 | 1927—28 | 26—27 г. в % к 25—26 г. | 27—28 г. в % к 26—27 г. |
|---|---|---|---|---|---|
| Вся промышленность . . . . | 7.187,4 | 8.587,7 | 10.753,7 | 119,5 | 125,2 |
| Производ. сред. производ. . | 2.745,3 | 3.466,7 | 4.253,7 | 126,3 | 122,7 |
| Производ. сред. потребления | 4.442,1 | 5.121,0 | 6.500,0 | 115,3 | 127,0 |

Приросту промышленной продукции 26—27 г. в 19,5%, в 27—28 г. соответствует 25,2%! Кривая снижения темпа прироста, начавшаяся еще в 25—26 г и продолжавшаяся вплоть до 26—27 года, сменяется в 27—28 году резко и отчетливо выраженной кривой под'ема!

В связи с этими цифрами роста валовой продукции промышленности в 27—28 году интересно сопоставить те прогнозы, которые давались в наших планах промышленного развития. По отдельным, опубликованным, пятилетним перспективным планам промышленности 1927—28 г. должен был дать прирост валовой продукции:

| | |
|---|---|
| По Госплану на . . . . . . . . . . . . . . . . . | 13,2% |
| „ пятилетке ВСНХ . . . . . . . . . . . . . . | 16,3 „ |
| „ К.Ц. пятилетки ВСНХ . . . . . . . . . . . | 18,1 „ |

Фактически же, если исключить из данных промфинплана продукцию тех предприятий, которые только с этого года включены в планы промышленности, планируемой ВСНХ, т.-е. брать сравнимый круг предприятий, валовая продукция промышленности вырастет в 27—28 году на 23%.

Совершенно справедливо отмечают, что налицо имеется какая-то определенная «закономерность» в этих изменениях перспективных построений [1]) Чем б л и ж е приближаются к моменту составления перспективных планов включаемые в проектировку годы, тем все б о л ь ш е и значительнее увеличиваются показатели прироста промышленной продукции.

Конечно, легко критиковать допущенные ошибки и просчеты, неизбежные тем более, что дело составления пятилетних планов новое, а необходимый опыт вырабатывается постепенно. Но все же дистанция между 13% и 23% настолько велика, что позволяет говорить о каких-то о р г а н и ч е с к и х недочетах и дефектах работы по составлению наших перспективных планов. И таким органическим пороком является неумение учесть все те преимущества, которые дает наша хозяйственная система.

Особого внимания заслуживает в планах развития промышленности в 27—28 году вопрос о соотношении в развитии тяжелой и легкой индустрии. Из приведенной выше таблички можем видеть, что, при возрастании темпа роста всей промышленности, по тяжелой индустрии, т.-е. по группе отраслей, производящих средства производства, мы имеем продолжение той снижающейся кривой темпов ежегодного прироста производства, которая наблюдалась за все последние годы. Наоборот, легкая индустрия показывает буквально с к а ч о к в темпах своего развития. В результате мы имеем п е р е м е щ е н и е соотношения темпов развития этих двух подразделений промышленности. Легкая индустрия обгоняет в своем развитии тяжелую индустрию и повышает свой удельный вес в валовой промышленной продукции с 59,5% в 26—27 г. до 60,4% в 27—28 г.

Надо заметить, что по контрольным цифрам промышленности было намечено (правда, и при иных темпах развития) принципиально иное соотношение темпов развития тяжелой и легкой индустрии. И за отраслями тяжелой индустрии сохранялся, в полном соответствии с принятым партией курсом на индустриализацию страны и постепенное освобождение от капиталистической зависимости, б о л ь ш и й темп развития, чем за отраслями легкой индустрии. Таким образом, промфинплан обнаруживает некоторое отклонение, разрыв между директивами, данными в КЦ, и реальным процессом развертывания промышленности.

[1]) См статью т. Сабсовича «К методологии составления перспективных планов». «Пути Индустриализации» № 2.



Было бы ошибочно, однако, представлять такое изменение в соотношении темпов развития тяжелой и легкой индустрии, искажением или нарушением принятой партией линии и направления нашего хозяйственного развития. Значительную, если не решающую, роль здесь сыграл имевшийся в этом году у р о ж а й по отдельным видам с.-х. сырья, в частности и особенности по сахарной свекле, маслосеменам, пеньке и хлопку, а также добавочная переработка хлопка и шерсти сверх плана (в связи с переходом на 7-часовой рабочий день и увеличение сменности по ряду предприятий). Это, несомненно, б л а г о п р и я т н о е явление, позволило увеличить переработку отдельных видов волокон по сравнению с К. Ц.

**Увеличение переработки волокон в % к 1926—27 г.**

| | По К.Ц. | По плану |
|---|---|---|
| Хлопчатобумажная . . . . . . . . . . | 112,8 | 115,4 |
| Шерстяная . . . . . . . . . . . . . | 109,2 | 122,0 |
| Льняная . . . . . . . . . . . . . . | 115,1 | 120,5 |
| Пеньковая . . . . . . . . . . . . . | 119,6 | 127,0 |
| Шелковая . . . . . . . . . . . . . | 127,6 | 178,0 |

Сахарная промышленность, благодаря хорошему урожаю свеклы даст в 27—28 г. увеличение продукции на 40%, по сравнению с 26—27 г., маслобойная на 73,5%, кондитерская на 49% и т. д. За исключением винокуренной, пивоваренной и дрожжевой отраслей пищевкусовой промышленности, все остальные отрасли показывают значительное превышение по сравнению с К. Ц.

По отдельным отраслям рост валовой продукции представляется в таком виде (в млн. руб.):

| | 1926—27 г. | 1927—28 г. | 1927—28 в % к 1926—27 г. по плану | по К.Ц. |
|---|---|---|---|---|
| Группа „А“ | | | | |
| Топливная . . . . . . . . . | 894,5 | 1.046,4 | 117,1 | 118,6 |
| Горнодобывающая . . . . . | 42,5 | 57,8 | 135,7 | 134,3 |
| Металлопром. . . . . . . . | 1.493,5 | 1.849,[illegible] | 123,8 | 119,0 |
| Электропром. . . . . . . . | 151,3 | 224,2 | 148,0 | 134,3 |
| Стройматер. . . . . . . . | 707,8 | 828,3 | 117,2 | 113,4 |
| Химическая . . . . . . . . | 177,1 | 247,2 | 139,5 | 128,2 |
| Итого по группе „А“ . | 3.466,7 | 4.253,7 | 122,7 | 119,0 |
| Группа „Б“ | | | | |
| Текстильная . . . . . . . . | 2.981,5 | 3.540,2 | 118,7 | 112,9 |
| Швейно-галантерейная . . . | 158,0 | 367,1 | 232,0 | — |
| Кожевенная . . . . . . . . | 440,6 | 574,0 | 129,5 | 115,2 |
| Бумажная . . . . . . . . . | 127,4 | 156,9 | 123,3 | 118,9 |
| Полиграфическая . . . . . . | 54,9 | 73,5 | 133,5 | 110,6 |
| Фарфор.-фаянсовая . . . . . | 39,1 | 42,4 | 108,0 | 105,4 |
| Химическая . . . . . . . . | 294,5 | 375,3 | 127,3 | 121,5 |
| Пищевкусовая . . . . . . . | 1.006,3 | 1.346,0 | 133,6 | 129,9 |
| Прочие (комб.) . . . . . . . | 18,7 | 24,9 | 133,2 | — |
| Итого по группе „Б“ . | 5.121,0 | 6.500 | 127,0 | 116,5 |
| Всего по планируемой пр—сти | 8.587,7 | 10.753,7 | 125,2 | 117,0 |

Таким образом, за исключением топливной промышленности все отрасли как тяжелой, так и легкой индустрии показывают весьма значительное превышение К. Ц.

Динамику, сходную в основном с динамикой роста валовой продукции, показывает и товарная продукция промышленности как в отношении превышения плана над контрольными цифрами, так и в отношении перемещения темпа роста тяжелой и легкой индустрии.

По сравнимому кругу отраслей промышленности и в ценах соответствующих лет (т.-е. с учетом снижения цен) динамика товарной продукции представляется в таком виде (в млн.):

| | | 1926—27 г. | 1927—28 г. | 1927—28 г. в % к 1926—27 г. |
|---|---|---|---|---|
| Группа „А“ | План | 2.757,0 | 3.222,5 | 116,8 |
| | К. Ц. | 2.670,3 | 3.042,3 | 114,0 |
| Группа „Б“ | План | 3.652,1 | 4.338,1 | 118,8 |
| | К. Ц. | 3.581,1 | 3.992,7 | 111,5 |
| Итого | План | 6.409,1 | 7.560,6 | 117,9 |
| | К. Ц. | 6.251,4 | 7.035,0 | 112,5 |

Росту товарной продукции по К. Ц. на 14,0% для группы «А» и 11,5% для группы «Б», при общем росте всей товарной продукции в 12,5%, по плану соответствует 16,8% — по гр. «А», 18,8% — по гр. «Б» и 17,9% — по всей промышленности, при чем темп прироста товарной продукции в 27—28 г. превышает темп прироста в 26 — 27 г., выражавшийся в 16%.

Масса выбрасываемой на рынок продукции промышленности не только из года в год растет, но и с 27 — 28 года начинается увеличение темпа ее роста, превосходящего ориентировочные данные, определенные К. Ц.

В связи и на ряду с наличием известного товарного голода, такие результаты работы промышленности надо признать имеющими, несомненно, серьезнейшее значение в деле смягчения товарного дефицита как на продукцию легкой, так и тяжелой индустрии, что особенно важно, ибо имеющаяся здесь неудовлетворенность потребностей принимает угрожающие размеры. Дефицитность на изделия тяжелой индустрии ориентировочно определяется в 27—28 году:

| | |
|---|---|
| По металлотоварам | в 20—25% |
| По кирпичу | „ 15—20 „ |
| По цементу | „ 8— 9 „ |
| По кальцинир. соде | „ 21 „ |
| По каустической соде | „ 30 „ |
| По лесоматериалам | „ 18 „ и т. д. |

Между тем тяжелая индустрия в значительной части работает на широкий рынок, и общая дефицитность ее изделий тяжело давит на широкий рынок, оставляя неудовлетворенными потребности населения и хозяйственные потребности крестьянства в частности и особенности. По данным промплана на 26—27 г. удельный вес продукции отраслей тяжелой индустрии, предназначенной на широкий рынок, составлял по нефтяной промышленности—23,6%, металлической—20,3%, электротехнической—12,8%, лесохимической—22,6%, стекольной—42,7% и т. д. Растущее и крепнущее крестьянское хозяйство, чем дальше, тем больше, требует от промышленности предметов хозяйственного потребления, и степень удовлетворения этих потребностей в значительной мере будет определять и общий под'ем крестьянского хозяйства и перевод его на более высокую техническую базу (искуственное удобрение, машинизация, электрификация) и повышение материального и культурного уровня жизни крестьянства и, наконец, что особенно важно, рост тех материально-технических и культурных предпосылок, на основе которых возможно его кооперирование и постепенное обобществление. Между тем именно здесь, на эти изделия промышленности (сортовое, кровельное и шинное железо, скобяной товар, стекло, лесоматериалы и т. д., и т. п.) ощущается особенно значительный товарный голод, и на его смягчение и ликвидацию должно быть обращено особенное внимание. Надо констатировать, что 1927—28 год сколько-нибудь значительных результатов в ликвидации дефицита изделий отраслей промышленности, производящих средства производства, не обещает. И это, несомненно, одно из слабых мест промфинплана. Недостаточное развитие отраслей, производящих средства производства, по мере нашего хозяйственного развития дает себя чувствовать все значительнее и резче. И, конечно, не может быть признано нормальным такое положение, когда прирост товарной продукции по отраслям, производящим средства производства, в 27 — 28 году оказывается меньше прироста в 26—27 году.



**Ценностное увеличение товарной массы за год (в млн руб. по ценам соответствующих лет).**

| | 1926—27 г. | 1927—28 г. | Прирост 27—28 г. по сравн. с приростом 26—27 г. |
|---|---|---|---|
| По группе „А“ | 545,9 | 472,4 | — 73,5 |
| По группе „Б“ | 315,4 | 836,0 | + 520,6 |
| По всей пр—сти | 861,3 | 1.308,4 | + 447,1 |

В абсолютном выражении прирост товарной продукции по отраслям тяжелой индустрии уменьшается на 73,5 млн. руб., а по легкой индустрии растет на 520,6 млн. рублей.

Надо заметить, что в отношении темпов развития тяжелой и легкой индустрии, помимо урожая, сыграли свою роль республики и места, усиленно развернувшие производство отраслей легкой индустрии. При условии же, что роль республиканской и местной промышленности из года в год растет и в 27—28 году ее удельный вес во всей промышленности поднялся до 44,5%, резкие изменения в соотношении темпа роста тяжелой и легкой индустрии, имевшие место там, не могли не найти своего отражения и в итоговых по всей промышленности данных. Насколько же велики были сдвиги здесь, можно видеть из следующего:

**Рост тяжелой и легкой индустрии в республиках (товарная продукция в млн. руб. по ценам соответствующих лет).**

| | Группа „А“. | | | Группа „Б“. | | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | 1926—27 | 1927—28 | 1927—28 в % к 26—27 | 1926—27 | 1927—28 | 1927—28 в % к 26—27 |
| Союзная | 1.625,5 | 1.873,2 | 115,3 | 1.866,3 | 2.142,9 | 114,8 |
| РСФСР | 817,4 | 972,0 | 118,9 | 1.552,6 | 2.005,7 | 129,2 |
| УССР | 262,1 | 311,2 | 118,7 | 273,6 | 333,6 | 121,9 |
| Проч. республики | 63,7 | 84,7 | 123,9 | 139,0 | 185,2 | 133,2 |
| Всего по СССР | 2.768 | 3.241,1 | 117,1 | 3.831,4 | 4.667,4 | 121,8 |

За исключением союзной промышленности, выдержавшей принципиальную линию на более быстрый темп разворачивания тяжелой индустрии, вся остальная промышленность (особенно резко выражено это по РСФСР) форсировала разворачивание легкой индустрии.

Повторяем, такое соотношение в темпе разворачивания тяжелой и легкой индустрии не может быть признано удовлетворительным, особенно, если учесть тот дефицит, тот голод, который имеется на изделия тяжелой индустрии,—не может быть признано удовлетворительным не только с точки зрения разрешения, стоящих перед нами исторических задач, но и с точки зрения сегодняшней кон'юнктуры, ибо потребительский спрос, и в особенности спрос крестьянства, остается неудовлетворенным в значительной степени как раз в части промтоваров хозяйственного потребления.

## Характеристика капитального строительства.

Капитальные работы по промышленности, планируемой ВСНХ, определялись К. Ц. на 27—28 г. в 1.176 мил. руб. Однако, выявившиеся к моменту составления планов новые обстоятельства (кон'юнктурного порядка, финансового состояния отдельных отраслей промышленности и трестов, и несоответствия, в некоторых случаях, потребностям в капитальном строительстве тех ассигнований, которые были намечены К. Ц.), потребовали неоднократного пересмотра намеченного об'ема строительства. Пределы и об'ем капитальных работ, установленные К. Ц., были несколько изменены под давлением, в основном и решающем, республиканской промышленности. Если в отношении промышленности общесоюзного значения, наиболее зависящей от государственного бюджета, еще можно было добиться того, что она уложилась в рамки, установленные контрольными цифрами, то республиканская промышленность эти рамки, как правило, ломала. В какой степени это имело место, можно видеть из следующей таблицы:

**Об'ем капитальных работ (в млн. руб.).**

| | Контрол. цифры | План | Превыш. над К.Ц. в % |
|---|---|---|---|
| Промыш. общесоюзная | 887,98 | 888,48 | + 0,5 |
| РСФСР | 197,6 | 241,58 | + 22,5 |
| УССР | 50,6 | 57,21 | + 13,0 |
| БССР | 13,8 | 14,72 | + 11,0 |
| ЗСФСР | 16,7 | 23,46 | + 41,0 |
| ТССР | 5,95 | 6,73 | + 13,0 |
| УзбССР | 7,16 | 8,11 | + 13,0 |
| По всей промышленности | 1.176,0 | 1.240,29 [1] | + 5,47 |

Таким образом, при незначительном превышении К. Ц. общесоюзной промышленностью (0,5%), республиканская промышленность значительно вышла за рамки, установленные К. Ц.

По отдельным отраслям промышленности распределение об'ема капитального строительства в 27—28 г. представляется в таком виде (в мил. руб.):

| | | % |
|---|---|---|
| Каменноугольная | 127,76 | 10,4 |
| Нефтяная (вкл. Нефтесинд.) | 196,36 | 15,97 |
| Горно-рудная | 15,94 | 1,3 |
| Металлическая | 349,33 | 28,4 |
| Электротехническая | 18,83 | 1,53 |
| Химическая | 85,67 | 6,67 |
| Силикатная | 54,34 | 4,42 |
| Лесная | 28,51 | 2,32 |
| НТУ | — | — |
| Бумажная | 41,43 | 3,36 |
| Текстильная (вкл. ВТС и ГХК) | 198,12 | 16,1 |
| Швейная | 6,7 | 0,54 |
| Кожевенная | 18,04 | 1,47 |
| Пищевкусовая | 82,6 | 6,72 |
| Полиграфическая | 2,93 | 0,24 |
| Синдикаты | 2,76 | 0,22 |
| Стройконторы | 2,23 | 0,26 |
| Разные | 1,06 | 0,09 |
| Итого | 1.229,00 | 64,00 |

[1]) С образованием резерва эта сумма капитальных работ была сокращена до 1.193 млн. рублей.



На долю трех крупнейших отраслей тяжелой индустрии (каменноугольная, нефтяная и металлическая промышленности) приходится около 55% всего промышленного капитального строительства.

Таким образом, общая линия на индустриализацию страны и наиболее быстрый рост отраслей, производящих средства производства, в части капитального строительства нашла свое выражение и подтверждение в 27—28 г. И это опять-таки подчеркивает ту мысль, что более быстрый темп роста продукции легкой индустрии ни в какой мере не являлся изменением принятого партией курса на индустриализацию, а был лишь результатом повышенной урожайности на основные виды перерабатываемого промышленностью сельскохозяйственного сырья.

Характерной особенностью капитального строительства 27—28 хозяйственного года является сокращение чрезвычайно растянутого фронта капитального строительства—этого крупнейшего порока нашей строительной практики, и сосредоточение внимания и средств на продолжении и заканчивании ранее начатых работ. При общем об'еме капитального строительства в 1.240 мнл. рублей, на начинаемое с 1927—28 г. новое строительство расходуется 72,7 млн. рублей, или 5,7% от всей суммы капитальных работ. Совершенно сознательно и во исполнение принятого еще на первом пленуме ВСНХ решения промышленность резко замедляет темп нового строительства, стремясь к максимально возможному сокращению непомерно растянутого фронта капитального строительства и к наибыстрейшему окончанию находящихся в процессе строительства об'ектов.

В какой мере промышленность проводит эту линию на форсированное окончание ранее начатых капитальных работ, можно судить на основании следующего:

| | | | | |
|---|---|---|---|---|
| Обязательные работы (капит. ремонт, жилстроительство, охрана труда и спец. работы) | 305,3 | м. р. | 24,67% | |
| Капитальные работы по ранее начатым предприятиям | 557,7 | „ | 45 | „ |
| Новоначинаемые работы, как по новым, так и по существующим предприятиям | 377,3 | „ | 30,4 | „ |
| Итого | 1.240,3 | „ | 100 | „ |

Таким образом, из общей суммы капитальных работ—45% всех работ являются продолжением ранее начатых работ и только 30%, т.-е. меньше трети всех работ являются работами, которые начинаются в настоящем хозяйственном году, либо в виде сооружений новых предприятий (72 мил. руб.), либо на существующих предприятиях (305 мил. руб.). Если, однако, учесть, что из этих новоначинающихся работ имеются такие, как горные работы каменноугольной промышленности и буровые работы в нефтяной промышленности, которые, по сути дела, надо отнести к обязательным работам, то оказывается, что новоначинаемые работы составляют не более 23—25% всей суммы работ. При этом на существующих предприятиях огромное количество этих работ представляют собой мелкие работы, необходимые на всех предприятиях либо для поддержания последних, либо для каких-либо улучшений, связанных с рационализацией производства. Маневренная свобода промышленности в планах капитальных работ на текущий год была сознательно ограничена необходимостью сократить развернутый план капитального строительства и форсированно заканчивать ранее начатые работы.

Процент заканчиваемых и сдаваемых в эксплоатацию капитальных работ из года в год растет и сближается с общей суммой работ соответствующего года.

| | Общая сумма капитальных работ в млн. руб. | Заканч. и сдается в экспл. (вкл. капит. ремонт) в млн. руб. | В % от общей суммы работ |
|---|---|---|---|
| 1925—26 г. | 811,0 | 597,7 | 73,6 |
| 1926—27 г. | 1.065,9 | 862,4 | 80,8 |
| 1927—28 г. | 1.240,3 | 1.232,9 | 99,4 |

Сумма заканчиваемых и сдаваемых в эксплоатацию капитальных работ достигает к 27—28 году 99,4% от общей суммы всех капитальных работ этого года, т.-е. по сути дела совпадает с ней.

По отдельным республикам это соотношение представляется в таком виде (в процентах к общей сумме капитальных работ соответствующего года):

**Заканчивается и сдается в эксплоатацию работ (включая капит. ремонт).**

| | 1926/27 г. | 1927/28 г. |
|---|---|---|
| Предпр. общесоюзн. значения | 80,8 | 99,2 |
| „ РСФСР | 86,6 | 100,5 |
| „ УССР | 97,6 | 105,9 |
| „ БССР | 70,7 | 90,6 |
| „ ЗСФСР | 47,0 | 110,0 |

Этот принятый темп заканчивания и сдачи капитальных работ в эксплоатацию находит свое выражение и в динамике незаконченных капитальных работ, остающихся на балансе к концу года.

| | |
|---|---|
| На I/X 1925 г. | 232,6 млн. р. |
| „ I/X 1926 г. | 408,4 „ „ |
| „ I/X 1927 г. | 611,8 „ „ |
| „ I/X 1928 г. | 619,1 „ „ |

Растягивание фронта капитальных работ, растущее количество незаконченных работ, все большая увязка средств в новоначинаемых строительствах сменяется в текущем 27—28 году некоторой их стабильностью. Дальнейшему увеличению незаконченных строительств и растягиванию фронта капитальных работ в 27—28 г. положен предел. И в этом надо признать одно из крупнейших достижений промышленности. В будущем усилия промышленности должны быть направлены к еще большему сокращению фронта капитальных работ и сосредоточению внимания и ассигнуемых средств на минимальном количестве об'ектов, форсируя в то же время сроки на окончание их строительства.

Достижение этих результатов в области капитального строительства свидетельствует о к а ч е с т в е н н ы х улучшениях работы промышленности, сумевшей преодолеть существующую инерцию отдельных отраслей промышленности к расширению фронта и увеличению об'ектов капитальных работ. «Империализм» и «патриотизм» отдельных отраслей промышленности и республик начинает подчиняться плановой воле и плановым построениям, интересам развития всей промышленности и всего народного хозяйства в целом. Нечего и говорить, насколько еще здесь далеко до идеала. Но плановая дисциплина, хотя и медленно, испытывая и преодолевая величайшее сопротивление, начинает внедряться в области капитального строительства. И, укрепивши эти первые успехи плановой дисциплины в капитальном строительстве, надо их всемерно углублять и развивать все дальше и глубже.



Другим не менее важным достижением промфинплана промышленности в части капитального строительства является снижение стоимости строительства, снижение строительного индекса. Физический об'ем капитального строительства, уложенный в пределы 1.240 мил. рублей, определен с учетом снижения строительного индекса на 15% по сравнению с прошлым годом. Эта задача, поставленная перед капитальным строительством текущего хозяйственного года, органически увязана с общими планами и общим об'емом капитальных работ. И, таким образом, недовыполнение к а ж д о г о процента из намеченных 15% снижения строительного индекса означало бы сокращение физического об'ема строительства на 12,4 мил. руб. Несмотря на все имеющиеся недостатки в деле капитального строительства, решительное изжитие которых является одной из важнейших задач промышленности, достижение 15-процентного снижения строительного индекса является несомненным показателем известного перелома в нашей строительной практике. Перелома, который должен быть закреплен дальнейшими успехами, ибо, несмотря даже на столь значительные результаты в снижении строительного индекса, он останется все же на непомерно высоком уровне—2,49.

## Себестоимость.

Одной из характернейших особенностей промышленного плана на 27—28 год, и это, пожалуй, в наибольшей степени характеризует тот реконструктивный период, в который мы вступили, является снижение себестоимости промышленных изделий на 6,3%. Динамика себестоимости продукции является существенным показателем эффективности капитальных вложений в промышленность, успешности развертывания рационализаторских работ и общего к а ч е с т в е н н о г о улучшения всей работы промышленности.

С этой точки зрения интересно проследить динамику себестоимости промизделий за последние годы. Еще 1925—26 год дал некоторое повышение себестоимости, выразившееся в 1,7%, 1926—27 год показал некоторый перелом в динамике себестоимости в сторону снижения, определившегося для союзной промышленности в 2,4%, а для всей промышленности—в 1,27%. Однако, указанного в директиве правительства снижения себестоимости на 5% достигнуто не было. Надо при этом заметить, что и сама директива не носила обязательного характера в том смысле, что не была органически увязана с размерами внутрипромышленного накопления, а следовательно, и выполнением принятого и утвержденного промфинплана. Невыполнение директивы по снижению себестоимости не нарушало общего плана работ промышленности, и это, разумеется, не могло не оказать своего отрицательного влияния на выполнение самой директивы.

Существенно отлично в этом отношении построение плана на 1927—28 год. Выявившиеся возможности в деле снижения себестоимости позволили промышленности намеченное снижение себестоимости для 1927—28 г. увязать как реальный фактор с основными элементами промфинплана и, в частности, с об'емом капитальных работ. Снижение себестоимости на 6,3% при общей массе продукции в 10 миллиардов руб. (кругло) означает увеличение внутрипромышленного накопления на 600 млн. рублей. И вот эта-то сумма увеличения внутрипромышленного накопления учтена в построении финансового плана промышленности. Недовыполнение каждого процента из намеченного снижения себестоимости означало бы сокращение финансовых ресурсов на 100 млн. рублей со всеми вытекающими отсюда последствиями как в отношении размеров и об'ема капитальных работ, так и в отношении состояния оборотных средств промышленности.

Надо при этом заметить, что контрольными цифрами на 1927—28 г. ВСНХ предусматривалось снижение себестоимости в среднем на 5%, и, таким образом, директива о большем проценте снижения себестоимости явилась дополнением к первоначальным предположениям промышленности. В то же время совокупность факторов, влияющих на себестоимость, расценивалась более благоприятно, чем это сложилось в действительности, в момент составления промфинплана. В частности, выявились затруднения в заготовке и росте цен по некоторым видам сел.-хоз. сырья (лен, масла, семена, шерсть, картофель); возложены некоторые дополнительные обязательства перед бюджетом, непредусмотренные контрольными цифрами (напр., налог на обращение ценностей—33 млн. руб., дополнительная оплата недр нефти и местные налоги на нефть—8,5 млн. руб., военная и военизированная охрана—18 млн. рублей и проч.); проведено повышение заработной платы в больших размерах, чем было предусмотрено К. Ц. и т. д.

Однако, как ни значительны эти удорожающие факторы, данные о предполагающихся изменениях в себестоимости в 1927—28 году показывают, что в общем с этой задачей промышленность сумеет справиться.

При чем по отдельным отраслям промышленности это снижение себестоимости представляется в таком виде (в процентах к 1926—27 г., принятому за 100):

| | |
|---|---|
| 1. Каменноугольная | 96,5 |
| 2. Нефтяная | 97,9 |
| 3. Рудная | 96,6 |
| 4. Черная металлургия | 94,2 |
| 5. Цветная | 94,2 |
| 6. Общее машиностроение | 92,5 |
| 7. Судостроение | 94,0 |
| 8. Итого по металлоиндустрии | 93,8 |
| 9. Электропромышленность | 90,5 |
| 10. Хлопчатобумажная | 95,1 |
| 11. Льняная | 97,9 |
| 12. Грубошерстная | 100,0 |
| 13. Камвольная | 98,5 |
| 14. Тонкосуконная | 100,0 |
| 15. Основ. химическая | 92,5 |
| 16. Резиновая | 90,0 |
| 17. Анило-красочная | 93,0 |
| 18. Коксобензольн. | 84,0 |
| 19. Химико-фармацевтич. | 94,0 |
| 20. Бумажная | 94,5 |
| 21. Лесная | 99,1 |
| 22. Сахарная | 82,6 |

В целом по всей промышленности снижение себестоимости намечено в 93,84% по сравнению с 1926—27 г.

Наиболее существенное значение для снижения себестоимости будут иметь мероприятия по рационализации и механизации производства и некоторому обновлению основного капитала. Например, в нефтяной промышленности удешевление себестоимости в основном достигается продолжающимся процессом вытеснения тартальной добычи добычей глубокими насосами: по Азнефти удельный вес насосной добычи повышается с 35,9% до 45,8%, по Грознефти—с 70,9% до 84,0%. В этом же направлении действует и усиление электрификации промыслов. Сокращению эксплоатационной себестоимости (по Азнефти—на 16,4% и Грознефти—на 14,6%), однако, противостояло повышение долевых отчислений, в значительной мере поглотивших достигнутые результаты.

В каменноугольной промышленности существенную роль в снижении себестоимости играет рост механизации добычи. По Донуглю средний процент механизированной добычи поднимается с 15,7% в 1926—27 г. до 24,5% в 1927—28 г.



В электропромышленности ведутся большие работы в области рационализации производства (перепланировка производств, контроль и т. д.), стандартизация, специализация и механизация; проводятся новые методы работы (поточное производство нормальных машин, конвейерная сборка мелких моторов, изделий слабого тока, установочного материала и т. д.). Предполагающееся снижение себестоимости в размере 9,5% и является, в основном и решающем, результатом этой рационализации.

Значительный производственный эффект ожидается от рационализаторской работы и в других отраслях промышленности, в частности, от рационализации текстильной промышленности.

На ряду с общими директивными указаниями о рационализации и снижении себестоимости промфинплан дает прямые указания на улучшение качественных показателей работы промышленности. Коэффициент использования топлива и энергии повышается, в результате чего уменьшаются нормы их расходования. По Донуглю расход топлива на собственные нужды понижается с 8,9% в 1926—27 г. до 7% в 1927—28 г. В результате рационализации топливосжигания значительно увеличивается использование низкосортного топлива. Расход Донугля на топливо снижается на 18,7%. По Азнефти расход топлива в процентах к добыче уменьшается с 4,9% до 3,9%, по Грознефти—с 8,6% до 6,2%. Понижается расход топлива и по металлургии, и по машиностроению, и по хлопчатобумажной промышленности и другим отраслям промышленности.

Улучшаются и показатели использования сырья. Особенно значительные улучшения норм предполагаются в использовании сырья и материалов в химической промышленности.

Довольно большое значение в снижении себестоимости играет уменьшение общезаводских, правленческих и торговых расходов.

Предварительные данные по союзной промышленности показывают, что снижение этой группы расходов происходит в таких размерах (с учетом происходящего роста продукции) в процентах от предыдущего года.

| | 1926—27 г. к 25—26 г. | 1927—28 г. к 26—27 г. |
|---|---|---|
| Расходы, зависящие от пр—сти | —24,6 | —27,5 |
| Расходы, независящие от пр—сти | —4,2 | + 4,9 |
| Всего | —19,5 | —18,4 |

Таким образом, требование снижения накладных и административных расходов на 15% выполняется даже с некоторым превышением.

Особый интерес представляет анализ динамики себестоимости промизделий по отдельным его элементам.

**Процент изменений 1927/28 г. к 26/27 г. (1926/27=100).**

| Промышл. продукты. | Сырье | Материал | Зарплата | Начислен. на зарплату | Топливо и энергия | Амортизация | Проч. расх. | Заводская себестоим. | Прав. расх. | Полная себестоим. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Кам. уголь (Донуголь) | — | 94,9 | 97,5 | 103,9 | 86,9 | 96,0 | 97,3 | 96,4 | 63,5 | 95,9 |
| Азнефть | — | 80,0 | 90,0 | 79,7 | 91,0 | 96,5 | 87,8 | 96,6 | — | — |
| Юрт. жел. р. | — | 92,5 | 100,0 | 101,5 | 76,3 | 87,0 | 98,8 | 95,6 | 87,5 | 95,5 |
| Юрт. марг. | — | 89,4 | 93,0 | 86,0 | 115,1 | 122,9 | 66,7 | 91,6 | 88,6 | 91,3 |
| Хл.-бумаж. ткань | 99,3 | 91,5 | 95,[illegible] | 90,5 | — | — | 89,3 | 95,0 | 99,1 | 95,1 |
| Льняная ткань | 98,8 | 96,3 | 97,4 | 95,4 | — | — | 87,4 | 98,1 | 95,3 | 97,9 |
| Кам. тк. арт. № 224 | 112,0 | 100,7 | 97,0 | 95,1 | — | — | 86,0 | 98,7 | — | 96,5 |
| Сах. пр. на 1 б. свек. | 86,6 | 96,0 | 103,2 | 56,0 | 100,0 | 58,1 | 78,3 | 82,6 | 63,8 | 80,5 |
| Стекло полуб. | 98,2 | 94,5 | 89,9 | — | 99,5 | — | 92,8 | 93,4 | 79,5 | 92,8 |

Снижение происходит, таким образом, почти по всем без исключения элементам себестоимости, особенно по материалам, давая некоторое повышение, в отдельных, правда, случаях, по топливу, зарплате и начислениям по зарплате и по амортизации.

Достижения промышленности в деле снижения себестоимости надо признать бесспорными и свидетельствующими о значительных результатах в деле к а ч е с т в е н н о г о улучшения ее работы. Темп нашего дальнейшего хозяйственного развития на достигнутой нами ступени в значительной степени зависит от к а ч е с т в е н н ы х улучшений нашей работы. Производственно-финансовый план промышленности на 1927—28 г. свидетельствует, что с этими новыми требованиями нашего хозяйственного развития мы можем и сумеем справиться.

## Труд.

В тесной связи с вопросами себестоимости стоят вопросы труда. Благоприятное соотношение между ростом заработной платы и производительностью труда является одним из существеннейших и важнейших факторов удешевления себестоимости. В то же время самое это соотношение заработной платы и производительности труда в значительной степени является результатом ряда мероприятий по рационализации производства и использования рабочей силы, ликвидации ее излишков, уплотнению работы, пересмотру норм выработки, более целесообразному использованию существующего оборудования, по введению новых или капитальных отремонтированных агрегатов и т. д.

В среднем по Союзу и по отдельным отраслям промышленности динамика зарплаты и производительности труда на одного рабочего представляется в таком виде (в черв. руб.):

| Отрасли промышленности | Средняя месячная выработка | | | Средняя месячная зарплата | | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | 1926—27 г. | 1927—28 г. | 1927—28 г. в %% к 1926—27 г. | 1926—27 г. | 1927—28 г. | 1927—28 г. в %% к 1926—27 г. |
| Каменноугольная | 132 | 150 | 114,0 | 53,33 | 56,17 | 105,3 |
| Нефтяная | 788 | 901 | 114,3 | 68,94 | 73,64 | 105,8 |
| Горнодобывающая | 140 | 165 | 117,9 | 48,60 | 53,56 | 109,2 |
| Металлическая | 278 | 328 | 118,0 | 64,49 | 69,64 | 108,0 |
| Электротехническая | 516 | 640 | 124,0 | 85,96 | 92,48 | 107,0 |
| Строит. материал. | 298 | 337 | 113,1 | 51,88 | 54,47 | 105,0 |
| Химическая | 564 | 713 | 126,0 | 68,53 | 71,77 | 104,7 |
| Итого по группе „А“ | 297 | 348 | 117,2 | 60,09 | 64,36 | 107,1 |
| Текстильная | 363 | 417 | 114,9 | 48,76 | 52,46 | 107,6 |
| Кожевенная | 737 | 828 | 112,3 | 76,58 | 79,35 | 103,6 |
| Швейно-трикотажная | — | — | — | 61,94 | 68,28 | 110,2 |
| Бумажная | 373 | 459 | 123,1 | 52,05 | 55,18 | 105,0 |
| Полиграфическая | 233 | 282 | 121,0 | 72,12 | 76,99 | 106,8 |
| Фарфоро-фаянсовая | 152 | 173 | 113,8 | 53,33 | 54,11 | 101,5 |
| Химическая | 595 | 733 | 123,2 | 69,36 | 72,85 | 105,0 |
| Пищевкусовая | 560 | 663 | 918,4 | 55,63 | 57,89 | 104,1 |
| Соляная | 226 | 264 | 116,8 | 47,52 | 48,84 | 102,8 |
| Прочая | — | — | — | 39,35 | 42,35 | 107,6 |
| Итого по группе „Б“ | 430 | 508 | 118,1 | 52,91 | 56,85 | 107,4 |
| По всей промышленности | 363 | 427 | 117,6 | 56,48 | 60,57 | 107,2 |

По всем без исключения отраслям промышленности рост выработки значительно обгоняет рост заработной платы. И общему по всей промы-



шленности росту выработки одного рабочего на 17,6% соответствует рост заработной платы на 7,2%. Улучшения в деле использования рабочей силы несомненны. Доля заработной платы в единице продукции понижается.

Этот рост производительности труда нашел свое выражение и в изменении соотношения между ростом рабочих, вовлекаемых в производство, и ростом промышленного производства. В среднем по всей промышленности СССР количество постоянных промышленных рабочих увеличивается с 2.039 тыс. человек в 1926—27 году до 2.136,9 тыс. человек, что составляет прирост в 4,7%. В то же время валовая продукция промышленности по сравнимому кругу отраслей промышленности растет на 23%. По отдельным отраслям промышленности, как например, нефтяная, при общем росте продукции (нефть сырая) на 14,8%, количество рабочих у м е н ь ш а е т с я на 1,6%.

| | Прирост в %% к 1926—27 году | |
|---|---|---|
| | Валовой продукции | Количества рабочих |
| Каменноугольная | 18,5 | + 2,3 |
| Металлопромышленность | 23,8 | + 4,4 |
| Химическая гр. „А“ | 39,5 | + 5,4 |
| „ гр. „Б“ | 27,3 | |
| Текстильная | 18,7 | + 3,4 |
| Бумажная | 23,3 | — 0,4 |
| Фарфоро-фаянсовая | 8 | — 5 |
| Пищевкусовая | 33,6 | + 1,3 |

Надо, однако, заметить, что указанный выше рост номинальной заработной платы не отражает тех изменений, которые произойдут в положении рабочего. Рост реальной зарплаты в 1927—28 г. должен быть выше увеличения номинальной оплаты его труда. По ориентировочным данным, динамика стоимости бюджетного набора в 1927—28 г. по сравнению с пред'идущим годом выразится в следующих цифрах:

| | 1926—27 г. | 1927—28 г. | % снижен. |
|---|---|---|---|
| Промышленные товары | 7,19 | 6,77 | — 5,8 |
| Сел.-хоз. товары | 10,51 | 10,19 | — 3 |
| Коммунальные услуги | 2,05 | 2,19 | + 7 |
| Культурные расходы | 0,57 | 0,55 | — 3,5 |
| Весь набор | 20,32 | 19,70 | — 3 |

Таким образом, с учетом снижения бюджетного индекса (3—4%) рост реальной заработной платы будет существенно выше номинальной.

В условиях форсированного использования старого, изношенного основного капитала промышленности, постепенного частичного переоборудования промышленных предприятий и строительства новых фабрик и заводов вопросы охраны труда, техники безопасности и санитарно-гигиенического состояния условий труда на предприятиях приобретают особо важное значение. Промфинплан предусматривает значительное ассигнование на охрану труда, как по действующим и переоборудованным предприятиям, так и по новым строительствам. Затраты промышленности на мероприятия по охране труда только по действующим предприятиям определяются в 43,1 млн. рублей, и на одного рабочего составляют 21,4 р. против 15,5 г. в 1926—27 г.

Затраты промышленности на жилстроительство по СССР выражаются в сумме 103 млн. рублей, составляющейся из кредитов ЦК банка—63,8 млн. рублей и 39,2 мил. р. из фондов улучшения быта рабочих и служащих и других собственных средств промышленности. Кроме того, к этой сумме добавлены дополнительные ассигнования на жилстроительство, предусмотренные постановлением ЦИК в размере 9½ млн. рублей.

В результате вложения ассигнованной суммы на промышленное жилищное строительство общая жилая площадь в 1927—28 году возрастет против 1926—27 года на 9,19% в среднем по промышленности союзного значения (без сахарной промышленности) и достигнет 7.233,4 тыс. кв. метров против 6.629,6 тыс. в 1926—27 г. В то же время общее число лиц, живущих в домах предприятий союзной промышленности, возрастет в 1927—28 году на 88,7 тыс. человек против предыдущего года, составив в общей сложности по ориентировочным данным 1.365,3 тыс. человек. Таким образом, если принять среднюю семейность рабочего в 2,2 чел., то общее число рабочих, получающих квартиры во вновь возведенных в 1927—28 году зданиях, составит, примерно, около 40 тыс. человек.

При расширении общей жилой площади на 9,19 средняя жилая площадь на одного живущего возрастает на 3,5%, увеличиваясь с 5,19 кв. метров в 1926—27 до 5,37 кв. метров в 1927—28 г. Таким образом, тенденция к сокращению жилой площади на одного человека, продолжавшаяся вплоть до 1926—27 года, и стабильность в 1926—27 году сменяется в этом году некоторым, хотя и минимальным, повышением обеспеченности рабочих жилплощадью.

* * *

Таковы, в основном, черты и особенности производственно-финансового плана промышленности на 1927—28 год. Реконструктивный период со всей резкостью выявил здесь все характерные свои признаки и особенности. Задачи «качественного» порядка, качественного улучшения работы промышленности нашли свое выражение во всем построении промфинплана. И его выполнение связано и обусловлено этими качественными достижениями и качественными улучшениями работы промышленности.

Голый когда-то лозунг упорядочения промышленного хозяйства в промфинплане на 1927—28 год нашел свое конкретное оформление. Всемерная рационализация производства и снижение себестоимости, упорядочение дела капитального строительства и сокращение фронта капитальных работ, снижение строительного индекса, достижение благоприятного соотношения между заработной платой и производительностью труда,—все это—неопровержимые свидетельства качественного улучшения работы промышленности и общего упорядочения ее работы.

Без разрешения этих задач не могли быть достигнуты и те исключительно высокие количественные показатели, которые дает промышленность в 1927—28 году. И возможность и реальность этих качественных улучшений работы промышленности ставили и ставят наших скептиков и пессимистов в положение «недоумевающих» и «сомневающихся» по отношению к намеченному в промфинплане темпу разворачивания промышленного производства.

Именно на основе этого качественного улучшения работы промышленности могло быть рассеяно то «общепринятое» мнение, что реконструктивный период неизбежно несет с собой резкое замедление нашего хозяйственного развития.

Как мы могли убедиться на промфинплане промышленности настоящего года, это «общепринятое» мнение не соответствует фактам, реальному положению вещей.

Жизнь нас учит другому.

---

*Б. Маркус.*

# К вопросу о новых коллективных договорах.

Перезаключение коллективных договоров имеет исключительно важное политическое и экономическое значение. 1) Коллективный договор, прежде всего, предопределяет уровень материального благополучия пролетариата на ближайший период (высоту заработной платы, все прочие вопросы труда и быта и т. д.). 2) На ряду с этим от условий колдоговора зависит в значительной мере успешность всего нашего хозяйственного строительства, ибо им определяется производительность труда, а в связи с этим стоят и вопросы снижения себестоимости. 3) Заключение и осуществление коллективных договоров является экзаменом для оценки массовой работы партии и профсоюзов: подвергая общественной проверке исполнение прежних договоров, мобилизуя внимание масс вокруг всей хозяйственной и профсоюзной работы, заостряя проблемы рационализации производства, повышения производительности труда и ставя на обсуждение дальнейшие возможности улучшения материального положения рабочих—мы тем самым превращаем кампанию по перезаключению колдоговоров в большую работу по политическому и профессиональному воспитанию пролетарских масс. В настоящей статье мы и предполагаем осветить некоторые итоги прошедшей сейчас кампании по перезаключению колдоговоров под этим углом зрения.

Трудная и напряженная хозяйственная обстановка, в условиях которой происходило перезаключение договоров в нынешнем году, придавала этой работе исключительно ответственное значение и может поэтому обогатить наш опыт.

Не располагая еще итоговыми цифровыми материалами о результатах прошедшей кампании, мы делаем попытку в настоящей статье на основе имеющихся предварительных и неполных данных проанализировать не только наши достижения, но и те упущения, которые требуют исправления.

Своеобразие экономической кон'юнктуры и положения рабочего класса в то время, когда происходило перезаключение колдоговоров, может быть вкратце сведено к следующему: 1) Примерно с середины 1-го квартала 1927/28 года затруднения в области хлебозаготовок заставили усилить завоз товаров в деревню, отсюда появилась некоторая задержка в удовлетворении городского спроса и, в частности, потребности рабочих в товарах. В городах периодически нехватало то одного, то другого предмета потребления. Недоставало в частности и продуктов сельскохозяйственного производства, образовывались в связи с этим и «хвосты». 2) В связи с этим обстоятельством за счет роста цен на сельскохозяйственные товары поднялась несколько (примерно, на 2%) стоимость бюджетного набора.

Номинальная заработная плата в червонном выражении держалась, в общем, на высоком уровне, достигнутом в IV квартале 1926/27 года; в связи с некоторым повышением стоимости бюджетного набора реальная зарплата дала незначительное временное колебание в сторону понижения. 3) При общем дальнейшем возрастании числа занятых рабочих (по предварительным данным ЦОС ВСНХ за 1-й квартал число рабочих увеличилось на 2%— эта цифра нуждается в проверке и возможно преувеличена) наблюдалось заметное сезонное возрастание безработицы, связанное главным образом с окончанием строительных работ и других летних заработков, с сокращением штата в учреждениях (общий рост безработицы за 1-й квартал составляет, примерно, 20—22%, и абсолютное число безработных достигало на 1/I, примерно, миллиона человек, не считая ищущих труда) [1]. 4) В некоторых текстильных предприятиях перезаключение коллективных договоров сопровождалось переходом на 7-часовой рабочий день с одновременным введением третьей смены и применением уплотненных работ. Переход этот вызвал, конечно, ломку привычных условий труда и быта. 5) Из моментов «психологического» порядка следует отметить, что некоторый отпечаток на первый период перезаключения колдоговоров наложило то обстоятельство, что основное внимание партии в ноябре и декабре было направлено на вопросы партийной дискуссии и на работу XV парт. с'езда. Работники профдвижения и хозяйственники тоже были отвлечены этим. Это отразилось на темпе развертывания кампании. Были кое-где и после окончания дискуссии, по выражению тов. Сталина, «праздничные настроения», которым во-время не было положено предела и которые, в свою очередь, имели отрицательное значение для прошедшей кампании.

Происходившие хозяйственные затруднения, как известно, благодаря принятым партией мерам не перешли в кризис; они не сорвали достигнутых нами основных хозяйственных успехов; они не ухудшили в целом положение рабочего класса. Однако, временные заминки были налицо. При общем вполне благоприятном и сознательном отношении рабочих к проводимой партией политике в отношении перезаключения колдоговоров, мы сталкивались в эту кампанию с отдельными, вернее даже с единичными встревоженными настроениями и «нервными» голосами.

Серьезность задач, связанных с перезаключением колдоговоров обязывала наши партийные, хозяйственные и профессиональные организации особо тщательно подготовляться к кампании, необходимо было подытожить успехи и недочеты прежнего периода, заранее наметить вполне ясные, четкие и обоснованные изменения, которые должны быть внесены в новые договоры. Само собой разумеется, что изменения эти должны были исходить из общей установки партии на непрерывное дальнейшее улучшение благосостояние рабочих масс на основе дальнейшего повышения производительности труда.

Прошлогодняя кампания по перезаключению колдоговоров, происходившая в начале 1927 года, выявила ряд недостатков, вызвавших непомерную длительность переговоров и затяжную волокиту из-за разногласий, которые легко могли быть избегнуты. Эта затяжка создавала неопределенность в условиях труда и зарплаты и тем отрицательно влияла на производительность труда и настроение рабочих.

Поэтому, еще 30 октября ВЦСПС и ВСНХ дали основные директивы о перезаключении колдоговоров в этом году [2].

---

[1]) Исчисления мои: в НКТ СССР нет еще данных на 1/I. *Б. М.*

[2]) См. «Труд» или «Торг.-Пром. Газ.» от 30/X—27 г., «Изв. ЦИК СССР» от 1/XI—27 г.



Вкратце они сводились к следующему:

1) В связи с результатами капитальных вложений и проводимой рационализацией производства необходимо было создать более решительный перелом в сторону превышения темпа роста производительности труда над ростом зарплаты, обеспечив таким путем предусмотренный контрольными цифрами на 1927/28 г. рост номинальной зарплаты на 6,5% [1]) при росте производительности труда на 13,8%. Это соотношение вполне осуществимо в связи с проведенными и проводимыми мерами по рационализации производства.

2) Намечалось подтягивание зарплаты низко оплачиваемых групп рабочих (в том числе и учеников). Для осуществления этой задачи выделялся 30-миллионный фонд.

3) В области системы построения заработной платы намечалось проведение большой тарифной реформы. Сущность ее сводилась к тому, чтобы в пределах прежних фондов заработной платы провести новые тарифные сетки для рабочих, служащих, инженерно-технического персонала и учеников. При проведении новых сеток должен был быть внесен больший порядок во всю систему зарплаты; в частности, тарифная ставка должна была получить больший удельный вес в общем заработке рабочего, путем включения в нее различных наслоений (гарантированные приработки, различные виды премирования, порой независимые от выработки и т. д.). Вместе с тем должна была быть пересмотрена квалификационная разбивка рабочих по разрядам. Этим путем мыслилось обеспечить правильное и равномерное распределение зарплаты между разными группами и категориями рабочих.

4) В целях обеспечения роста производительности труда и зарплаты нормы выработки новых договоров должны были быть также пересмотрены в тех предприятиях, где они были ошибочными и устаревшими, и в тех, где проводились рационализаторские мероприятия. Экономия, полученная от пересмотра норм, должна была пойти как на повышение зарплаты отставших групп, так и на снижение себестоимости.

5) В отношении правовых норм, бытовых условий и начислений намечалось в основном закрепление прежде достигнутого уровня на основе директив ВСНХ, данных еще в июле 1926 года.

6) Особое внимание уделялось в директивах необходимости устранения волокиты при перезаключении договоров, устранения споров и конфликтов. Это должно было быть достигнуто участием в переговорах вполне ответственных представителей сторон.

7) Исключительно важным было обеспечить участие широких беспартийных рабочих масс в перезаключении договоров и серьезную проработку договора в партийных органах и в ячейках.

На основе этих директив места развернули работу. Теперь ее можно вкратце подытожить и ответить на вопрос: каково содержание новых колдоговоров и что они дадут рабочему?

1. В части заработной платы необходимо прежде всего отметить проведенное повышение заработка низко оплачиваемой части рабочих. Общий фонд повышения зарплаты установлен был, как известно, в 30 миллионов руб. В отдельных отраслях промышленности констатируется превышение первоначально намеченного фонда: так, например, ЦК текстильщиков подсчитал, что по 11 текстильным трестам в колдоговорах закреплено увеличение фонда повышения зарплаты на 3,3%. В некоторых случаях подтягивание зарплаты коснется до-

---

[1]) **Реальная зарплата, учитывая предположение о снижении цен, должна вырасти на 11—12%.**

вольно большой массы рабочих: по материалам ЦК горняков повышение зарплаты коснется по Донуглю, Югостали, Химуглю 40,1—40,3% рабочих (по этим трем трестам повышение коснется 64 тысяч человек); по ЮРТ'у повышение коснется даже 74% (2,5 тысячи челов.); для этих групп рабочих по перечисленным трестам повышение составит от 8,5% до 9,5% их заработка.

2. Второе обстоятельство, которое можно отметить по новым договорам—это значительное повышение тарифной ставки. Поденная тарифная ставка первого разряда у горняков Донугля возросла на 26,7% (с 75 до 95 коп.), в Химугле и Югостали—на 33,3% (с 75 коп. до 1 руб.), по Гос. Электротехн. тресту—на 58,1% (с 108 коп. до 170 коп.), по Северохиму—на 27% (с 115 коп. до 147 коп.), по Резинотресту—на 30% (с 147 до 200 коп.), по Лакокраске—на 18,9% (с 180 до 214 коп.). Тем самым тарифная ставка становится основной частью заработной платы, тогда как в последнее время основную роль играл приработок. Этим оздоровляется система зарплаты.

3. Пересмотр расценков в связи с повышением норм выработки коснется большой массы рабочих, и по этому одному уже имеет большое значение. По данным ЦК металлистов снижение расценок коснется на основных заводах Югостали почти половины всех рабочих, и средний % снижения составит 9,6—12,5%, в Судотресте снижение расценок составит для всех сдельщиков на круг 5%.

Часть сумм, освободившихся при пересмотре расценок, перебрасывается на выравнивание зарплаты, другая часть на снижение себестоимости. Так, по Резинотресту из 24.000 р. полученной экономии в месяц 7.000 р. идет на выравнивание зарплаты; Центрофарфортрест из 12.000 экономии передает на подтягивание зарплаты 3.600 р. ГЭТ из 2.000 р. выделяет на эту цель 1.500 р. Анилтрест—из 1.500 руб.—1.400 руб., Укр. Трест Сел.-Хоз. Машиностр.—80% средств, оставшихся от снижения расценок, передает на подтягивание зарплаты. Остальная часть сумм идет на снижение себестоимости. Тем самым обеспечивается проведение в жизнь решения XV с'езда, в котором говорится: «снижение себестоимости является центральной проблемой промышлености, и решению этой проблемы должны быть подчинены все остальные задачи». Снижение себестоимости, обеспечивая снижение цен, тем самым содействует повышению реальной заработной платы.

4. В части правовых условий труда новые колдоговоры в целом сохраняют прежде достигнутый уровень.

Можно отметить лишь целый ряд уточнений, так, например, в ряде договоров оговариваются условия применения труда временных рабочих, уточняются права инженерно-технических работников, обеспечивается перевод в производство и неувольнение лиц, окончивших ученичество и выключаемых из «брони», оговариваются точно мероприятия по охране труда, уточняются нормы спецодежды и т. п.

Самое перезаключение колдоговоров в нынешнем году прошло сравнительно быстрее, чем в прошлом году. Но нужно все же отметить, что в связи с несвоевременным получением на местах новых тарифных справочников от ЦК союзов в самом начале кампании создалась оттяжка, и к первоначально намеченному сроку (15 декабря) договоры почти нигде не были заключены; задержка заключения колдоговоров происходила и по вине хозорганов, которые далеко не всегда были подготовлены к обоснованию норм выработки и тарифной реформы. Были и просто неявки хозяйственников на собрания, и рабочие призывали их к порядку через газету (Волго-Каспий-Лес в Самаре и т. д.). Некоторая задержка происходила еще в связи с тем, что кое-где местные парторганизации не придавали должного значения перезаключению договоров и одновременно проводили целый ряд параллельных кампаний (отчеты и выборы кооперативных органов, перевыборы нарзаседателей и т. п.). Наблюдалось в отдельных предприятиях и со стороны завкомов непродуманное отношение к перезаключению колдоговоров, что привело в единичных случаях к «смазыванию» и затушевыванию договора. Так, во владикавказской газете «Власть Труда» сообщалось, что 2.000 рабочих Гизельстроя, не знают нового договора; на одном руднике в Лисичанске вопрос о договоре поставили на обсуждение уставшего собрания после длительного доклада о займе индустриализации, кое-где на текстильных фабриках пришлось дважды собирать собрания из-за того, что в первый раз они назначались в день выплаты зарплаты (Родники), в базарный день (Рогачевская ф-ка), мешали в отдельных случаях такие безусловно устранимые «мелочи», как созыв собраний в малых помещениях, плохое оповещение и т. п.



Оценивая ход кампании по перезаключению договоров, следует отметить, что, хотя в нынешнем году сильно уменьшилось число конфликтов, но все же они не вполне изжиты.

В то время, как в прежние годы значительные задержки при перезаключении колдоговоров происходили в связи с длительным и необоснованным конфликтованием, вызывавшимся нежеланием сторон принять на себя ответственность за содержание договора, теперь этот недочет был в известной степени устранен. Оценку этого факта подтверждают материалы, имеющиеся и по линии хозорганов, и по линии профсоюзов, и органов Наркомтруда.

Конфликты, передаваемые в примирительные камеры и в арбитражно-третейские суды, касались главным образом зарплаты (расценки и нормы выработки), меньше было конфликтов по правовым и бытовым вопросам. При общем оздоровлении конфликтной практики не обошлось все же и в нынешнем году без уродства: были отдельные конфликты даже в Московской губернии из-за длины полотенца, из-за вопроса о том, давать ли служащим чай или кипяток, в Самаре Волго-Каспий-Лес спорил—платить ли за простой, происходящий не по вине рабочих.

Безусловный плюс достигнут в этом году в отношении массовой проработки договоров: значительно выросла по сравнению с прошлым годом посещаемость собраний, повысилась активность и инициатива рабочей массы. Мне пришлось просмотреть около 400 газетных статей и заметок, подытоживающих ход перезаключения колдоговоров, и весь этот материал в один голос подтверждает данные ЦК союзов и совпрофов: так, напр., в Москве в среднем на общих собраниях участвовало 60—65% рабочих (в прошлом году—48%), а на делегатских собраниях—от 80 до 100%. В Баку применяли рассылку индивидуальных повесток-приглашений и достигли посещаемости от 65 до 81% (в прошлом году—42—67%), по заводам Югостали посещаемость была от 40 до 66%. По Донуглю на собраниях присутствовало 57% (в прошлом году—36%) и т. д., в Нижнем-Новгороде—от 44 до 90%. Совершенно единичны такие случаи, как сообщение егорьевской газеты о том, что на текстильных фабриках этого уезда присутствовало 28%, на 1% больше прошлогоднего.

На собраниях высказывалось большее число рабочих: так, на текстильных фабриках на общих собраниях выступали (по данным ЦК союза) 6—7% присутствующих, на пленумах завкомов высказывались 23% присутствующих. По материалам МГСПС и МК ВКП(б) насчитываются по каждому союзу буквально сотни дополнений, изменений и поправок, вносившихся рабочими. Общая линия партии на подтягивание низкооплачиваемых групп, на пересмотр расценок находила безусловную поддержку в массах. Из огромного большинства предложений выпирает исключительно деловой подход. Вывод о непрерывном росте классовой сознательности сам собой напрашивается из этих предложений.

На ряду с этим имели место, конечно, и «потребительские» настроения, раздавались и отдельные голоса, окрашенные в совершенно чуждый нам политический цвет. Из потребительских настроений можно считать характерными выступления отдельных высоко оплачиваемых рабочих, против тарифной реформы, пожелания низко оплачиваемых рабочих о большем уравнении заработков, об использовании всей экономии от пересмотра норм на повышение зарплаты и против направления части этой экономии на снижение себестоимости, были хвостистские выступления против трудовой дисциплины, против мер, направленных к снижению брака, в единичных голосах сквозило спецеедство. Из совершенно демагогических антипартийных выступлений приходится указать на речи и требования исключенных из партии троцкистов и сапроновцев. Их «блестящий» провал был заранее предопределен уже самым характером выступлений и «практических» предложений этих потерянных людей. Само собой понятно, что им не только не удалось ни на одном собрании провести свои резолюции, они не смогли нигде собрать хоть горсточку голосов, поддерживающих их. Большею частью собрание требовало, чтобы эти предложения даже не голосовались, а снимались с обсуждения. Это станет особенно понятным, если просто, даже без пояснений, перечислить то, о чем говорили эти демагоги. Они требовали, например, огульно всем «поднять заработную плату на 25%», они добивались того, чтобы не допускать никаких увольнений на весь период колдоговора, независимо от рационализации производства, чтобы увлечь за собой хоть бессознательных, они требовали не допускать никакого изменения норм выработки, они выставляли лозунг немедленного осуществления 7-часового рабочего дня без всякой подготовки, удешевить квартплату, дать всем 3 недели отпуска и т. д.

Все это густо приправлялось чисто-меньшевистскими утверждениями о том, что на 11 году революции советская власть враждебна рабочим, что она «прижимает» и даже «душит» рабочий класс, отсюда и «воодушевленные» призывы явно противосоветского пошиба, призывы «дать отпор тем, кто подавляет нас и отнимает завоевания революции». Немудрено, конечно, что заодно они высказывали предложения о выражении недоверия союзу. Видя, что за ними никто не идет, отчаявшиеся исключенные оппозиционеры пытались отделаться хотя бы такими предложениями, чтобы на время проведения колдоговоров выбирать в «помощь» завкому и союзу особые комиссии от рабочих. Однако, и этот маневр терпел тот же абсолютный провал.

Надо заметить, что бывшие оппозиционеры выступали лишь в наиболее промышленных центрах, да и здесь их имели счастье послушать, примерно, лишь в единичных случаях на сотни собраний.

Все это—лишнее доказательство той абсолютной оторванности бывшей оппозици от масс, оторванности, которую невозможно преодолеть даже исключительно «заманчивыми» посулами. Рабочие прекрасно раскусили троцкизм, и именно поэтому он так бесславно погиб.

В деловых выступлениях рабочие прежде всего критиковали невыполнение некоторых пунктов старых колдоговоров: справедливые нарекания вызывались невыдачей в срок и низким качеством спецодежды, отсутствием умывальников, недостаточным снабжением полотенцами, невыполнением со стороны хозорганов принятых на себя обязательств в области вентиляции и других мер санитарного оздоровления условий труда и техники безопасности. Прием на работу на отдельных фабриках нечленов союза, недостаточное заполнение брони подростков, злоупотребление наймом временных рабочих и текучесть рабсилы—были тоже весьма волнующими вопросами. Немало справедливых упреков было направлено на критику работы ТНБ (технико-нормировочных бюро) и РКК, которые далеко не всегда стояли на должной высоте. Некоторые рабочие так прямо и называют ТНБ: «тяни нашего брата». Между тем, при правильной постановке работы, при умелой раз'яснительной кампании этих нареканий можно бы вполне избегнуть.



Весьма характерен для прошедшей кампании деловой подход рабочих на огромном большинстве предприятий к вопросу о необходимости обеспечения такого роста производительности труда, который бы опережал несколько рост заработной платы. На опыте своего предприятия приводили весьма удачные примеры того, как большие капитальные вложения (приобретение нового оборудования и т. п.) давали большой эффект в смысле общего повышения производительности труда—на некоторых работах в два—три раза. Ясно было, что из этого отнюдь не могло вытекать одновременное повышение зарплаты на этих фабриках в 2—3 раза.

Критику работы предприятия в области охраны труда мы считаем также безусловно деловой и справедливой. Сейчас уже выясняется по материалам Наркомтруда, что некоторые тресты не только не выполнили полностью принятых на себя обязательств, но даже не использовали тех сумм, которые были предусмотрены на эту цель в промфинпланах. Здесь не помогают никакие ссылки на тяжелые условия труда, оставшиеся «в наследие от капитализма», нельзя кивать и на скудость средств. Тут налицо просто «прохладное» отношение, бюрократическое равнодушие к этим вопросам. Оно особенно ярко иллюстрируется на так называемых «мелочах», которые раздражают рабочих. Партия должна и может требовать более ответственного отношения к этим вопросам, тем более, что на многих предприятиях в ряде цехов именно состояние охраны труда становится тем узким местом, которое препятствует под'ему производительности труда.

Правильной была также критика, направленная против «суконного языка» некоторых колдоговоров. Чтобы судить об этом достаточно взглянуть хотя бы в рабочую газету, где в связи с жалобами рабочих был помещен ряд заметок и остроумных карикатур, увековечивших «творчество» некоторых крючкотворцев. Эти «специалисты» ухитрились отдельные пункты договора опутать колючей проволокой иностранных слов, ссылок на постановления НКТ и т. д., в результате чего любознательные рабочие просили достать им особые словари для уразумения договора.

Тарифная реформа в целом встречала безусловную поддержку рабочей массы. Все же надо отметить, что она далеко не полно проработана и уяснена. Ни в печати, ни в практической работе не была достаточно подчеркнута суть реформы, некоторым она по сей день кажется надуманным, ненужным переименованием разрядов. Основная сущность реформы: упрощение системы зарплаты, увеличение гарантированного заработка, подтягивание зарплаты отставших групп и выравнивание зарплаты—осталась как-то в тени.

Периодический пересмотр норм совершенно необходим, неизбежен и безболезненно возможен как в связи с проводимой рационализацией труда, так и в связи с тем, что с течением времени непрерывно растет приспособляемость к работе, станку, материалу, практика и опыт учат экономить лишние движения, и в итоге в одно и то же время без особого перенапряжения человек производит больше единиц продукции, чем раньше; по мере роста выработки растет и заработок, даже тогда, когда за отдельную единицу расценок снижен.

Если, например, рабочий, вырабатывал в день 20 штук изделий и получал за каждую штуку 15 копеек, то его заработок составлял 3 руб. в день; после увеличения норм и пересмотра расценок он будет вырабатывать 25 штук по 13 коп., а всего 3 руб. 25 коп. На практике бывает, конечно,

когда приспособление к новым нормам длится месяц, другой, и получается временная задержка роста, иной раз даже небольшое снижение заработной платы, но уже ближайшие месяцы дают опять дальнейший рост заработка. Все эти моменты недостаточно освещены, и поэтому проведение договоров в жизнь может встретить недоумения. Партийные и профессиональные организации должны эти обстоятельства тщательно раз'яснять массам.

Выше мы говорили о наличии отдельных выступлений, в которых сквозила неделовая критика. Выступления эти имели своим основным стержнем некоторые «потребительские» хвостистские настроения в отсталой части рабочих, настроения, всходившие и выраставшие на почве тех упущений, которые были в общей постановке массовой парт- и профработы, и которые усугубились, благодаря плохой подготовке тарифной реформы и местным ошибкам в подготовке к заключению и проведению колдоговоров.

Мы можем считать безусловно доказанным на опыте, что одновременное проведение да еще в таком спешном порядке двух таких важнейших работ, как очередное перезаключение колдоговоров с проведением тарифной реформы и пересмотр норм и расценок, к тому же еще мало подготовленных, недостаточно раз'ясненных и поэтому не вполне понятых массами— было неправильно допущено ВСНХ и ВЦСПС.

Впредь поэтому при заключении договора в нем следует оговаривать поденную или почасовую ставку, а нормирование труда должно происходить постепенно отнюдь не кампанейским порядком. Допущенная в этом году ошибка усугублялась плохой работой отдельных хозяйственников и профессионалистов и неправильной установкой отдельных парт'ячеек.

Бывали случаи, когда хозяйственники проявляли себя совершенно пассивно в защите своих позиций на общих собраниях, а кое-где директора сочли за благо вообще не явиться на собрания (текст. ф-ка «Пролетарская Победа», «Красн. Текстильщик»—Москва, Чертовищенская ф-ка—Ив.-Вознесенск), был случай и того хуже: директор за два месяца до кампании обещал рабочим не пересматривать норм («Кр. Октябрь»—Москва). Во многих местах, где предложения хозоргана о пересмотре норм не имели под собой никаких доказательств и расчетов, подход с их стороны был формальный, механический, бюрократический, и, конечно, когда на собрании рабочие в этом убеждались, то авторитет директора падал.

Неподготовленность и бюрократичность некоторых хозорганов особенно выпукло видна была там, где в связи с нормами и расценками назревали «волынки». Администрация терялась, внезапно находила дополнительные средства, которые до того «никак нельзя было найти». Это правильно вселяло в рабочих убеждение, что они имели дело с бюрократом, на которого надо «поднажать», чтобы добиться большего. Извращения линии со стороны хозяйственников союзы никак не должны были брать под защиту, наоборот, их следовало разоблачать. Бывали, однако, случаи, когда для «спасения» хозяйственника и в защиту его предложений выступали представители профсоюзов. Нетрудно догадаться, что они такой позицией лишь дискредитировали самих себя.

Бывали и ошибки противоположного характера, когда профсоюзы на рабочих собраниях не выступали с критическим обсуждением отдельных пожеланий рабочих с точки зрения их посильности для хозяйства и их выполнимости. Этим напрасно питались всяческие иллюзии, которые неизбежно разбивались от соприкосновения с действительностью.

Бюрократическая ржавчина в работе хозорганов, плохая массовая работа и союзов и некоторых звеньев партии создала в таких случаях в отдельных предприятиях питательную среду для прорастания болезненных явлений, когда в отдельных выступлениях звучали даже ноты озлобления и недоверия к союзу: «хозяйственники жмут, профсоюзы не защищают — требуйте всем прибавки», «перезаключение договоров нам ненужно—оно несет кабальные условия».



На одном заводе именно на этой почве бюрократических извращений настроением рабочих завладел даже на день какой-то проходимец, бывший офицер, воспользовавшийся растерянностью местных организаций.

Все эти явления, как они ни единичны, мы обязаны не замарывая вскрывать. Мы должны извлечь из них уроки для дальнейшей работы. Быстрый и резкий перелом к лучшему в затронутых таким настроением группах рабочих доказывает, что своевременным раз'яснением политики партии в этих вопросах безусловно можно было бы предотвратить нездоровые явления.

Но такая раз'яснительная работа велась не всюду. Более того, надо признать, что есть еще хвостистские настроения даже в партии и в комсомоле. Так, например, при проработке в некоторых парт'ячейках условий нового колдоговора имелись выступления против уплотнения работ («хоть я коммунист, но я защищаю интересы рабочих» — говорил один несознательный член партии в Орехово-Зуеве). Тут явный недочет нашей партийно-воспитательной работы. Ясно, что, где такие явления были, там затруднялось раз'яснение новых норм и расценок в беспартийной массе, там налицо прорехи в постановке массовой работы.

Все эти факты приводят нас к тому выводу, что некоторые парторганизации своевременно не оценили всей важности кампании по перезаключению колдоговоров, не подвергли критической проверке подготовительную работу союзов и хозорганов, не уделили должного внимания раз'яснительной внутрипартийной и массовой работе, не преодолели еще хвостистских настроений отдельных членов партии и комсомола.

Недостаточная подготовленность хозорганов и профорганизаций (слабость нормировочной работы, ненадлежащая информация рабочих, недостаточное приспособление производства к условиям уплотненной работы), имевшая место в ряде случаев, сказывается и сейчас в задержке пересмотра норм и расценок, тем самым задерживаются рост производительности труда и снижение себестоимости.

Местные организации должны иметь в виду, что хотя договора уже подписаны, но *самая трудная и ответственная часть работы* заключается в их осуществлении.

Каковы же те общие выводы, к которым приводят наши материалы?

Ответ на эти вопросы мы формулируем следующим образом:

1. Несмотря на ряд безусловных успехов и плюсов, которые дала нам прошедшая кампания перезаключения договоров (увеличившаяся активность рабочих, безусловная поддержка партийной политики в области зарплаты и производительности труда, наличие здоровой, деловой критики, уменьшение конфликтов и волокиты, выравнивание и подтягивание зарплаты отставших групп и т. д.), все же имелись единичные болезненные явления и настроения, которые вырастали на почве извращения партийной линии.

2. Учитывая, что в ближайший месяц—два может иметь место на отдельных предприятиях задержка роста и даже временное понижение заработка в связи с пересмотром расценок, надо сосредоточить особое внимание партийных организаций (особенно производственных ячеек) профсоюзов и хозорганов на организованном проведении договоров. При этом надо чутко, серьезно отнестись к устранению тех ошибок и недочетов, которые выявились во время кампании (усилить раз'яснительную работу, улучшить качество нормировочной работы, подняв квалификацию и усилив инструктирование работников ТНБ и РКК и добиваясь сознательной поддержки этой работы со стороны масс и т. д.).

---

*П. Миф.*

# Китайская коммунистическая партия в критические дни [1]).

Вначале положение Ухана казалось значительно прочнее, чем нанкинского центра буржуазно-феодальной реакции. На самом же деле Уханский центр с момента своего возникновения вступил в полосу разраставшегося с ходом событий кризиса, разраставшегося чем дальше все в большей степени. Ухудшение обстановки в Ухане особенно заметно начало сказываться непосредственно вслед за V с'ездом компартии. И экономически и политически сгущалась атмосфера в Ухане.

Ухудшение экономической обстановки раньше всего проистекало в результате блокады Ухана, организованной и вдохновляемой иностранным капиталом. Уханская торговля не имела выхода. Этот торговый центр оказался изолированным от всех путей сообщения. Приводило это к тому, что лопались одна за другой различные торговые фирмы в Ханькоу, торговый аппарат катастрофически сокращался.

Торговый застой дополнялся и усиливался финансовым кризисом. Возрастающая дефицитность бюджета Уханского правительства в конец расстраивала финансы. Продолжение военных операций (северного похода) требовало все больших расходов на армию в то время, как доходы Уханского правительства резко сократились. Финансовое положение Нанкина было значительно лучшим. Львиная часть таможенных доходов, как и львиная часть доходов от соляной монополии, оставалась в руках Чан Кай-ши, поскольку он закрепился в Шанхае и Нанкине. Львиная часть провинциальных доходов перепадала опять - таки к Чан Кай-ши, поскольку его власть распространялась на наиболее богатые провинции, провинции с лучше налаженной работой финансовых органов. Особенную ценность в этом отношении представляла Гуандунская провинция, дававшая 7 миллионов китайских долларов ежемесячного дохода. Наконец, нанкинцы не лишены были возможности пользоваться (правда, в секретном порядке) займами иностранного капитала, в частности американского.

Совсем в другом положении находилось Уханское правительство. Оно вынуждено было прибегнуть к суррогатным мерам, вынуждено было стать на путь неограниченного выпуска бумажных денег, быстро обесценивавшихся. С другой стороны, Уханское правительство декретировало эмбарго на серебро. Дело в том, что из Ханькоу началось поголовное бегство китайской буржуазии, вместе с которой (даже перегоняя ее) уплывало из Ханькоу немалое количество серебра. Ухану угрожала опасность остаться без всяких резервов, без всяких обеспечений финансовой деятельности. Вот почему Уханское правительство вынуждено было во второй половине апреля опечатать запасы серебра, находившиеся в различных банках. В ответ на эту меру все банки

[1]) Продолжение. Смотри «Большевик» №№ 21; 23—24 за 1927 г.



стали открыто саботировать какие бы то ни было торговые операции. Руководители банков заявили, что, если они не будут свободны в расходовании и использовании этих запасов серебра, то они прекратят всякие торговые сделки и коммерческие операции с другими банками и, в первую очередь, с шанхайскими. Эту угрозу они не замедлили осуществить, внеся окончательное расстройство во всю хозяйственную жизнь Ухана.

Картина экономического развала дополнялась форменной блокадой, применяемой иностранцами. Японцы воспользовались самым незначительным случаем и прикрыли в Ханькоу все свои предприятия. Случай этот заключался в том, что один японский матрос ударом ножа убил китайского рикшу. Уличная толпа арестовала этого матроса и, несмотря на все требования японского консула, не выпускала этого матроса до суда. Японцы в ответ на это закрыли свои предприятия и на несколько недель заперлись на территории своей концессии. В известной мере их примеру последовали англичане, начавшие приостанавливать работу своих фирм. Американцы начали усиленно вывозить за пределы территории Уханского правительства запасы нефти. Стала обнаруживаться нехватка угля, доставка которого прекратилась, начала сжиматься деятельность фабрик и заводов из-за недостатка сырья. Уханское правительство оказалось не в состоянии обеспечить бесперебойную работу даже Ханьянского арсенала, чем дальше все резче ощущавшего недостаток в сырье и топливе. Товарный голод сопровождался страшным вздутием продажных цен. Наконец, в связи с перебоями в доставке продуктов питания (особенно риса) начал проявляться во все более угрожающей форме продовольственный кризис.

Это изо дня в день ухудшавшееся экономическое положение, в связи с бегством буржуазии, прикрывавшей свои предприятия, в связи с финансовым развалом, торговым и продовольственным кризисом, в связи с блокадой иностранцев и т. д., не могло не отразиться в той или иной мере на гоминдановской головке. Известно, что очень солидные слои мелкой и средней китайской буржуазии являются промежуточным аппаратом, агентурой иностранных фирм и одно только закрытие иностранных фирм приводило к экономической бездеятельности этих слоев городской буржуазии. С другой стороны, в результате экономического кризиса стали сказываться все сильней и сильней классовые противоречия, усиливался нажим пролетариата, положение которого не только не улучшилось, но заметно ухудшилось благодаря повышению цен, несмотря на вырванные прежней стачечной борьбой материальные выгоды. Значительные слои зажиточной, мелкой и средней буржуазии отшатывались от революции. И вот, настроения, возникавшие на почве ухудшавшегося экономического положения в среде мелкой и средней буржуазии, должны были найти себе отзвук и в среде гоминдановской верхушки, руководителей национального правительства, находившихся все время под давлением этих элементов.

До сих пор мы говорили о городе. Процессы, происходившие в деревне, имели не менее важные последствия. Бурно развивавшееся аграрное движение на территории Уханского правительства, достигшее в некоторых уездах насильственного передела земли крестьянами, отбрасывало джентри, помещиков и значительные слои городской средней и мелкой буржуазии, связанной с землевладением, в лагерь реакции. На этой же почве реакционная офицерщина вооружалась против крестьянского движения и против коммунистической партии. Началась целая полоса восстаний и выступлений, формально направленных против Уханского правительства, а по существу—против массового движения.

И несмотря на блестящие победы уханских частей под Чень-чжоу и Кайфыном, выдвигавшие, казалось, Ухан на первое место, на самом деле

внутреннее разложение и восстания в тылу свидетельствовали не в пользу крепости политического положения.

Расшатывание последнего началось с восстания генералов Чжан Ли-шина и Ю Шу-цзуна в западной части провинции Хубэй. Ухан оказался не в силах подавить это восстание. Вслед за этим сычуанский генерал Ян-сен с тридцатитысячной армией повел наступление на Ханькоу не встречая серьезного сопротивления, поскольку основные уханские силы были ввязаны в драку на севере с мукденцами. Единственная дивизия Ся-Ду-ина, стоявшая на заслоне на западе и преграждавшая путь Ян-сену, изменила национальному правительству, открыла фронт Ян-сену, отошла на юг, перерезала железную дорогу Учан—Чанша, выступила в свою очередь против Ухана, создав угрозу захвата Ханькоу с юга. Части Ян-сена и Ся-Ду-ина обложили Ханькоу, подойдя на расстояние 30 км к столице Уханского правительства.

В это же время в столице провинции Хунань, в городе Чанша, произошел реакционный переворот. 21 мая расположенный в Чанша один полк 35 корпуса, насчитывавший всего 1.000 штыков, разогнал лево-гоминдановское провинциальное правительство, крестьянский союз, разоружил отряд рабочих пикетов, численностью тоже около 1.000 человек, кстати сказать, не оказавших никакого сопротивления и сдавших без боя оружие, и создал свое новое реакционное правительство. Самый переворот был произведен чрезвычайно интересно, с точки зрения тактики реакционной офицерщины. Раньше всего они умело обработали своих солдат. Они заявили им, что коммунисты проводят в деревне полный коммунизм, что деньги, которые посылаются из своего жалованья солдатами родным в деревню, распределяются крестьянским союзом поровну между всеми односельчанами. Для китайского солдата вопрос о его жалованьи и о судьбе его жалованья играет большую роль. На свою службу в армии он смотрит, как на тяжелую профессию. Свое месячное жалованье в размере 8 кит. долларов он полностью отправляет семье. Больше того, даже из 10 центов (это около 9 копеек), которые он ежедневно получает на питание, он умудряется с'экономить две—три копейки, чтобы отослать их родным. Вот почему демагогическое измышление офицеров о коммунизации солдатского жалованья позволило им использовать и повести за собой всех солдат, повести на разоружение пикетчиков и разгром крестьянских организаций. В Чанше реакцию возглавил командир полка Сю-Ке-чен.

Несколько иначе произошел переворот, возглавляемый генералом Чу Пей-де в Нанчане, столице провинции Цзянси. Генерал этот попробовал совершить «бескровный» переворот, применив при этом довольно интересный метод. Он созвал своих политработников в количестве около 200 человек, выдал им деньги и отпустил их в бессрочный принудительный отпуск. Затем он вызвал представителей компартии и держал перед ними, примерно, такую речь: «Я старый революционер. Я много лет являюсь последователем великого учителя Сун Ят-сена, но у меня плохой командный состав, который настроен против компартии и против революционного движения. Чтобы внести успокоение я вынужден был распустить политработников, чтобы избегнуть контрреволюционного переворота; и вам нужно удалиться, нужно прекратить деятельность компартии. Поэтому я предлагаю 30.000 долларов на эвакуацию коммунистической организации, чтобы избежать крови». Понятно, что коммунисты не воспользовались этим «любезным» предложением генерала, но это не помешало ему переворот произвести, при чем, как правильно отмечали некоторые товарищи, даже «бескровно», в том смысле, что он живыми закапывал в землю руководителей рабочего и крестьянского движения. Так отложилась от Ухана и провинция Цзянси.

Все эти восстания и перевороты значительно суживали территорию Уханского правительства. Корреспонденты английских газет в это время иронически отмечали, что фактически нет никакого Уханского правительства, а в лучшем случае есть только уханский городской муниципалитет. В этой иронии была значительная доля истины. Действительно, в результате переворотов от Ухана из трех провинций две совершенно отошли, а в третьей—власть национального правительства распространялась на 2—3 уезда.



Но и в этих уездах реакция либо открыто поднимала голову, либо исподтишка подготовляла свои силы. Замечание английских корреспондентов о фиктивности Уханского правительства справедливо еще в том смысле, что оно не проявляло своей власти, что оно даже не попыталось оказать какое-либо серьезное и реальное сопротивление всем этим переворотчикам, поднимавшим знамя восстания против революции. Но на этом вопросе мы еще остановимся, когда будем разбирать в общей связи эволюцию Уханского гоминдана. Здесь нам хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний следующего порядка.

Ухудшение экономического и политического положения определило колебания уханской гоминдановской верхушки. В конце концов, на трех основных вопросах сломали себе шею уханские лидеры, которые не смогли дать на эти вопросы другого ответа, какой давал Нанкинский центр реакции. Этими вопросами были: рабочий вопрос, аграрный и вопрос о самостоятельности компартии. Но это не значит, что Уханский гоминдан создался на той же классовой базе, что и Нанкинский. Это не значит, что Уханский гоминдан отстаивал интересы буржуазии так же, как интересы буржуазии в Нанкине отстаивал Чан Кай-ши. Это неверно. Уханский гоминдан возглавлялся мелкобуржуазными вождями, представлявшими, в первую очередь, интересы городской средней и мелкой буржуазии. И что является характерным, это то, что уханские мелкобуржуазные вожди раньше плелись в хвосте революции, когда она была сильна, затем реакции, когда перевес сил оказался на стороне последней. Когда массовые силы побеждали, они шли за революцией. Когда же массовые организации подверглись разгрому, когда благодаря ошибкам коммунистического руководства не была использована сила массовых организаций, когда, короче говоря, соотношение сил сложилось в пользу реакции, лучше сманеврировавшей своими силами—уханские мелкобуржуазные вожди переметнулись в лагерь феодально-буржуазной реакции. Но эта перебежка Уханского гоминдана на сторону открытой реакции происходила не сразу, а через известные этапы. Уханский гоминдан эволюционировал вправо медленно, но неуклонно. И эта эволюция ускорялась по мере усиления реакции, по мере того, как росла уступчивость коммунистов. Начало этой эволюции не трудно проследить еще в работах аграрной комиссии ЦК гоминдана, происходивших в апреле месяце 1927 года.

На долго тянувшихся заседаниях аграрной комиссии должна была быть выработана программа гоминдана по аграрному вопросу. Как видно из материалов, с большой тщательностью разбирался вопрос о значении правильного разрешения аграрного вопроса. Здесь гоминдановские лидеры не скупились на революционные словесные заверения. Были установлены пять значений: 1) освобождение крестьян от помещичьего гнета; 2) обеспечение победы национальной революции в виду: а) укрепления финансов, б) свержения феодальных устоев, в) участия крестьянства в борьбе против империализма; 3) поднятие боевой мощи народно-революционной армии, в виду заинтересованности солдат; 4) развитие сельскохозяйственного производства и развитие китайской промышленности; 5) культурное развитие Китая.

Казалось, что после такого разбега будут и не менее решительные практические выводы. Но не тут то было. Членами комиссии овладели «сомнения». Начались совершенно другого порядка выступления. Каждый поспешил внести ограничения при решении аграрной платформы. Так, Тан Шен-чжи заявил, что «в Хунани крестьяне уже восстали и распределяют землю. Во всех корпусах НРА очень много хунаньцев. Это не может не

отразиться на состоянии армии. Надо придумать конкретные способы и гарантировать сохранность земель комсоставу н.-р. армии». Еще дальше пошел Сун-Фо: «надо установить норму конфискации. У мелких помещиков нельзя конфисковывать».

Ван Цзин-вей поддержал и «теоретически обосновал» точку зрения Сун-Фо. Он говорил, что «от развития крестьянского движения сейчас в первую голову пострадают мелкие помещики, так как они слабее крупных и не смогут оказывать сопротивления. Сейчас все уже знают, что партия готовится решать земельный вопрос. И империалисты знают это. Они немедленно используют наши уязвимые места. Если мы не установим нормы, то будет очень плохо, так как уже сейчас все боятся. Надо поскорее установить норму». Еще менее двусмысленно выступил Тань Янь-кай. Он заявил, что «надо обеспечить мелких помещиков. Выкуп их земель правительством не успокоит их, так как они еще мало верят в национальное правительство. Если мы дадим им наши облигации, то эти бумажки они есть не смогут. Надо им оставить землю».

Эти выступления направили прения не по существу платформы, а совсем по противоположному руслу. Весь вопрос свелся к тому, как оформить ограничения, кого считать мелким помещиком, кого крупным, можно ли конфисковывать землю у офицеров народно-революционной армии, если они эту землю приобрели недавно или в будущем ее получат и т. д. В этом направлении развернулись и прения. Вносились различные предложения. В том числе было предложено проводить конфискацию земель только по отношению к контрреволюционерам. Ван Цзин-вей выступил с резкой критикой этого проекта. «Политическая конфискация, — говорил он, — это чрезвычайно общая, ничего не говорящая фраза. Если крестьяне в каком-либо районе достаточно сильны, они назовут контрреволюционерами или злыми джентри всякого землевладельца, чтобы конфисковать его землю. Если крестьянское движение будет недостаточно сильно, оно не сможет справиться с действительными контрреволюционерами. При политической конфискации нет никакого критерия. Где крестьянские союзы сильны—крестьяне перейдут прямо к экономической конфискации. Там, где они слабы, они не тронут крупных помещиков и обрушатся на мелких... Таким образом, больше всех и раньше всех пострадают мелкие помещики, которых мы хотим сохранить на своей стороне. Надо формулировать наше решение так, чтобы оно не могло быть неправильно истолковано». Приведенная выдержка не скрывает настоящих мотивов призыва Ван Цзин-вея отказаться и воздержаться от конфискации земель даже у явных контрреволюционеров. Всей этой словесной шелухой Ван Цзин-вей пытался прикрыть нежелание практического, сколько-нибудь радикального решения аграрного вопроса.

Это же нежелание сквозило в речах и остальных лидеров гоминдана. Но так как какой-либо выход все же нужно было найти, то гоминдановские вожаки стали изобретать различные проекты. Сю-чен, считавшийся раньше наиболее революционно настроенным среди гоминдановской головки, заявил, что комиссия не могла дать правильно разработанных цифр о сельскохозяйственной экономике, а в то же время ему известно, что в Китае обрабатывается только 15% всей площади земли, а поэтому незачем отбирать землю у помещиков, когда лучше отдать крестьянам землю, которая никем не обрабатывается. Оставляя в стороне неправильность его утверждения, что только 15% земли находятся под обработкой, мы хотели бы указать на абсолютную невозможность разрешения вопроса малоземелья за счет увеличения количества обрабатываемых земель, хотя бы по той причине, что необрабатываемые земли главным образом находятся на окраинах Китая, в Тибете, в китайском Туркестане, и совершенно нереально предполагать, что в данных экономических и политических условиях бедные крестьяне смогут перекочевать туда и там создавать свое хозяйство. Возможность сколько-нибудь широкой колонизации, конечно, исключалась.



Позже Сю-чен, поддержанный Тань Янь-каем, соглашался с возможностью конфискации земли у особенно злостных помещиков и «темных дельцов», но при том условии, чтобы эта земля перешла в собственность не крестьян, а национального правительства и чтобы доходы от арендной платы перепадали в руки казны. Комиссия выслушала ряд указаний и другого характера. Многими ораторами ставился вопрос, как будет реагировать армия на радикальное решение земельного вопроса. Отвечая на этот вопрос, уханские лидеры сходились на том, что безземельные солдаты будут довольны, а те, кто владеет землей, будут решительно возражать, но в общем, как в том, так и в другом случае, армия разбредется—одни, чтобы получить землю, другие, чтобы ее охранять. Этим козырем, очевидно, хотели окончательно припугнуть тех, у кого было желание сделать хоть какие-либо шаги для решения этого столь важного вопроса. Потоптавшись так около трех недель, аграрная комиссия пришла к ублюдочным результатам.

Начав с архиреволюционных заверений, что крестьяне должны быть хозяевами земли, что всю политику нужно подчинить интересам аграрной революции, что гоминдан должен не только использовать крестьян в национально-освободительном движении, а служить крестьянству и т. д., резолюция, принятая этой аграрной комиссией в практической своей части, ограничилась признанием в принципе желательности конфискации крупной земельной собственности, а пока предлагала успокоиться на решении, чтобы арендная плата не превышала 40% урожая. Но даже и это закорузлое решение, чтобы не вносить неясность в умы, постановлено было не опубликовывать. Нам уже приходилось указывать, что значительная доля ответственности за никчемные результаты работ комиссии лежит на коммунистах, которые своей беспринципностью и непонятной уступчивостью во многом окрылили гоминдановских болтунов.

Резолюция, принятая аграрной комиссией, весь ход ее работ, как и самый факт принятого решения о том, что результаты работ комиссии не подлежат оглашению, свидетельствовали о начавшемся процессе поправения Уханского гоминдана и о нежелании его опереться на массовое движение, стать на позицию аграрной революции. Аграрная комиссия закончила свою бесславную работу в начале мая, а в середине мая эволюция гоминдана вправо сделала новые скачки. Под давлением экономического кризиса (и связанных с этим обострением классовых противоречий), под влиянием открывшейся полосы мятежей и восстаний реакционной офицерщины Уханский гоминдан стал определяться, и с каждым днем все яснее, как сила не противодействующая, а поддерживающая поход против рабочих и крестьянских организаций.

19 мая было опубликовано воззвание Ц. И. К. гоминдана с явным желанием охранить интересы торговцев и промышленников. В нем писалось:

«После того, как началась северная экспедиция, были заняты Учан и Ханькоу и водворено успокоение в известной мере, на юго-востоке крестьянское и рабочее движение стало соответствующим образом распространяться и организовываться. Однако, рабочие и крестьянские организации в бассейне реки Ян-цзы-цзян бессознательно обнаружили детские болезни, так как движение стало развиваться слишком внезапно и быстро. Они не считаются с действительным будущим национальной революции, с коммерсантами и промышленниками, которые вместе с ними ведут борьбу. Если крестьянские и рабочие организации, не понимая экономического положения общества, часто пред'являют предпринимателям чрезмерные требования и даже, в худшем случае, при помощи вооруженных контрольных отрядов закрывают фабрики и торговые заведения, принуждая предпринимателей осуществлять невыполнимые условия, они заставляют этим самым коммер-

сантов и промышленников считать, что правительство их не защищает, что они утратили свободу и имущественную и личную и что революция не только не имеет целью интересы граждан, но, наоборот, она вредна для их безопасности и покоя, и они отходят от боевого фронта национальной революции Они начинают относиться с глубокой ненавистью к крестьянам и рабочим, с которыми они входят в единый союз. Эти неудачные результаты не только приводят к изолированности крестьян и рабочих и ведут их к самоубийству, но они тем более колеблют базу национальной революции, и из-за этого, возможно, революция кончится провалом».

Установив, что нужно «считаться с действительным будущим национальной революции, с коммерсантами и промышленниками», заявив далее, что партия «не может не учесть интересов коммерсантов, не предоставив им в полной мере защиты» и указав, что все беды революции происходят от чрезмерных требований рабочих и крестьянских организаций, страдающих детской болезнью левизны, гоминдановские лидеры декларировали: 1) организацию обязательного арбитража, 2) «ограничение чрезмерных требований рабочих и служащих торговых заведений с запрещением им вмешиваться в управление фабриками и торговыми заведениями» и в 3) «запрещение штрафов, устрашения, самовольных арестов или других средств воздействия со стороны контрольных отрядов в отношении собственников торговых заведений и фабрик».

Это было первое об'яснение в любви, за ним последовали и другие. В эти же дни ЦК гоминдана в специальной инструкции предлагал Хубейскому совету профсоюзов следить за дисциплиной среди рабочих, «запрещая рабочим союзам производить аресты, штрафовать и притеснять кого-либо кроме рабочих». Затем последовала «инструкция об охране честных джентри», открыто направленная против крестьянских союзов и бравшая фактически под защиту национального правительства и гоминдана все эксплоататорские элементы китайской деревни. А по партийной линии ЦК гоминдана давал указание, что «партийные организации должны обратить внимание на деятельность крестьянских союзов, куда проникли нежелательные, вредные элементы, различные профессиональные бродяги, лица без определенной профессии».

Возрастал нажим поднявшейся реакционной волны. Усиливалось давление городской буржуазии и помещичьих мятежников-генералов на национальное правительство. Последнее все решительней делало шаги в сторону реакционных тенденций, все решительней поворачиваясь спиной к массовым рабочим и крестьянским организациям. Сдержать, сузить массовое движение, подчинить его интересам командующих классов было центральной идеей всех майских мероприятий Уханского гоминдана. И приказы в этом духе сыпались, как из рога изобилия. Так ЦК запретил местным организациям гоминдана вмешиваться в дела управления и гражданской администрации, оставляя тем самым аппараты власти на местах в руках помещиков и старых чиновников, власть которых так и не была уничтожена. Специальным приказом была ограничена деятельность политических управлений армий, в большинстве находившихся под коммунистическим влиянием и вызывавших наибольшую враждебность у реакционного комсостава за попытки наладить связь солдатской массы с рабочими и крестьянскими организациями

Все эти приказы и мероприятия открывали шлюзы реакции на местах. Реакционные элементы окрылялись и переходили в открытое наступление против массовых организаций, успевших добиться раньше значительных завоеваний. Реакционные силы поняли (да не могли иначе понять) майские приказы, как благословение похода против крестьян и рабочих. Они не замедлили этим воспользоваться. Но и само центральное правительство лишь вначале пыталось сохранить внешнюю оболочку мнимой революционности. С каждым днем оно смелело, наглело, сдавая в архив революционные заклинания, с такой легкостью прежде превозглашаемые. В конце мая национальное правительство распустило два крупнейших в Хубейской провинции уездных крестьянских союза (в Хуан-чане и в Хуан-пине), невзирая на то, что специально ездившая туда правительственная комиссия для обследования установила полную беспочвенность приписываемых этим союзам обвинений.



Так, шаг за шагом мелкобуржуазные вожди Уханского гоминдана скатывались к идейным и организационным позициям мятежных реакционных генералов. Чтобы понять эту эволюцию уханских лидеров, нам хотелось бы привести не безынтересное выступление Ван Цзин-вея, произнесенное им в эти дни на заседании Революционно-Военного Совета. Это выступление откровенно об'ясняло позицию, занятую в эти переломные дни руководителями Уханского гоминдана и правительства. Ван-Цзин-вей изрек следующую мысль: «Коммунисты предлагают нам итти вместе с массами, но где эти массы, где видна восхваляемая сила шанхайских рабочих или гуандунских и хунанских крестьян. Нет этой силы. Вот Чан Кай-ши без массы держится крепко. А нам предлагают итти с массами, но это значит итти против армии. Нет, мы пойдем лучше без масс, но вместе с армией». Эта характерная для мелкобуржуазных вожаков точка зрения, что нужно итти с тем, кто сильнее, проливает свет на всю тактическую платформу уханских руководителей. Кстати нужно сказать, что неправильная тактика китайской компартии, направленная по линии уступок, отступления и сдерживания массового движения, вместо решительного наступления и развязывания сил массовых организаций, лишь ускоряла эволюцию вправо гоминдановских вождей, ускоряла разрыв с мелкобуржуазными вождями.

Понятно, что Уханское правительство не оказало никакого сколько-нибудь серьезного сопротивления контрреволюционным выступлениям. По отношению к восставшим генералам в северо-западной части Хубея Уханское правительство ограничилось лишь переговорами. В Цзянси к генералу Чу-Пей-де, совершившему известный нам «бескровный» переворот, ЦК гоминдана послал для расследования одного из членов политбюро гоминдана, который по возвращении обратно в Ухан сообщил, что он застал в Цзянси образцовый порядок и вполне нормальное положение. Уханское правительство на этом успокоилось, продолжая считать Чу-Пей-де оплотом гоминдана и продолжая отпуск ему денег.

Почти так же дело обстояло и с Ся-Ду-ином. Вначале против него была послана дивизия под командой Е-тина, которому удалось отбить и значительно потрепать части Ся-Ду-ина. Но национальное правительство воздержалось от того, чтобы окончательно добить и разгромить силы этого мятежного генерала. Напротив, уханские лидеры поспешили начать с ним переговоры, дав ему этим самым возможность привести вновь в боеспособное состояние свою дивизию, дав ему возможность сформировывать новые части.

Но если уханские лидеры, по крайней мере, словесно называли Ся-Ду-ина и Ян-сена изменниками, то по отношению к Сю-Ке-чену, произведшему реакционный переворот в Чанше, они не решились даже на словах прибегать к таким кличкам и определениям. На примере чаншийских событий Уханское правительство проявило свое полное сочувствие реакционной офицерщине и на деле и даже на словах выявило свое пособничество контрреволюционным генералам. С самого же начала руководители Уханского гоминдана об'ясняли чаншийские события, как результат будто бы имевшей место попытки рабочих пикетов напасть на полк Сю-Ке-чена. Поэтому военные действия Сю-Ке-чена приобретали характер оборонительных и вполне законных. Позже уханские теоретики усмотрели и другую причину чаншийских событий. Она, по их мнению, заключалась в эксцессах и в проявлениях детской болезни левизны крестьянскими союзами. Так гоминдановские лидеры пытались свалить всю вину на рабочих и крестьян и оправдать этим

и узаконить реакционный переворот. Ни о какой вооруженной борьбе с Сю-Ке-ченом Уханское правительство, конечно, и не помышляло. По предложению Тан-Шен-джи оно послало для восстановления порядка генерала Чжоу-лана, который, став во главе реакционной офицерщины в Чанша, продолжал начатые ими расстрелы рабочих и крестьян, разгром массовых организаций.

Почуяв, что сила на стороне контрреволюционных генералов, уханские лидеры начали приспособляться к ним; угоднически им подчиняясь, начали выветривать остатки революционности в своих прежних политических воззрениях и действиях. Это прислужничество привело к тому, что гоминдановские вожди оказались политически на поводу у реакционного генералитета.

Ван - Цзин - вей жалуется [1]), что «находятся люди, ведущие работу среди масс, которые говорят, что народ не должен доверять ни партии, ни нацправительству. В результате получилось, что во многих местах народ перестал подчиняться директивам гоминдана и приказам нацправительства. Как естественное следствие, народные массы попадают под влияние скрытых и явных реакционеров, и положение становится часто настолько опасным, что партия не в состоянии оказать помощи народу». Чтобы подтвердить свою мысль об опасном влиянии коммунистов (которых Ван-Цзин-вей называет «скрытыми и явными реакционерами»), он останавливается на разборе самого боевого, земельного вопроса, по-своему и по-новому истолковывая учение Сун Ят-сена. «Но я должен указать, что наш учитель, сказав в своем учении: «каждый крестьянин должен иметь собственное поле, которое он вспахивает», вместе с тем указал и методы, путем которых может быть достигнуто осуществление этого принципа. Наш президент ясно указал, что земельный вопрос должен быть разрешен легальным путем. Он никогда не говорил, что вопрос о земле разрешается путем прямого захвата земель от помещиков и распределения их между крестьянами».

Больше того, Ван-Цзин-вей, со слов Сун Ят-сена, заявляет, что «разрешение земельного вопроса должно итти таким образом, чтобы помещики не пострадали». Понятно, что такое помещичье разрешение земельного вопроса полностью импонировало желаниям реакционного генералитета и политически роднило уханский гоминдан не с борющимися массами крестьян, а с помещичьим комсоставом. Смысл всей статьи, очевидно, и заключался в том, чтобы декларировать трогательное единодушие в методах решения актуальных вопросов освободительного движения уханских лидеров и контрреволюционной офицерщины. Поэтому, вывод Ван Цзин-вея, что «массовое движение должно направляться партией и всякий должен беспрекословно подчиняться директивам партии», после того, как Ван Цзин-вей указал, куда гоминдан собирается направлять массы, должен был означать попытку подчинить через гоминдан массовые организации контрреволюционному генералитету.

Но контрреволюционный генералитет требовал подавления коммунистического движения и разгрома коммунистической партии. Уханские лидеры поспешили политически отмежеваться от коммунистов. В статье «Единственный путь национальной революции» Сун-фо писал: «Мы должны сделать некоторые выводы. Если мы последуем совету Коммунистического Интернационала и проведем диктатуру рабочего класса и крестьянства, создадим большевистский террор в нашей стране, чтобы коренным образом перестроить все общество, то результатом будет неудержимая волна реакции по всей стране и кровопролитие. Новая социальная структура не может сразу выпрыгнуть из старых общественных рамок. Вся нация будет ввергнута в состояние хаоса, что даст империалистам новый шанс к закабалению Китая, и будут утрачены все надежды на национальное освобождение нашей страны. Поэтому путь, предлагаемый в настоящее время коммунистами, есть путь далекий от указанных принципов и прямой путь к генеральному разрушению. Мы не должны поддаваться на обман и не должны становиться на этот ложный путь».

[1]) В ст. «Партия должна руководить движением масс». Газ. «Чжун-ян-жи-бао», 6/VII—27 г.



Заявление Сун-фо, что путь, предлагаемый коммунистами, есть прямой путь к генеральному разрушению, как бы отгораживало гоминдан от компартии. Этим снималось заявление Ван Цзин-вея на V с'езде, в котором говорилось о полном согласии гоминдана с тезисами Коминтерна. Но и этого оказалось недостаточно. Разбушевавшаяся реакция властно требовала от гоминдана полного разрыва с коммунистами и окончательного уничтожения массовых организаций. Уханский гоминдан, растерявший всякие остатки прежних революционных принципов, превратившись в политического прихвостня реакционного генералитета, воспользовавшись незначительным поводом, декларировал о своем разрыве с коммунистами после того, как для них «стал ясен заговор коммунистов против гоминдана».

В Ухане открылась полоса самой оголтелой реакции, ничем не сдерживаемого белого террора. Закрывались и подвергались разгрому рабочие и крестьянские союзы, арестовывали и пачками казнили руководителей массового коммунистического движения. Взбесившиеся мелкобуржуазные лидеры гоминдана, чтобы доказать, что они бо́льшие роялисты, чем сам король, в своей жестокости перещеголяли всех бывших до них палачей рабочих и крестьян.

Понятно, что после такой эволюции уханского гоминдана, бросившегося в лагерь буржуазно-феодальной реакции, раздельное существование Ухана от Нанкина потеряло свой смысл. Становилось исторически неизбежным об'единение социально сроднившихся этих двух центров.

---

Нам осталось разобрать последний вопрос: что делала в эти дни китайская коммунистическая партия? Какова была тактика китайских коммунистов в этот, исключительно важный, критический момент китайской революции? Казалось бы, все основания были предполагать, что коммунистический авангард китайского пролетариата с честью выполнит исторической важности роль в эту переломную полосу развития освободительного движения. Ведь киткомпартия перед этим имела ясно вырисованные Коминтерном перспективы китайской революции, точные директивы революционной тактики. Ведь киткомпартия успела вырасти в массовую организацию, охватившую своим влиянием миллионы рабочих и крестьян. Ведь компартия до этого накопила богатейший опыт революционной борьбы, добилась блестящих успехов на разных участках классовых битв. Ведь под руководством коммунистов шанхайский пролетариат достиг высшей ступени политической сознательности—победоносного восстания в Шанхае; под руководством коммунистов гуандунские и хунаньские крестьяне в целых уездах конфисковывали земли у крупных помещиков, разоружали джентри и миньтуань, вооружали крестьянские отряды, организовывали передел земель, создавали крестьянскую власть. Ведь перед этими критическими днями закончил свои работы V с'езд, консолидировавший партию и вынесший решения по всем главнейшим вопросам революционной практики. Но всего этого оказалось недостаточно. Сохранившееся во главе партии правое, оппортунистическое руководство обрекло партию на совершение целого ряда грубейших политических ошибок, имевших в своем результате серьезнейшие поражения китайской революции, китайского коммунистического движения.

Только беззаветная борьба коммунистического авангарда, тактика решительного наступления, максимального развязывания и использования сил массовых организаций в эти дни острейшего экономического и политического кризиса могли привести китайскую революцию к новым победам. Но руководство китайской коммунистической партии по всем вопросам,

во всей тактической линии заняло совершенно противоположную позицию.

Эта позиция может быть охарактеризована, как позиция отступления, как линия уступок, имевших своим логическим завершением политическое капитулянтство и прямое предательство коренных интересов рабочего класса и крестьянства. И чем выше подымала голову реакция, чем сильнее сказывался ее нажим, тем больше росла уступчивость руководителей компартии, тем дальше откатывались они от пролетарской классово-выдержанной линии. А по мере роста уступчивости коммунистов все больше наглела реакция, расценивая каждую уступку, как новое проявление слабости массового движения.

Отступить, уступить—было руководящей идеей во всей деятельности центрального комитета компартии за эти месяцы. Движение зашло слишком далеко, если его не оттянуть назад — неизбежен кризис в силах, ведущих революцию, неизбежен кризис самой революции,—эти идеи господствовали в головах тогдашних руководителей. В момент, не допускавший никаких колебаний, руководство компартии, находясь в плену теории уступок, нагромождало одни тактические ошибки на другие.

Нам приходилось уже писать, что еще в работах аграрной комиссии ЦК ГМД (апрель—май) коммунисты проявили исключительную непоследовательность, непонятную уступчивость. Четыре раза представители компартии меняли свою точку зрения по этому кардинальному вопросу, согласившись, в конце концов, лишь в принципе с конфискацией крупной земельной собственности, не требуя немедленного осуществления этого мероприятия, не требуя даже оглашения результатов работ аграрной комиссии.

Та же капитулянтская тактика применена была руководителями компартии ко всем майским мероприятиям ЦК гоминдана. В начале статьи мы подробно осветили эти мероприятия, указывая, что они были направлены в сторону ограничения классовой борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства. Руководители компартии не только не возражали против этих мероприятий, но полностью их разделяли. Все эти решения,—об обязательном арбитраже, о запрещении стачек на иностранных предприятиях, об ограничении деятельности профсоюзов и классовой борьбы пролетариата, о решительном осуждении «эксцессов» рабочих и крестьян,—все эти решения единодушно принимались на об'единенных конференциях представителей компартии и гоминдана.

И как результат этой тактики, коммунисты, руководившие профессиональными и крестьянскими об'единениями, либо стоявшие во главе правительственных органов, всю свою деятельность направляли не в сторону дальнейшего развертывания сил массовых организаций, а на то, чтобы обуздать, затормозить, задержать массовое движение. Так, министерство земледелия и внутренних дел, во главе которого стоял коммунист Тан Пин-сян (кстати сказать, приступивший к работе лишь через 2 месяца после официального назначения), в мае опубликовало следующую инструкцию, полностью соответствующую духу гоминдановских решений: «Необходимо выправить все «детские болезни» крестьянства, и в особенности нельзя не обуздать те элементы, которые свернули с правильного пути и наносят вред большей части крестьянства. Что касается борьбы с контрреволюционными элементами, наказаний тухао и джентри, тут можно поступать согласно опубликованным правительством и партией правилам, а именно: передавать их органам власти и не действовать самовольно». Так своеобразно понимал свои задачи министр-коммунист, не побрезговавший даже говорить языком контрреволюционной буржуазии. Эта насквозь капитулянтская и соглашательская тактика руководящих коммунистов толкала партию в пропасть.

И как правы были лидеры гоминдана, когда позже в своей декларации по поводу разрыва с коммунистами, изданной во второй половине июля, писали: «Теперь коммунисты призывают к захвату земель массами без приказа нацправительства. Разве это не открытое нарушение политики гоминдана? Если бы коммунисты внесли это предложение на последнюю об'единенную конференцию и обсудили его с представителями гоминдана или если бы они сорвали конференцию, когда их предложение не было бы принято, то мы сказали бы, что компартия выказала мужество и искренность». Беда заключалась, конечно, не в том только, что гоминдановцы стали коммунистам преподавать уроки политического мужества и искренности, а основная ошибка сводилась к тому, что, при применении этой капитулянтской тактики, компартия неизбежно утрачивала свое влияние и лишалась возможности воспитывать в революционном духе широчайшие массы рабочих и крестьян.



Этим же духом жалкого угодничества правеющему гоминдану были пропитаны инструкции, исходившие от центрального комитета компартии. 1 июня агитпроп ЦК писал: «Мы должны твердо помнить, что партия в своей крестьянской политике неуклонно проводит линию подавления «эксцессов», направленных против землевладельцев, мелкой буржуазии и военных». А 14 июня ЦК компартии в специальной инструкции местным организациям указывал, что «предоставленная крестьянству неорганизованная свобода действий, проведение земельной реформы, повело к многочисленным «случаям эксцессов». Без сомнения, такое положение должно быть изжито»

Еще более гнусно прозвучало заявление всекитайского крестьянского союза, что «Чан Кай-ши, джентри и тухао воспользовались тем, что небольшая часть крестьян нарушила интересы военных, чтобы распустить слухи и провоцировать раскол. Они нарочно вели левую агитацию, чтобы затем разгромить крестьянское движение». Понятно, что эта компрометация революционной борьбы крестьян, эти попытки обуздать крестьянское движение руководителями компартии, это прислужничество их гоминдану ни в какой мере не соответствовали директивам Коминтерна о незамедлительном и максимальном развертывании аграрной революции «плебейским» способом, ни в какой мере не отражали героической и самоотверженной борьбы, которую во главе восстающих крестьян вели на местах коммунисты.

Но все это оказалось лишь цветочками, ягодки оппортунистического руководства компартии со всеми своими ужасающими результатами сказались позже. До прямого предательства дошла тактика ЦК, когда вопрос коснулся вооружения рабочих. Во время восстания Ся До-ина перепуганные до-смерти лидеры гоминдана в поисках какой бы то ни было опоры для того, чтобы отстоять Ухан, предложили компартии спешно вооружить полторы тысячи рабочих, соглашаясь выдать соответствующее количество винтовок и патронов. Руководители компартии отказывались взять оружие из-за боязни противопоставить свои силы национальному правительству и этим показать свою нелойяльность. ЦК не только не вооружал рабочих, но при первом же недовольстве реакционной офицерщины провел постановление о добровольном разоружении и самороспуске рабочих пикетов Ухана.

29 июня Всекитайская рабочая федерация издала следующее извещение: «Настоящим мы доводим до сведения всего населения, что реакционеры, скопившиеся в Ухане, ведут злостную агитацию с целью посеять рознь между революционными солдатами и рабочей массой. Это делается с целью дискредитировать влияние профессиональных союзов. Всекитайская рабочая федерация, в целях пресечения возможности распространения в дальнейшем злостной пропаганды, издала приказ о роспуске рабочих отрядов с 25 сего июня. В то же самое время все оружие, бывшее в распоряжении рабочих отрядов, возвращено начальнику гарнизона. Всекитайская рабочая федерация просила нацправительство направить военные патрули для охраны профсоюзов от возможной провокации. Мы открыто издаем это извещение, чтобы население не поддавалось на злостные провокационные слухи, которые могут распускаться нашими врагами». Результаты этой преступной линии не замед-

лили сказаться. Через несколько дней профсоюзы в Ухане подверглись полному разгрому, а лидеры массового движения должны были бегством спасаться от поголовного истребления, проводимого новоявленными палачами рабочих.

Но наибольшим позором запятнало себя коммунистическое руководство во время хунаньских событий. Мы писали уже о реакционном перевороте в Чанша, произведенном полком Сю Ке-чена, насчитывавшим всего тысячу штыков. Что же делает ЦК киткомпартии в этот острый момент? В течение десяти дней хунаньский вопрос под разными предлогами даже не ставится на обсуждение ЦК. Но это не мешает местным коммунистам после переворота броситься в низы, поднять крестьян на вооруженную борьбу.

На юге Хунаньской провинции коммунистам в кратчайший срок удается поднять и сорганизовать восьмитысячный отряд крестьян, из которых 6 тысяч были вооружены винтовками. С востока Хунаня выступил двухтысячный отряд вооруженных крестьян. Во всех селах, примыкающих к Чанше, по получении известия о перевороте крестьяне толпами становятся под ружье, образуя бесчисленное количество мелких отрядов. Вооруженные крестьяне подходят к Чанше, обложив город у самых предместий. И в этот момент хунаньские коммунисты получают инструкцию от ЦК о том, чтобы крестьяне вооруженной борьбы не вели, а чтобы ждали, пока хунаньский вопрос будет разрешен нацправительством.

Рассуждения руководителей компартии тогда сводились, примерно, к следующему: «Мы не можем бороться против реакции своими силами. Этим мы подорвем авторитет национального правительства и противопоставим его себе. Мы должны поддерживать национальное правительство, мы должны ждать, пока оно какие-нибудь меры предпримет, мы должны толкать его по этому пути, но сами никаких мер против реакции предпринимать не должны». Конечно, эта позорно-трусливая, предательская установка очень скоро дала печальные плоды. Конечно, эти указания ЦК не могли не внести путаницы и дезорганизации в ряды хунаньских коммунистов, не могли не привести к дезорганизации сил вооруженных крестьянских отрядов. Крестьяне начали в беспорядке отступать, неся большие потери. И это делалось в тот момент, когда революция имела полную возможность и совершенно достаточные силы, чтобы разгромить реакцию в Чанша, чтобы проучить обнаглевшее офицерство. Ожидание руководителей компартии, пока предпримет какие-либо меры национальное правительство, давало передышку реакционному генералитету, который не промедлил ею воспользоваться. Через несколько дней из Ио-чжоу на помощь Сю Ке-чену вышли два новых полка. Это ставило дальнейшую борьбу крестьян в новые, неизмеримо более трудные условия.

Бегут дни, пачками расстреливаются рабочие и крестьяне в Чанша, национальное правительство, конечно, никаких мер не предпринимает. Вновь ЦК компартии ставит в порядок дня хунаньский вопрос и выносит лаконичное и губительное решение —«присоединиться к платформе Тан Шен-джи». И это делалось на том только основании, что Тан Шен-джи в телеграмме нацправительству заявлял, что он против переворота, и обещал принять особые свои меры для ликвидации хунаньских событий. Руководители компартии обнадежились этими обещаниями. Как генерал Тан Шен-джи разрешил хунаньский вопрос, всем достаточно хорошо известно.

Пролетариат Ухана иначе реагировал на реакционную вспышку в Чанша. Когда выяснилось, что национальное правительство никаких мер для подавления реакции не предпринимает, в рабочих массах возникло и лавиной стало шириться стихийное недовольство, искавшее себе внешнего выражения. В низах принимается решение об'явить 14 июня всеобщую забастовку и организовать демонстрацию против реакции и ее пособников.

13 июня этот вопрос рассматривается в ЦК компартии и выносится решение, что пролетариат не подготовлен к такого рода забастовке и демонстрации и что поэтому 14 июня нужно провести демонстрацию, но по другому поводу, по поводу возвращения после побед на севере генерала Тан Шен-джи. Забастовка все-таки была проведена. Может быть, изменение лозунга не успели довести до сознания масс, может быть, на местах проводилась первоначальная директива низовых партийных и профессиональных организаций, но так или иначе забастовка и демонстрация 14 июня были проведены с исключительным единодушием, при чем все рабочие вышли с единственным лозунгом: «Долой национальное правительство, потворствующее поднимающей голову реакции». Пример этой демонстрации лучше всего свидетельствовал о той пропасти, которая существовала между революционно настроенными массами и тогдашними руководителями коммунистической партии. И эта пропасть между руководителями партии и массами с каждым днем увеличивалась. Примером этому может послужить и 4-й с'езд китайских профсоюзов, происходивший в двадцатых числах июня. Выступления рядовых рабочих-делегатов на этом с'езде звучали иначе, чем выступления вождей компартии.



Пропасть эта должна была возрастать по мере того, как политика руководителей компартии становилась все более соглашательской и предательской. Руководство компартии толкало ее на полный отказ от политической самостоятельности. В критические дни, когда с несгибаемой большевистской твердостью, с беззаветной смелостью нужно было бороться за интересы трудящихся масс, ЦК киткомпартии принимает решение, фактически лишающее компартию самостоятельности и передающее партию в руки гоминдана, ставшего уже открыто контрреволюционной силой.

3 июля ЦК компартии по вопросу о взаимоотношении с гоминданом, в числе других, выносит следующие решения: 1) «поскольку гоминдан является блоком мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата с целью борьбы против империализма, гоминдану, естественно, принадлежит руководство»; 2) «рабочие, крестьянские и общественные организации должны быть под руководством и контролем гоминдана. Требования массового движения должны приспособляться к декретам и резолюциям ЦК ГМД и нацправительства»; 3) «вооруженные отряды рабочих и крестьян должны быть подчинены национальному правительству и им руководиться. Пикеты в Ухане должны быть распущены или влиты в армию с целью избежать каких-нибудь недоразумений».

В общей цепи этой капитулянтской, ликвидаторской линии ЦК компартии принимает решение о роспуске пионерских организаций только потому, что Ван Цзин-вей на заседании политбюро гоминдана поставил под сомнение, «нужны ли вообще организации юных пионеров». ЦК компартии строго наказывает коммунистам, руководящим гоминдановскими газетами, освещать все вопросы не в духе компартии, а в духе решений и политики гоминдана и национального правительства.

Так ЦК компартии реагировал на ухудшение экономической и политической обстановки, особенно обострившееся в результате хунаньских событий. Предательский оппортунизм сквозил в каждой строчке каждого решения, принимаемого в эти дни центральным комитетом. Мы говорили уже о решениях ЦК по хунаньскому вопросу. В том же духе было вынесено решение по поводу событий в Цзянси. После двухчасовой речи Тан Пин-сяна ЦК решает отказаться от требования снятия генерала Чу Пей-де, мотивируя это боязнью оттолкнуть Чу Пей-де от революции, боязнью, что реакция только усилится, если из провинции Цзянси уйдет генерал Чу Пей-де. И эта линия на «нейтрализацию» Чу Пей-де принимается после того, как он разогнал коммунистов, разгромил массовые организации и под своим руководством провел весь реакционный переворот.

Нечего и говорить, что к военным задачам революции ЦК компартии проявил исключительное преступно-халатное отношение. ЦК никогда не

ориентировался на солдатские массы. Занимался он, главным образом, верхушечным комбинаторством с реакционным командным составом. ЦК избегал даже обсуждать военные вопросы, а когда удосуживался обсудить, никаких решений не принимал. ЦК и не попытался даже добиваться расширения коммунистической дивизии Ие-Тина, не пытался организовать из коммунистов и комсомольцев части особого назначения, решительно ничего не сделал для вооружения рабочих и крестьян, для военизации трудящегося населения, не помышлял о мобилизации коммунистов, о серьезном охвате своим влиянием военных школ и военнополитических курсов так же, как не стремился об'единить разрозненные отряды рабочих пикетов и крестьянских союзов, как не пытался возглавить вооруженную борьбу крестьянских масс. А все это было вполне выполнимо. Мелкобуржуазные политиканы, восседавшие тогда во всех центральных органах партии, с чисто интеллигентским пренебрежением обходили молчанием военные задачи революции. Правда, это не мешало им вынести решение о добровольной сдаче оружия.

Еще более позорно коммунисты покидали свои посты в правительстве, когда этого настоятельно потребовал Коминтерн. Проводя все время в министерстве земледелия и внутренних дел право-гоминдановскую, антикрестьянскую политику, Тан Пин-сян, наконец, подает в отставку, при чем свое заявление он мотивирует болезнью и тем, что «политическое положение стало очень серьезным и он не в состоянии направить крестьянское движение по правильному пути». Это «прошение» приводило неизбежно к выводу, что во всем виновато крестьянское движение, которое коммунист оказался не в силах направить по правильному пути. Заявление о выходе из правительства, вместо широкого политического, революционного акта, превращалось в оправдательный вердикт контрреволюционных переворотчиков.

Уханское правительство, как и уханский гоминдан, стали контрреволюционными. Коммунистическая партия должна была рвать со своими прежними союзниками. И если бы разрыв происходил по инициативе компартии, при переходе ее в решительное наступление, этот разрыв неизбежно переводил бы движение на высшую ступень. Но инициатива разрыва исходила от гоминдана. Руководство компартии, несмотря на противоположные категорические указания Коминтерна, и в этом вопросе проявило свою трусливую капитулянтскую линию, свои, не рассеянные еще, гоминдановские иллюзии.

В декларации по поводу разрыва, опубликованной 13 июля, центральный комитет компартии писал, что, несмотря на все происшедшее, «у компартии меньше всего оснований отказаться от полного сотрудничества с гоминданом. Постольку, поскольку гоминдановское руководство и национальное правительство будет действительно проводить всю эту политику, будет действительно бороться против империализма, милитаризма, феодализма, против реакционных заговоров, постольку китайская компартия будет полностью поддерживать эти подлинно революционные шаги национального правительства».

Руководство китайской компартии не извлекло уроков из опыта революционной борьбы. Оно продолжало питать еще надежды на революционность гоминдана (это после двух месяцев сплошного и прямого предательства), обещая сотрудничество и поддержку Уханскому гоминдану. Это сеяние иллюзий насчет гоминдана, конечно, ни в какой мере не могло способствовать мобилизации трудящихся масс под знаменем компартии.

«В революции, как и в войне,—писал Энгельс,—всегда необходимо бороться с врагом, а нападающий всегда оказывается в более выгодном положении; в революции, как и в войне, безусловно необходимо в решительный момент все ставить на карту, как бы ни складывались шансы борьбы... Всякий, кто в революции командует решительной позицией и сдает ее, вместо того, чтобы заставить врага отважиться на приступ, заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику». Старое руководство китайской компартии в решительный момент не поставило всего на карту. Тогдашний ЦК систематически без боя сдавал одну за другой свои позиции. Сплошная цепь оппортунистических ошибок замыкалась прямым предательством самых жизненных интересов революции. Тогдашнее руководство ЦК полностью «заслуживает того, чтобы к нему относились, как к изменнику».



Что же лежало в основе оппортунистического руководства китайской компартии. Все эти ошибки не были случайными, эпизодическими; они связывались в стройную, законченную систему, в основе которой лежало неправильное, меньшевистское понимание характера и основных задач революции. Национально-освободительное движение противопоставлялось классовой борьбе. В угоду неправильно понимаемому единому национальному фронту ограничивалась, свертывалась, сжималась классовая борьба рабочих и беднейших крестьян. И все тактические ошибки вытекали из этой неверной центральной установки. Эти ошибки станут понятны, если вспомнить, что руководящий актив коммунистической партии состоял не из рабочих, а из представителей мелкобуржуазной интеллигенции, устремившихся в коммунистическую партию в момент наибольшего под'ема национально-освободительного движения. С эксплоатируемыми низами они не были связаны. Пролетарской вышколки они не имели. Опытом международного пролетарского движения они не располагали. Поэтому в руководство компартией они вносили мелкобуржуазную идеологию, политическую неустойчивость, непоследовательность и нерешительность.

Отсутствие пролетарской вышколки, пролетарской стойкости и дисциплинированности, непонимание пролетарских организационных принципов, об'ясняет нам ту легкость (совершенно недопустимую и небывалую в истории международного коммунистического движения), с которой руководство китайской коммунистической партии нарушало дисциплину Коминтерна, упорно отказываясь проводить его решения и директивы.

Вся практика и деятельность центрального комитета китайской коммунистической партии в эти критические месяцы, конечно, ни в коей мере не соответствовала и не вытекала из руководящих указаний Коминтерна. Достаточно просмотреть решения VII и VIII пленумов Исполкома Коминтерна, как и другие опубликованные уже директивы, вспомнить все то, что мы говорили о глубоко неправильной, пораженческой линии во всех вопросах китайского ЦК этого времени, чтобы убедиться в чудовищном несоответствии, чудовищном противоречии между руководящими указаниями Коминтерна и практикой ЦК китайской партии. Это злостное нежелание подчиниться директивам Коминтерна заставило последний апеллировать через голову ЦК ко всем членам китайской компартии с требованием созыва экстренной конференции и немедленной смены ЦК.

Только злейшие враги Коминтерна могут сваливать ответственность за все ошибки руководства китайской компартии на Коминтерн. Только люди, желающие использовать временное поражение китайской революции для поражения Коминтерна, могут считать, что ленинско-выдержанное руководство Коминтерна давало какую-либо почву для меньшевистской, местами изменнической, архиоппортунистической деятельности тогдашнего ЦК китайской компартии.

---

# ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

*А. Леонтьев и Е. Хмельницкая*

## Ответ на критику, мало заслуживающую ответа.

К сожалению, характер «Критических заметок» Кармалитова, помещенных в № 23/24 «Большевика», мало благоприятствует серьезному обсуждению «затрагиваемых в статье проблем», на желательность какового указывала редакция «Большевика» в своем примечании к названным заметкам, оговаривая «дискуссионный характер» последних.

В этих заметках, посвященных критике нашей книжки «Очерки переходной экономики», мы находим, с одной стороны, совершенно правильные положения, которые все без исключения можно найти также и в нашей работе; эти положения противопоставляются нашей работе лишь ценою замалчивания, порою искажения ее содержания. С другой стороны, каждый раз, когда автор пытается «оригинальничать» и выставлять свою собственную теоретическую продукцию, его положения не выдерживают критики.

Раскрытие всех случаев искажения наших взглядов и замалчивания наших положений заняло бы довольно много места. Пришлось бы итти по пятам за нашим критиком, ловить его каждый раз с поличным, приводить длинные цитаты из нашей работы и при их помощи опровергать то «изложение» нашей точки зрения, которым наш критик угощает своих читателей. Все это, повторяем, потребовало бы очень много места. Ибо легче запутать и исказить десяток мыслей, нежели распутать и восстановить хотя бы одну. Мы полагаем, что нет, однако, необходимости итти таким путем. Мы питаем к читателю гораздо больше доверия и уважения. Мы полагаем поэтому, что совершенно достаточно на нескольких примерах показать ловкость рук и степень теоретической грамотности нашего оппонента и посоветовать всем читателям, которых не удовлетворяют применяемые им «методы» полемики, обратиться непосредственно к нашей работе [1]).

### 1. План и стихия.

У нас в работе красной нитью проходит мысль о том, что переходная экономика, несмотря на наличие различных укладов, представляет собою тем не менее единую систему. Рецензент «суммирует» наши мысли таким образом: «Вся система советской экономики делится авторами на два сектора: 1) социалистический и 2) частнокапиталистический». Эту придуманную им самим формулировку наш критик повторяет неоднократно. На самом же деле мы говорим о наличии в переходной экономике двух кругов:

[1]) Помимо вышеназванной нашей работы упомянем здесь также недавно вышедшую нашу брошюру: «Советская экономика (планы, тезисы литература)», изд. «Моск. Рабочий», М. 1928 г., в которой читатель найдет сжатую характеристику основных проблем переходного хозяйства.



социалистического и несоциалистического, при чем в отношении второго мы несколько раз весьма популярно указываем, что «частнохозяйственный сектор не представляет собою чего-либо однотипного. Напротив, в нем следует различать: 1) простое товарное хозяйство и 2) частнокапиталистическое производство» (стр. 181).

Далее Кармалитов не перестает повторять, что, по нашему мнению, в области несоциалистического круга закон ценности действует целиком и полностью без всяких изменений и ограничений. На этом основании он нас обвиняет даже в... абстрагировании от экономполитики, несмотря на то, что вопрос о роли экономполитики в хозяйстве переходного типа нами специально разработан с довольно большой полнотой. Вот, не угодно ли: «Авторы справедливо обвиняют Преображенского в том, что он абстрагируется от экономической политики пролетарского государства. Но при анализе проблемы ценности, они сами абстрагировались от проблемы экономполитики. Рассматривая частнокапиталистический сектор, авторы нашли там закон ценности в сохранности, а это что? Разве не есть абстрагирование от экономполитики?» (стр. 161; подчеркнуто нами)[1]).

Трудно придумать более грубый «полемический» трюк. На самом деле мы повторяем общеизвестное и совершенно бесспорное положение, что «частнохозяйственная сфера остается полем наибольшего сохранения закона ценности» (стр. 185), что действие рыночной стихии и закона ценности здесь играет относительно максимальную (по сравнению с другими частями системы переходного хозяйства) роль, что в смысле регулирования отношений внутри несоциалистического круга принципиальная роль закона ценности такова же, как и во всякой системе товарного хозяйства (стр. 182). Но мы тут же раз'ясняем весьма подробно и популярно, что «простор для деятельности закона ценности в рассматриваемой сфере отношений серьезнейшим образом суживается благодаря тому, что эта область отношений расположена в гуще своеобразных процессов переходной экономики. Наличие социалистического хозяйственного сектора сильнейшим образом ограничивает даже те рамки, в которых закон ценности распространяется на внутренние отношения несоциалистического сектора» (стр. 184). И далее специально о роли экономполитики говорится:

«Другой метод воздействия социалистического сектора на внутреннюю структуру несоциалистического круга производства проходит по линии общей экономической политики пролетарского государства, в особенности же при помощи кооперативной, кредитной, налоговой политики. Поддерживая простое товарное хозяйство..., поощряя кооперирование и обобществление..., пролетарское государство тем самым вносит порою существеннейшие коррективы в действие закона ценности, результат которого выглядел бы совершенно иначе при отсутствии этого воздействия» (стр. 184).

Все это на языке Кармалитова называется «абстрагированием от экономполитики при анализе проблемы ценности»!

Однако, на этом наши прегрешения в области «абстрагирования» не кончаются. «Рассматривая закон ценности в социалистическом секторе, авторы нашли форму ценности, а за ней вскрыли новые производственные отношения, которые не могут служить содержанием ценности. Разве это не абстрагирование от экономполитики. Что же тогда называется у Л. и Х абстрагированием?»

Страшен сон, да милостив бог. Мы уже видели, что называется у Кармалитова абстрагированием. Он под этим словом явно понимает забвение тех мест критикуемого произведения, которые

[1]) Применяя термин «ценность», мы в целях единообразия заменяем повсюду этим словом термин «стоимость», употребляемый рецензентом.

могут послужить препятствием для его наезднических подвигов. И, действительно, здесь, как и почти повсюду, он «бьет нам челом нашим же добром». Он поучает нас, что абстрагироваться от экономполитики нельзя, «потому что формой проявления закона трудовых затрат является план. А план есть не что иное, как экономполитика. Экономполитика пролетариата в лице плана устанавливает равнодействующую всей хозяйственной системы. Следовательно, все элементы частнокапиталистического сектора должны тяготеть... к этой равнодействующей... так что даже в частнокапиталистических элементах нашего хозяйства закон ценности безгранично не действует. Он чем дальше, тем больше начинает тяготеть к равнодействующей, устанавливаемой планом» и т. д. (стр. 161—162).

Мы уже видели, что «безграничное действие закона ценности в частнохозяйственном секторе» является выдумкой Кармалитова. Остальное содержание этой цитаты изложено, однако, гораздо короче и яснее в нашей книжке: «По мере того, как стихийное регулирование народнохозяйственных процессов оттесняется на задний план и уступает место сознательному воздействию и управлению народным хозяйством, экономическая необходимость находит свое осуществление все в большей мере через посредство экономической политики пролетарской диктатуры» [1]).

Это, оказывается, «абстрагирование от экономполитики»! Каждому ясно, что «сознательное управление народным хозяйством»—это и есть план, а «экономическая необходимость», понимаемая в данном случае как «выражение власти внешней природы над человеческим обществом в процессе его материального производства», вполне покрывает собою понятие «закона трудовых затрат».

Центральный пункт кармалитовских возражений, поскольку можно уловить из его путанного и бессистемного изложения, заключается в следующем: «Задача исследования заключается не в том, что идет борьба между социалистическим сектором хозяйства и частнокапиталистическим, для этого никакого исследования не требуется (!!!), а задача состоит в том, как при борьбе этих двух секторов происходит равновесие всей системы. Авторы этой задачи не только не решили, но и не поставили». (Разр. наша; стр. 156).

Смеха ради мы должны припомнить, что автор, соорудивший этакую фразу, считает своей обязанностью, помимо всего прочего, преподавать нам... хороший стиль! Оставим на совести автора сногсшибательное утверждение, что ему «не требуется никакого исследования» процесса борьбы между социализмом и капиталистическими тенденциями. Это, в конце-концов, дело вкуса. Как известно, Ленин смотрел на это несколько иначе. Известно, какое он придавал значение «исследованию» вопроса: «Кто кого?» Оставим также в стороне любопытный вопрос о том, как это так «происходит равновесие». Согласимся временно с автором, что оно действительно «происходит». Посмотрим, однако, как Кармалитов «ставит» и «решает» ту основную задачу, которую мы упустили из виду, вследствие чего наш анализ «не стоит и выеденного яйца», по мнению любезного критика («анализ», стр. 155).

Вся его «постановка» и «решение» буквально сводятся к следующему «открытию». Оказывается, «особенности переходной экономики заключаются в том, что, благодаря проникновению стихии планом и наоборот, существует хозяйственный план, отличный от плана, который будет при полном социализме, а также существует стихийная связь между неорганизованными частями нашего хозяйства, отличная от стихийного рынка капиталистического общества. Если брать за критерий хозяйственный план социализма и рыночную стихию капитализма и применять по отношению к экономике переходного периода, то у нас существует план, отличный от плана развернутого социализма, так как в нем включены элементы стихийных закономерностей, с другой стороны, у нас существует стихия, включенная в план. Такое проникновение планом стихии и наоборот только дает «химическое сродство». Так что ошибка авторов заключается в том, что они видят единство плана и стихии на их стыке, в процессе обмена, тогда как это единство надо искать не только в соприкосновении между собою этих двух различных укладов, а и внутри каждого сектора отдельно» (стр. 156—157). Извиняемся перед читателем за столь длинную цитату; зато у нас совесть чиста: в этой цитате умещается все без остатка «новое», чему учит нас Кармалитов. На всем дальнейшем протяжении статьи он носится с этим богатством мыслей, как с писаной торбой.

[1]) Стр. 96. Ср. также в другом месте: «Сознательная, априорно-плановая политика цен берет на себя выполнение этой количественной функции закона ценности. Замена одного начала другим здесь также происходит более быстрым темпом на обобществленном, более медленным—на частнохозяйственном полюсах переходной экономики» (стр. 259).



Прежде чем «искать» единство плана и стихии, мы хотели бы «поискать» источник познания нашего критика. Найти его не так трудно. В сущности, вся «постановка» и все «решение» задачи, которое Кармалитов здесь дает, состоит из трех «элементов»: 1) одного «словечка», 2) одной путаницы и 3) нескольких соображений.

Словечко «проникновение» взято напрокат из учебника т. Айхенвальда (там еще говорится—«взаимопроникновение»).

Путаница заключается в том, что ставится знак равенства между «проникновением стихии планом и наоборот». Поистине, получается «вид на горы и обратно». Но то, что очень забавно в анекдоте, никуда не годится в научном анализе. Дело в том, что «проникновение» стихии планом—это один процесс, а «включение» стихии в план—это другой процесс, весьма отличного свойства. Вот почему мы не испытываем большого восторга от словечка т. Айхенвальда—«взаимопроникновение». Это словечко может запутать вопрос, скрадывая принципиальную разницу между двумя далеко не однородными сторонами дела.

Наконец, несколько правильных соображений, которые заключаются в этом «новом слове», написанном Кармалитовым для нашего поучения и вящшего посрамления, целиком и полностью имеются в нашей работе. В этом убедится каждый, кто прочтет хотя бы следующие места (число цитат могло бы быть увеличено). Кармалитов не устает повторять нам в назидание: «У нас существует план, отличный от плана развернутого социализма». В нашей работе мы писали: «Хозяйственный план зрелого социалистического хозяйства, это—натурально-хозяйственный план; напротив, хозяйственный план переходного хозяйства, когда социалистические формы сосуществуют с товарно-капиталистическими и облечены в фетишистически-товарную оболочку, имеет ценностную форму» (стр. 116). В другом месте мы писали по этому же поводу: «Проведение планового начала в нашем хозяйстве имеет место не в условиях развитого социалистического хозяйства, а в противоречивой обстановке хозяйства переходного типа» (стр. 122). Это отличие современного плана от плана развитого социалистического хозяйства подчеркивается неоднократно в нашей работе. «Народнохозяйственный план, являющийся основой сознательно-организованного общественного хозяйства, выступает в товарно-фетишистической форме, являющейся специфической формой стихийного, неорганизованного общественно-производственного процесса» (стр. 121).

Рецензент открывает нам Америку: «В нем включены элементы стихийных закономерностей, с другой стороны, у нас существует стихия, включенная в план». А у нас сказано: «Совершенно ясно, что если речь идет о подлинном плане всего народного хозяйства, то он должен захватывать как

социалистическую, так и несоциалистическую части нашей экономики» (стр. 121). В другом месте мы говорим: «Диалектический... характер плановости в этих условиях заключается в том, что одной своей стороной планирование приближается к сознательному осуществлению общественной закономерности, а другой своей стороной планирование заключается в предвидении процессов бессознательного, стихийного порядка» (стр. 123). Мы при этом ссылаемся на слова т. Бухарина: «Само плановое начало в значительной степени покоится на предвидении равнодействующей стихийных факторов». Разве здесь не сказано достаточно ясно насчет «включения стихии в план»?

Нашу очередную «ошибку» наш критик находит в том, что мы будто бы видим «единство плана и стихии на их стыке, в процессе обмена», тогда как это единство следует искать «внутри каждого сектора отдельно». Приведенные цитаты из нашей книжки достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что этот упрек так же голословен, как и все остальные. Очевидно, нашему критику невдомек, что «товарно-ценностная форма производственных отношений» отнюдь не является характеристикой одного лишь процесса обмена; наоборот, эта форма заключает в себе определенную характеристику именно производственных отношений. Мы подробнейшим образом анализируем, какие особенности внутри обобществленного сектора обусловлены сохранением этой формы.

Таков центральный пункт всей критики, посвященной проблеме плана и стихии и занимающей больше половины всей рецензии. Полагаем, что разбор этого пункта, проделанный нами с достаточной подробностью, показывает каждому читателю, с какого рода критиком мы имеем дело.

## 2. Проблемы распределения.

Перейдем к проблемам распределения. Картина здесь повторяется в столь же неприглядном виде. Критик начинает с более или менее правдоподобного изложения наших исходных положений, но... считает нужным формулировать по отношению к теории распределения ряд требований, так сказать, «собственного изобретения». Эти требования: 1) «исходить прежде всего из экономполитики пролетарского государства»; 2) «рассмотрение каждого сектора в отдельности, при чем это рассмотрение надо производить не изолированно от остальных частей хозяйства, а в их связи»; 3) «рассматривать связь всего народного хозяйства в форме рыночной связи» (стиль!).

Что касается до первого «требования», то оно является одним из основных и исходных положений всей методологической установки нашей работы. Добросовестность и справедливость этого «упрека» в абстрагировании от экономполитики мы уже демонстрировали выше с достаточной подробностью и считаем излишним дольше задерживаться на этом.

«Требование № 2» последовательно проведено во всем анализе проблемы распределения в нашей книжке и специально формулировано в начале соответствующей главы: «... необходимо проанализировать основные формы дохода как со стороны их взаимной связи, так и в разрезе основных экономических укладов, секторов нашего хозяйства. Выше мы видели, что при анализе закона ценности, междухозяйственных связей в нашей экономике вполне законно рассмотрение проблемы в двух плоскостях—в сфере обобществленного и частного хозяйства. При рассмотрении проблемы распределения в нашем хозяйстве такое противопоставление обобществленному сектору сферы частного хозяйства, как сплошной однородной массы, принципиально недопустимо и связано с грубейшими ошибками теоретического и практически-политического порядка» (стр. 273). Правда, непонятно, зачем же было столь многословно и упорно на протяжении всей рецензии распространяться насчет недопустимости разрыва народного хозяйства на части.



В «требовании № 3» мы снова встречаемся с повторением нашего же основного тезиса о необходимости раскрыть «новое социальное содержание в категориях распределения дохода», обнажить его от внешней ценностной оболочки. Мы указывали на то, что «формы распределения основных средств производства, свойственные социалистической системе хозяйства, существуют на ряду с формами распределения дохода, облаченными в одежды товарно-ценностного порядка. Эта двойственность в отношениях распределения целиком соответствует расщеплению между формой и содержанием, проходящему по всей линии нашего хозяйства. Сочетание отношений ценностного порядка в сфере распределения национального дохода с социалистическими формами распределения средств производства вместе с тем создает особые трудности для анализа всех распределительных категорий в нашем хозяйстве» (стр. 272—273). Именно с этой точки зрения нами и рассматривались основные формы дохода в нашем хозяйстве. Как могли при такой постановке анализа изменений форм распределения в нашем хозяйстве критику померещиться «очерки капиталистической экономики» вместо очерков переходного хозяйства — одному Аллаху известно!

Но, к сожалению, критик не ограничивается таким, сравнительно еще невинным «добавлением» нами же выдвинутых положений, но пытается и творить собственные выводы. Безграмотность этих «выводов» превосходит всякие ожидания. Начнем с открытий о заработной плате рабочих частнокапиталистического сектора.

Мы указывали в своей работе, что качественная и количественная трансформация заработной платы в обобществленном секторе нашего хозяйства сводится в основном: а) к отмиранию антагонистического противопоставления рабочей силы средствам производства, б) к существеннейшим ограничениям действия колебаний спроса и предложения рабочей силы, в) к диаметрально противоположной капитализму тенденции движения заработной платы относительно роста производительности труда, г) к постепенной эмансипации от установившихся законом ценности товара «рабочая сила» и исторически сложившихся количественных пределов заработной платы.

Критик находит, что эти тенденции можно обнаружить и в частнокапиталистическом секторе нашего народного хозяйства, ибо «при диктатуре пролетариата не рабочий класс, а наоборот, капитал прикован к колеснице пролетарской экономической политики». Как понимать сие? Если речь идет о том, что органы пролетарской диктатуры и экономическая политика в целом стремится вытеснить частнокапиталистическое хозяйство и количественно ограничить эксплоататорские аппетиты его, то ведь об этом черным по белому сказано в нашей книжке. Мы говорим, что «достижения профессиональных союзов, а также государственных органов регулирования и охраны труда, отражая мощность и степень организованности рабочего класса в целом, в то же время оказывают непосредственное воздействие на заработную плату в частнохозяйственном секторе, с количественной ее стороны. Распространение профсоюзных тарифов на рабочих частнохозяйственных предприятий создает тенденцию к количественному приравнению заработной платы в частном секторе к обобществленному сектору, известное единство уровня заработной платы во всем народном хозяйстве» (стр. 299).

Но Кармалитову этого мало. «Влияние на количественную сторону заработной платы через организацию профсоюзов пролетариат

проделывает (?) и при капитализме», — возражает он. Согласимся на минутку, что, то влияние, которое пролетариат «проделывает» на заработную плату в условиях капитализма, аналогично и равносильно ограничениям эксплоатации со стороны органов пролетарской диктатуры. Но ведь антагонистическая природа отношений между рабочим и частником-капиталистом от этого не устраняется! Так думали мы, так говорит партия всей установкой по отношению к частному капиталу, но не так угодно Кармалитову. Он, видите ли, находит, что «категория заработной платы даже для частнокапиталистического сектора модифицируется в сторону ее отмирания» (стр. 167). Выходит, что заработная плата здесь отмирает не вместе с вытеснением частнокапиталистических форм, а лишается своего классового содержания еще при существовании частного хозяина-капиталиста.

Более того, Кармалитов храбро утверждает, что «производственные отношения между пролетариатом и буржуазией поставлены как бы на голову» (стр. 166). Как это понимать? Не нэпман эксплоатирует своего наемного рабочего, не кулак выжимает соки из своего батрака, а наоборот? Нэпман и кулак выступают в качестве эксплоатируемых наемным рабочим? Значение этого открытия действительно трудно преувеличить! Не сомневаемся, что подобный «анализ» привел бы в восторг каждого частника. Ясно, что подобное творчество следует решительно отвергнуть, как вреднейшую и безграмотную путаницу в весьма важном вопросе.

В самом деле, линия партии, как известно, исходит из коренного различия в положении рабочего на частном и государственном, социалистическом предприятии. В обобществленном секторе нашего хозяйства мы всячески стараемся воспитать в рабочем хозяйское отношение к производству, мы ставим центральной задачей поднятие производительности труда. Известны также попытки частных предпринимателей использовать несознательные элементы среди рабочего класса и втянуть их в дело поднятия производительности труда в своем, «хозяйском» предприятии, организовать «производственные совещания» и т. д. (См. об этом хотя бы газетные материалы совещания по партработе на частных предприятиях, организованного МК). До сих пор партия давала вполне определенную оценку этим попыткам и строила свою работу на раз'яснении классовых интересов рабочего по отношению к частнику-предпринимателю. Разумеется, общие интересы пролетариата, заключающиеся в сохранении и укреплении пролетарской диктатуры, одинаково близки рабочим и частных и государственных предприятий. Но в отношении к данному предприятию, к распределению дохода, производимой в нем ценности «интересы этих двух частей пролетариата неодинаковы», что приводит в ужас Кармалитова.

Не менее вредная путаница царит и во всех прочих рассуждениях Кармалитова насчет того, что «экономполитика, детерминируемая законом трудовых затрат, устанавливает пропорции распределения» (стр. 170). Спору нет, закон трудовых затрат—великое дело, тем более, что этот закон составляет единственное теоретическое оружие нашего критика. Нелепо, однако, полагать, что только этот закон детерминирует экономическую политику. Ведь в таком случае не могло бы быть речи именно о политике; дело сводилось бы лишь к плановому руководству и управлению процессом производства. На самом деле экономическая политика детерминируется в первую голову конкретными условиями классовой борьбы пролетариата, организованного, как господствующий класс. Ведь если бы «пропорции распределения» зависели целиком и единственно от нашей экономической политики, то проще всего было бы сразу искоренить без остатка капиталистическое производство и элементы капиталистической эксплоатации в нашем хозяйстве. Разумеется, экономическая политика оказывает огромное влияние на отношения распределения в нашем хозяйстве. Мы это подчеркивали достаточно отчетливо при анализе заработной платы, говоря о том, что «линия, по которой происходит разделение (вновь созданного продукта) в обобществленном секторе хозяйства, определяется не стихийно, а сознательными действиями экономической политики». Это же говорилось и при анализе прибыли, доходов простого товарного производства и т. д. Было бы излишне отнимать здесь место подробными ссылками и цитатами из соответствующих мест нашей книжки. Но сознательное воздействие экономической политики должно считаться с об'ективными условиями в хозяйстве и не может ставить себе непреодолимых в данной обстановке задач в области распределения дохода, как и во всех прочих областях.



Сложность и трудность проблемы распределения в переходном хозяйстве заключается в сожительстве товарно-ценностных форм дохода с социалистическими формами распределения средств производства—пишем мы в своей работе. Чтобы вскрыть это противоречие, мы пытаемся проанализировать внешнюю форму и действительное содержание основных видов дохода в нашем хозяйстве. Бойкое перо Кармалитова превращает постановку этой сложнейшей задачи в «механическое штампование наших секторов хозяйства категориями политической экономики» (стр. 170). Он даже договаривается до того, будто бы у нас стихийные, гетерогенные силы определяют тенденции распределения. После сказанного выше о плане и стихии в нашем хозяйстве мы считаем излишним останавливаться на этом.

И такие «аргументы» мобилизуются для того, чтобы помешать «умалению работы пролетарского государства по перестройке хозяйственной системы»! Пожалуй, «как раз наоборот», как любит выражаться Кармалитов, от такой «защиты» может не поздоровиться не только теоретической работе в области нашей экономики.

### 3. Заключение.

Мы разобрали основные пункты «Критических заметок» Кармалитова; их «методология» и «познавательная ценность» выступили перед нами во всей своей привлекательности. Разбирать всю нагроможденную там путаницу, все извращения нашей точки зрения, все элементарно неграмотные «открытия»—значило бы поистине злоупотреблять терпением читателя. Полагаем, что ему предостаточно тех перлов критики, которые прошли перед нами на предыдущих страницах. Один лишь перечень остальных перлов отнял бы слишком много места.

Кармалитов соглашается с критикуемым нами буржуазным экономистом Чупровым в том, что понятие «расчет» и «баланс» не являются историческими категориями капитализма, а просто «техническими терминами». «Для авторов известно (стиль-то каков!), что понятие «расчет» и «баланс» присуще лишь капиталистическому хозяйству, а вот читателю совершенно это и невдомек». Мы уже видели, что Кармалитову очень многое невдомек... В этом отношении мы ему помочь, однако, не беремся...

Сам же он повторяет приводимые нами формулировки Чупрова, из которых ясно, что речь идет о «балансе между выгодами и пожертвованиями», о «расчетах», которые держит в своих руках «хозяин». Здесь поистине остается лишь развести руками. Наш критик становится на общую почву со всеми буржуазными экономистами, увековечивающими категории капитализма. Точно так же, например, рассуждает Туган-Барановский и многие другие насчет денег: ведь нужны будут даже при развернутом социализме известные расчетные знаки, квитанции; деньги и будут выполнять эту «техническую функцию». Впрочем, зачем нашему критику знать про Туган-Барановского!

«Авторы противопоставляют план стихии. По нашему мнению такое противопоставление неверно» (стр. 160). То-есть, позвольте, как же так «неверно»? В самом ли деле это «противопоставление» принадлежит «авторам»? Мы сильно опасаемся, что нам зря приписывается много чести: «противопоставление плана стихии» принадлежит элементарной азбуке марксизма. Впрочем, зачем критику знать эту азбуку?

Надо ли еще говорить, что критик на каждом шагу пытается нас сосватать с Преображенским, несмотря на то, что в нашей работе дается весьма развернутая теоретико-экономическая критика этого автора. Надо ли еще говорить, что критик несколько раз услужливо «продолжает» развитие сочиненной им якобы «нашей концепции», доводит ее «до логического конца» и в одном месте даже ставит—от нашего имени—знак равенства между советской экономикой и... хозяйством империализма!

Повторяем, мы лишены возможности даже попросту перечислить все нагроможденные там благоглупости. Остается подвести некоторые итоги.

Разобранные нами «Критические заметки» начинаются следующим торжественным заявлением: «За последнее время попытки теоретического осмысливания разнообразных форм хозяйственной жизни Советского Союза, как переходной эпохи от капитализма к социализму, все учащаются. Газетные и журнальные статьи, брошюры, толстые книги, трактующие те или иные проблемы, связанные с экономикой переходного периода, все чаще и чаще появляются на книжном рынке».

Должны по чистой совести признаться, что все наши поиски «на книжном рынке» не могли обнаружить тех гор «толстых книг» и т. д., посвященных «теоретическому осмысливанию переходной экономики», о которых говорит наш критик. Всем известно, напротив, что в области теоретического анализа советской экономики до сих пор сделано не так уж много. Сколько-нибудь значительные произведения в этой области Кармалитов мог бы свободно пересчитать по пальцам, пожалуй, одной лишь руки. Мы полагаем, что признать это обстоятельство было бы более добросовестно, нежели напускать на читателя туман насчет несуществующего изобилия «журнальных статей, брошюр, толстых книг» и т. п.

Мы думаем далее, что именно чрезвычайная немногочисленность попыток теоретического анализа переходной экономики должна у каждого человека, заинтересованного в продвижении вперед в области теории, вызвать вдвойне серьезное отношение к каждой отдельной попытке. Добросовестное отношение к разбираемому произведению, знание предмета, стремление использовать все правильное и ценное, что в произведении встречается,—вот те условия, при которых критика в области данного вопроса может быть плодотворна. Мы показали читателю с достаточной наглядностью, что критика Кармалитова далека от этих условий, как небо от земли.

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

**ДМ. ИЛИМСКИЙ. «Италия в руках фашистов».** Изд. ВЦСПС, Москва, 1927 г. 102 стр., цена 75 коп.

До сих пор в нашей литературе еще нет труда, который дал бы полный марксистский анализ такого значительного социально-политического явления, как итальянский фашизм. А ведь история возникновения итальянского фашизма и последующего его развития необычайно поучительна. Здесь диалектика классовой борьбы получает свое классическое выражение, здесь мы видим, как нельзя лучше, каким образом реформистские и центристские вожди рабочего класса погубили революцию и открыли дорогу фашистскому перевороту. Поэтому мы можем только приветствовать желание ВЦСПС дать широким рабочим массам возможность ознакомиться с этим весьма поучительным периодом итальянской истории. К сожалению, однако, издание ВЦСПС брошюры Илимского является неудачной попыткой в этом направлении.

Что брошюра об итальянском фашизме должна дать рабочим массам? Марксистский анализ причин возникновения фашизма, его социальные корни и его борьбу против рабочего движения вообще и против коммунистического движения в частности; характеристику буржуазных партий и их роль в создании фашизма; характеристику рабочих партий и профсоюзов и их тактику в данном периоде времени; возникновение компартии и ее борьбу против фашизма, с одной стороны, и против социалистической партии, с другой, и, наконец, перспективы фашизма и революционного движения.

Вместо этого мы имеем в брошюре Илимского хаотическую мелкобуржуазную болтовню журналиста, наблюдавшего Италию из окна вагона.

Желая придать своей брошюре видимость научного анализа, автор посвящает первую главу историческим, этнографическим и геологическим «исследованиям» Италии, при чем он считает необходимым для лучшего уяснения, «почему именно в Италии, а не в какой-нибудь другой стране в первую очередь победил фашизм...», прежде всего основательно разделаться с заблуждениями, «создавшимися целыми столетиями в Европе» относительно итальянцев, как «о народе красивых женщин, огненных, пленительных мужчин, о народе певцов...» (стр. 5), «пресловутой итальянской вспыльчивости и горячности», которые являются не чем иным, «как особой формой всеобщей истерии (!) на почве хронического недоедания» (стр. 9).

Уяснив таким образом, почему фашизм победил прежде всего в Италии, автор посвящает одну целую главу характеристике Муссолини, ибо, по его мнению, «для понимания истинных социально-политических основ фашизма чрезвычайно важно поведение Муссолини накануне и во время войны» (стр. 19). В этой главе автор очень детально описывает жизнь Муссолини, его нравы и привычки, рассказывает о нем разные анекдоты. Автор вообще посвящает непомерно много внимания личности Муссолини, несмотря на то, что автора «в этой книге интересуют не отдельные люди, а судьба целых классов» (стр. 92).

Характеризуя фашизм, автор пишет: «Среди этой скудной и неуступчивой природы, среди этого трудолюбивого, бедного и малокультурного народа, фашизм пытается создать новую Италию. Он не довольствуется малым. Он хотел бы видеть Италию реформированной до самых глубин в течение каких-нибудь десяти лет»[1]) (стр. 10). В другом месте автор поет такие дифирамбы фашистам: «Они (фашисты. *А. В.)* своим новым духом поразили воображение этой анархической (!) и безалаберной (!) страны, не знавшей до тех пор ни государственного сознания, ни исторической философии, ни перспектив своего будущего, потерявшей веру в свои силы и готовой либо массами уходить за границу, либо продаваться иностранцу...» (стр. 75). Здесь, кроме ноток воспевания фашизма, мы имеем новое, оригинальное об'яснение причин массовой эмиграции итальянских рабочих. По мнению автора, итальянские рабочие, уходившие массами (до 800.000 ежегодно) в чужие страны в поисках куска хлеба, которого не находили в Италии, делали это только потому, что не обладали «государственным сознанием, исторической философией» и не знали «перспектив своего будущего», а так как фашисты обогатили их всеми этими благами, то они могут спокойно оставаться в своем солнечном отечестве и пользоваться плодами «до глубины реформированной» фашистами «новой Италии». До сих пор, насколько мне известно, никто еще не догадался дать такое об'яснение рабочей эмиграции.

Недостаточную осторожность автор проявляет по отношению к историческим фактам, хронологии, статистическим данным и т. п. Чтобы написать историю возникновения фашизма, автор считал необходимым изучить основательно фауну и флору Италии, ее этнографические и геологические условия, но не потрудился осведомиться, когда и при каких условиях были основаны первые «фашио», деталь, кажется, немаловажная для правильного анализа фашизма. Он ограничивается тем, что попутно вспоминает о том, что первые «фашио» были основаны Муссолини в 1915 г., но ничего не говорит, почему это сами фашисты считают, что партия их основалась в начале 1919 г., т.-е. на 4 года позже. Дальше, указывается на то, что Муссолини основал свою газету «Пополо д'Италия» в момент вступления Италии в войну, в действительности же газета была основана за несколько месяцев до того, как Италия вступила в войну. Обстоятельство это весьма важное, ибо Муссолини с помощью этой газеты, созданной на французские деньги, стал во главе интервенционистов, толкавших Италию на войну. О зарождении фашизма Илимский пишет: «...Идейные вожди фашизма, во главе с Муссолини, до своей измены (об этой измене во всей брошюре ни одного слова! *А. В.)* являясь ярыми революционерами и синдикалистами (Муссолини даже редактировал руководящую газету синдикалистов (?!) «Аванти») пользовались многолетней и прочной популярностью среди рабочих-активистов. Их влияние и связи сделали свое дело, и они без труда увлекли за собой значительные кадры своих политических друзей» (стр. 96). Несколькими строками дальше он говорит: «На эту удочку (т.-е. философию фашизма. *А. В.)* и попались тысячи рабочих». А в конце той же страницы эти тысячи уже превратились в «несколько десятков тысяч рабочих, активно примкнувших к новому символу веры Муссолини»[2]). Эти утверждения Илимского не соответствуют фактам. Когда Муссолини в конце 1914 г. (а об этом времени идет речь в вышеприведенных цитатах) был исключен из итальянской социалистической

[1]) Разрядка моя. *А. В.*
[2]) Разрядка везде моя. *А. В.*



партии за его, тогда еще наполовину скрытое, сочувствие войне (об этом исключении вы в брошюре не найдете даже малейшего намека), ни один рабочий не только из актива, но даже из рядовых членов не последовал за ним.

Илимский вообще пренебрегает всякими точными данными и «серой» действительностью и предпочитает обращаться к своей фантазии. Все события у него происходят годом раньше или позже, статистические данные у него в два - три раза преувеличены,— это все мелочи. Так, например, известное событие в итальянском рабочем движении — оккупация фабрик и заводов рабочими,—имевшее место в сентябре 1920 г., автор переносит на середину 1921 г.; кульминационный пункт развития революционного движения автор передвигает с середины 1920 г. на конец 1921 г.; основание компартии с января 1921 г. переносится на середину 1921 г. и т. д., и т. п.; число организованных батраков, согласно данным автора, доходило до 3 миллионов, в действительности же оно в самые лучшие времена не превышало 900 тысяч.

Для того, чтобы понять возникновение и суть итальянского фашизма, необходимо знакомство с рабочим движением в Италии во время и после войны. Только в связи с необычайно бурным развитием революционного рабочего движения, с его героической борьбой, равно как с громаднейшими ошибками, допущенными руководящей верхушкой социалистической партии, можно понять развитие и победу фашизма. В рецензируемой брошюре не только нет более или менее серьезной попытки дать анализ рабочего движения и руководящей этим движением социалистической партии, но, наоборот, десятки страниц заняты пустой болтовней, искажающей действительность или прямо дающей вымышленные факты.

Историю итальянского рабочего движения за последние 25—30 лет автор называет «бестолковой». Бестолкова, конечно, не история итальянского рабочего движения, а бестолково то представление, которое Илимский, не изучив его, создал себе о нем. Автор не разбирается в таких элементарных вопросах политграмоты, как разница между синдикализмом и социализмом. Так, Муссолини, который был вождем социалистической партии, все время называется автором синдикалистом, а старый орган итальянских социалистов «Аванти» автор называет «руководящим органом синдикалистов»; профсоюзы, которыми руководили социалисты - реформисты, как Д'Аррагона, Буоцци и др., он тоже называет синдикалисткими, а всех членов этих профсоюзов, в которые входили социалисты всех оттенков, коммунисты и беспартийные,—не входили туда синдикалисты и анархисты,—называет синдикалистами. «Бестолковость» рабочего движения он видит в том, что «в рядах одного и того же рабочего движения (?) мирно жили рядом Муссолини, тогда еще синдикалист (?) и крайний революционер, мечтавший снести головы всем королям Европы, Д'Аррагона, хитрый, как старая крыса, руководитель умеренных профсоюзов (тех самых, которые автор в другом месте называет синдикалистскими. *А. В.)*, и Малатеста мечтатель - анархист...» (стр. 92). Здесь, во-первых, не очень понятно, что автор хочет сказать этим «в одном и том же рабочем движении»: в одной и той же партии? Так или иначе, все здесь перепутано и бестолково, ибо, как мы уже видели, Муссолини был не синдикалистом, а социалистом, Д'Аррагона тоже был социалистом, и они жили рядом в одной партии, хотя и не очень мирно; что касается Малатеста, то он был в самом деле известным анархистом, который в социалистической партии вместе с Муссолини и Д'Аррагона никогда не был, ибо, к сведению Илимского, уже в 1892 г., на с'езде в Генуе произошел полный и безвозвратный раскол между социалистами и анархистами.

На вопрос читателя, кто руководил рабочим движением в Италии, какая и какие были рабочие партии, в чем состояла их деятельность, программа, тактика, автор настойчиво отвечает «многочисленные рабочие партии», «старые расколы между многочисленными синдикалистскими, социалистическими и коммунистическими организациями», «раздробленность и анархичность профессионального движения, которое было не малой причиной ускорения и углубления разгрома фашистами». Какие это «многочисленные партии», в чем состояла «раздробленность профсоюзного движения», и в чем его «анархичность»? На эти вопросы читатель напрасно ждет ответа от автора, ибо он сам этого не знает. В самом деле, он говорит о коммунистических организациях, когда даже ребенку известно, что в Италии была и есть одна коммунистическая партия и что никаких расколов в ней со времени ее основания до нынешнего дня не было; социалистическая партия в Италии до 1922 г.,—а автор имеет в виду именно этот период,—тоже была только одна; что касается профсоюзного движения, то и здесь говорить о раздробленности значит рассказывать небылицы, ибо профсоюзы, стоящие на почве классовой борьбы, были об'единены в конфедерацию труда, которая играла доминирующую роль в рабочем движении; существовавшие до войны в некоторых местностях синдикалистские профсоюзы играли небольшую роль, а после войны почти никакой.

В одном месте автор как будто пытается дать анализ существовавших в 1921 г. партий. После того, как он наговорил несколько несуразностей о коммунистической партии, о чем будет речь ниже, он разделяет рабочие партии на две группы: к первой группе он причисляет «реформистов, социалистов, синдикалистов, захватывающих аристократическую верхушку пролетариата», а ко второй—«анархистов, анархо-синдикалистов, максималистов и католиков, охватывающих те слои рабочих, которые не оторвались еще от мещанства или работали в мелких предприятиях». Какой тонкий анализ! Беда только в том, что это—произвольная группировка, выдуманная автором. Одна и та же партия фигурирует у него одновременно в первой и второй группе три раза, ибо реформисты, социалисты и максималисты в тот период находились в одной партии: в социалистической, в которой существовали два течения — реформистское и максималистское, а все они назывались социалистами. А Илимский все перепутал и сделал из одной—три партии и разместил их по разным группам, и таким образом получились «многочисленные» партии. При чем, чтобы еще увеличить число рабочих партий, он, не задумываясь, причисляет к ним еще и «католиков», т.-е. мелкобуржуазную партию католиков «Пополари», в которую входили также крестьяне и незначительное число городских рабочих. Как это автор ухитрился этих «католиков» поставить рядом в одной группе с максималистами, этим левым крылом социалистической партии, с одной стороны, и с анархистами и анархо-синдикалистами,—с другой? А реформистов и тех же социалистов (максималисты плюс реформисты) вместе с синдикалистами? Автор запутался в сетях своей собственной фантазии!

На всем протяжении брошюры, где описываются важнейшие события возникновения фашизма, фашистского террора и режима (описание хаотическое и путанное), о компартии нет даже намека, хотя наша братская партия сыграла выдающуюся роль во всех этих событиях. Наоборот, есть разные отрицательные суждения автора, в роде того, что «нет в Италии мощного и уверенного в правильности своей тактики руководящего центра, за которым могла бы пойти рабочая масса» (стр. 59). Это в 1922 г., когда наша партия насчитывала около 42.000 членов и 25.000 комсомольцев, имела свои ежедневные газеты и руководила целыми федерациями профсоюзов, держала в руках профсоюзные об'единения (Камеры дель Лаворо) таких городов, как: Турин, Рим, Триест, Савона, Мессина, Имола и др.



В конце книги есть кое-что о компартии, но то, что мы там читаем, это—сплошные небылицы. Мы уже видели, что он пишет насчет времени основания партии. О самом основании партии в Ливорно, во время с'езда социалистической партии, на котором произошел раскол, автор ничего не знает, между тем как это событие имело большое влияние на развитие фашизма в Италии. Но автор знает и пишет, что компартия была основана «левым крылом синдикалистов». Снова непростительная путаница! Итальянские коммунисты никогда и ничего общего с синдикалистами не имели.

Роль компартии с момента ее основания была громадная, как в отношении революционного воспитания масс, так и в борьбе против фашизма. Компартия, как всем, кроме Илимского, известно, была единственной партией, которая организовала вооруженную борьбу против фашизма и вела ее до последней минуты. Илимский утверждает, однако, что «историческая роль партии начинается т о л ь к о (подчеркнуто мною. *А. В.*) теперь» (с. 93).

Для характеристики легкомысленного отношения автора к предмету, о котором он пишет, приводим следующую фразу, находящуюся на стр. 65:

«Других легальных организаций (кроме фашистских. *А. В.*) нет, а подпольные, как к о м м у н и с т ы и а н а р х и с т ы еще слишком малолюдны, едва начинают оправляться от ноябрьского разгрома 1926 г. и могут лишь поддерживать настроение и заниматься агитационной работой, но не быть о р г а н и з а т о р о м м а с с о в ы х в ы с т у п л е н и й» (подчеркнуто мною. *А. В.*). Как мы видим, для автора анархисты и коммунисты, это две разнозначащие силы, роль которых в рабочем движении одинакова, и они призваны в одинаковой степени быть организаторами массовых выступлений пролетариата. Но, кроме принципиальной стороны этого вопроса, и фактическая сторона его не соответствует действительности. Компартия, не ожидая, пока «оправятся» анархисты, которые уже давным-давно перестали играть какую-нибудь роль в итальянском рабочем движении, в действительности организовала и руководила теми массовыми движениями, о которых идет речь.

Итальянский пролетариат записал не одну прекрасную страницу в истории революционного рабочего движения. Вспомним только его борьбу против войны в Либии и исключение из социалистической партии на с'езде в Реджио в 1912 г. таких видных вождей, как Биссолати, Бономи, Канепа и др. за то, что они были за поддержку этой войны; вспомним дальше непримиримо враждебное отношение к мировой войне и его активную борьбу против вступления Италии в войну; баррикадные бои в Турине в августе 1917 г.; отношение к Октябрьской революции; многочисленные всеобщие забастовки сочувствия этой революции и против интервенции в Россию, борьбу против транспорта оружия белогвардейцам; занятие фабрик и заводов рабочими; борьбу против фашизма и пр., и пр. Все это игнорируется автором.

Мы уже указали выше на целиком вымышленное утверждение Илимского, что будто бы после исключения Муссолини из социалистической партии, за ним последовали десятки тысяч рабочих. Автор продолжает в том же духе по отношению к периоду победы фашистов. На стр. 97 мы находим следующее утверждение: «В момент переворота в 1922 г. в рядах партии фашистов было около 40.000 рабочих (из каких это источников автор почерпнул эти данные, не из фашистских ли? *А. В.*). Из них надо исключить 15—18 тысяч батраков, загнанных в партию насильно, почти под угро-

зой смерти. Остальные, заводские рабочие (подчеркнуто нами. *А. В.*), участвовали в партии по описанным выше причинам» [1]) (т.-е. добровольно. *А. В.*). Значит, только батраки были настолько сознательны и революционно настроены, что их надо было под угрозой смерти гнать в фашистскую партию, между тем, как заводские рабочие шли к фашистам из любви к ним. Здесь мы имеем дело уже не только с полным извращением действительности, но с прямым издевательством над героическим итальянским рабочим классом, который перенес самый ужасный террор и мучения имено потому, что сопротивлялся вступлению в фашистские ряды. Но автора это мало смущает; ему надо доказать, что итальянские рабочие, это—совсем бессознательный народ, и поэтому он продолжает списывать из фашистских материалов, что в 1923 г. «пролетариат... дал в партию своих классовых врагов около 150.000 рабочих от станка, что вогнало большой клин в рабочее движение...» (стр. 68), а на стр. 98 мы читаем: «однако и после переворота рабочие продолжали притекать в партию фашистов, и в настоящее время (т.-е., в 1927 г. *А. В.*), в партии числится свыше 120.000 рабочих». Как мы видим, рабочие текли, текли в партию фашистов, а их число что-то уменьшалось. Повидимому, цифры эти такие же фантастические, как эти три миллиона организованных батраков, о которых мы выше упомянули. Но то, что автор говорит в вышеприведенных цитатах, не только плод его богатой фантазии, это уже злостное извращение истины. Достаточно вспомнить только тот факт, что, несмотря на ужаснейший террор, на полный разгром всех рабочих организаций фашистам никогда не удалось при выборах в заводские комитеты завоевать хотя бы один такой комитет. В Милане, в твердыне фашизма, через два года после взятия власти фашистами, на выборах в заводские комитеты, они получили всего 220 голосов, против 20 тысяч, поданных за списки классовых кандидатов. А в 1925 г., в Турине, где на заводах существует со времени оккупации фабрик самый реакционный режим и где развито самое рафинированное шпионство, фашисты при выборах в заводские комитеты получили 429 голосов, против 6.204, поданных за враждебный фашистам список кандидатов. Вот как рабочие текли в фашистскую партию! Что фашисты насильно и угрозами гнали рабочих в партию, это—факт, и что несмотря на это им никогда не удалось вогнать сколько-нибудь значительное количество рабочих и этим «вогнать большой клин в рабочее движение», это — неопровержимый факт, и, наконец, что рабочие всячески и ценой больших кровавых жертв сопротивлялись загону их в партию фашистов, это тоже известный факт, но, что рабочие шли добровольно в фашистскую партию, этого даже фашисты не осмелились бы сказать, ибо это слишком уже бьет в лицо правде.

Еще несколько «перлов». На стр. 67 Илимский выражает надежду (он вообще полон надежд. *А. В.*), что измена реформистов, предавших конфедерацию труда и перешедших на сторону фашистов, «будет лишним фактом в цепи событий, очищающих классовое сознание итальянского рабочего, выметающих из его головы всю романтическую и анархистскую чепуху, накопленную бестолковой историей пролетарского движения в Италии за последние 25—30 лет» [2]).

---

[1]) Автор указывает, как на главную причину «успеха фашистов в рабочей среде», на повышение реальной заработной платы в первый год власти на 4%. В действительности не только не было повышения реальной зарплаты, а, наоборот, уменьшение если реальная зарплата в 1922 г. по отношению к довоенной была 101,8, то в 1923 г., т.-е. спустя год после взятия фашистами власти, реальная зарплата снизилась до 97,6, т.-е. уменьшена на 4,2% (см. статью Артуро Лабриола в «Рома» от 11 ноября 1924 г. и «The Economist» от 11 февраля 1928 г.).

[2]) Подчеркнуто нами. *А. В.*



Напыщенная фраза, не имеющая никакого смысла, не говоря уже о том, что она противоречит действительности. По автору, измена реформистов и оппортунистов способна излечить рабочих от романтизма и анархизма. Вот к какой чепухе (исторической и логической) приводит бестолковость автора!

Дальше на стр. 71 автор пишет: «Но начало положено (для работы подпольной компартии. *А. В.*), обстановка в общем благоприятная, пролетариат начинает (!) в некоторой своей части (!!) пробуждаться от националистического угара (!!!)». Значит, итальянский пролетариат был увлечен романтизмом и анархизмом и одновременно находился целиком в состоянии националистического угара и только сейчас начинает, и то только в некоторой своей части, пробуждаться от этого угара. Вся история итальянского рабочего движения доказывает как-раз противоположное. Нет в мире другого пролетариата, кроме пролетариата СССР, который был бы проникнут таким духом международной солидарности и которому всякий национализм и патриотизм был бы так чужд, как итальянский пролетариат. Вся история итальянского рабочего движения за последние 17 лет полна антинационалистическими выступлениями.

В последней главе брошюры автор пишет, что он собирается рассмотреть историю рабочего движения в Италии за последний период «со всем мужеством, с каким мы, революционеры, подходим к изучению любых исторических трудностей и вопросов». И в самом деле, надо признать, что автор обладает большим «мужеством», без которого было бы непонятно, как он мог издать у нас рецензируемую брошюру, в которой нагромождено столько бестолковостей.

Но, если это об'ясняется печальным мужеством автора, то никак нельзя понять, как это случилось, что ВЦСПС выпустил эту книгу?

**А. Визнер.**

---

## Письмо в редакцию журнала „Большевик“.

В № 1 журнала «Большевик» за 1928 г. появилась статья Слепкова «Орудие победы», трактующая о терроре и в той части, которая относится к Великой французской революции, всецело основанная на материалах, опубликованных мною в 1918 г. в небольшом сборнике хрестоматийного характера «Революционный Трибунал». Уже это показывает, что «подбор» материалов сделан был редактором сборника не так «тенденциозно» и «односторонне», как о том говорит Слепков. Замечу тут же, что мною затевалось четыре выпуска, а вышло, по условиям тогдашнего издательского дела, лишь два, по материалам, которые нашлись в Ленинграде. Третий и четвертый выпуски должны были составляться мною в Париже и как раз на $^{9}/_{10}$ должны были носить характер, диаметрально противоположный большинству материалов первых выпусков. Хрестоматия осталась незаконченной и неполной.

Слепков говорит еще и следующее: «Политическое лицо редактора этого сборника, высланного ГПУ из СССР за контрреволюционную деятельность, достаточно хорошо известно, чтоб о нем нужно было еще говорить».

Категорически заявляю, что это вымысел. Никогда никто меня не высылал, от начала революции я преподавал и преподаю в Гос. Университете и других советских учреждениях, неоднократно бывал приглашаем преподавать и читал лекции в партшколе в научноисследовательском

институте коммунистического университета и т. д., писал и пишу в «Историке-Марксисте», «Архиве Маркса и Энгельса», книги мои издаются Госиздатом, «Прибоем», Институтом Маркса и Энгельса, а последняя моя работа (о Лионском рабочем восстании) вызвала сочувственную оценку тов. Пашуканиса в журнале «Большевик».

Все это показывает, что заинтересовавший Слепкова вопрос о моем «политическом лице» решается несколько не так определенно, как это ему, повидимому, представляется.

*Евгений Тарле.*

2 февраля 1928 г.

---

## Ответ академику Е. Тарле.

В ответ на письмо Е. Тарле считаю долгом сообщить следующее:

1) Утверждение, что Е. Тарле высылался ГПУ за границу, приводившееся в моей статье «Орудие победы», является неверным, в силу чего приношу Е. Тарле свои извинения.

2) Сборник «Революционный Трибунал», редактированный Е. Тарле, и с точки зрения подбора материала и с точки зрения характера редакционных примечаний, вне всякого сомнения, не свидетельствовал о «симпатиях» автора к марксизму и революции.

Думаю, что автор напрасно в своем письме защищает свой труд т о л ь к о  п о т о м у, что им «затевалось четыре выпуска» и что не увидевшие света «третий и четвертый выпуски должны были составляться в Париже и как раз на $^9/_{10}$ должны были носить характер, диаметрально противоположный большинству материалов первых выпусков».

3) Автор настоящих строк должен сообщить о том обстоятельстве, которое подтолкнуло его сделать допущенную им ошибку.

При переходе к нэпу, группой антисоветских ученых и журналистов стал издаваться орган «Экономист», в числе сотрудников которого, вместе с Н. Бердяевым, Б. Бруцкусом, С. Булгаковым, А. Изгоевым, П. Пальчинским, А. Пешехоновым, П. Сорокиным и др., мы встречаем и Е. Тарле.

Как известно, журнал «Экономист» был закрыт за контрреволюционность, а его руководители были высланы ГПУ за границу.

*А. Слепков.*

---

Редакция { В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.